

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 19 (2019)

Симферополь
2019

Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол №6 от 20 июня 2019 г.)

Редакционная коллегия:

Главный редактор — В. А. Горенкин, заслуженный работник культуры, кандидат политических наук, доцент, ректор ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Заместитель главного редактора — О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Члены редакционной коллегии:

В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор
Л. И. Редькина, доктор педагогических наук, профессор
А. В. Швецова, доктор филологических наук, профессор
Л. А. Штомпель, доктор филологических наук, профессор
О. М. Штомпель, доктор филологических наук, профессор
О. В. Баева, кандидат исторических наук, доцент
Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент
О. Б. Элькан, кандидат культурологии, доцент
А. Ю. Микитинец, кандидат философских наук, доцент
О. И. Микитинец, кандидат философских наук, доцент
М. Р. Скоробогатова, кандидат педагогических наук, доцент
А. В. Норманская, кандидат культурологии
С. А. Стасюк, кандидат искусствоведения, доцент

ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»

Т. В. Умрихина, кандидат философских наук, генеральный директор
Н. В. Быковская, заместитель генерального директора
В. Ф. Санжаровец, старший научный сотрудник
Н. Л. Кучеревская, кандидат культурологии, заведующая отделом «Лапидарий»
Ю. Л. Белик, кандидат исторических наук, заведующий отделом «Крепость Керчь»
Л. В. Блинова — ученый секретарь, ответственный за выпуск

Г. Н. Гржибовская — литературный редактор
В. И. Цирульник — консультант по английскому языку
А. Н. Жаворонков — ответственный секретарь

Таврические студии № 19. — Симферополь : Из-во ООО «Антиква», 2019. — 164 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2019
© ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», 2019
© ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2019
© Оформление. ООО «Антиква», 2019

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБУ РК «ВОСТОЧНО-КРЫМСКИЙ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ФГБОУ ВО РК «КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ,
ИСКУССТВА И ТУРИЗМА»
ФГБОУ ВО «КЕРЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОРСКОЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОГРАММА

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

**К 100-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
И 80-ЛЕТИЮ НИМФЕЙСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА**

11 — 14 августа 2019 г.

г. Керчь

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

2019 год стал юбилейным для российской академической археологии — ей исполнилось 100 лет. И не случайно этому событию была посвящена очередная научно-практическая конференция «Археология и история Боспора», ведь зародилась классическая археология России именно в Керчи. Предшественник научных институтов и экспедиций — Императорская археологическая комиссия также отмечает свой уже 160-летний юбилей и своим появлением она обязана невероятным находкам на керченской земле. Подведению некоторых итогов археологической и памятникоохранной деятельности, оценке роли различных институтов в сохранении культурного наследия страны как основы возрождения духовности и дальнейшего развития России и была посвящена конференция в этом году.

Пристальное внимание участников конференции было обращено также на один из самых выдающихся памятников античного времени — городище Нимфей. 80 лет этот замечательный объект культурного наследия систематически исследуется Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа. Этому юбилею, кроме докладов, было посвящено выездное заседание, в ходе которого участники конференции не только освежили в памяти образ хорошо знакомого археологического городища, но и познакомилась с новыми планами исследователей и заповедника по музеефикации так называемой «Аллеи склепов» — уникального памятника погребального зодчества жителей античного города. Специально к юбилею экспедиции Восточно-Крымский музей-заповедник выпустил первую «живую открытку» нового проекта «Крым великолепный». Суть проекта в том, что по размещенному на открытке QR-коду с помощью современных смартфонов и других устройств можно перейти на специальную страницу сайта, где размещаются дополнительные текстовые, фото и видеоматериалы об объекте. И первым таким объектом стал Нимфей.

Как уже отмечалось выше, конференция «Археология и история Боспора» — это научный форум, обращающийся к истории Боспорского царства не только ради изучения или уточнения исторических фактов. Это — экспертный совет, который, благодаря своим полевым работам и научным выводам, активной гражданской позиции, все более оказывает влияние на современное состояние дел в исторической и археологической науке, в деле сохранения культурного наследия и градостроительного, ландшафтного и инфраструктурного будущего Восточного Крыма и других регионов, входивших некогда в состав одного из самых древних и могущественных государственных образований на территории Российской Федерации. Одним из последних ярких свидетельств этого является перенос маршрута железной дороги, соединяющей Крымский полуостров с материковой частью страны, в связи с обращением Института археологии РАН, Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника о необходимости сохранения и музеефикации вновь открытого памятника — Боспорской загородной усадьбы Манитра.

Непосредственное участие ученые и музейные работники принимают в обсуждении и реализации проектов по изменению облика самой Керчи. И тому подтверждение — презентация градостроительной концепции «Развитие Керчи в новых исторических условиях», представленная профессором Московской архитектурной института Игоря Захаровича Лозинского.

Понимание важности археологических исследований прошлого страны как дела не только научного, но и государственного значения, являются причиной того, что проблемы сохранения историко-культурного наследия Крыма в последнее время находятся в центре внимания общества и государства. Отноше-

ние к данному вопросу и достигнутые решения являются показателем гражданской зрелости самого общества, его исторической культуры. Тем не менее, нельзя отрицать определенной утраты ряда ценностных ориентиров в системе культуры. Многие доклады в ходе конференции были посвящены критическому анализу ситуации в науке и деле сохранения культурного и археологического наследия Крыма и России в целом. В настоящее время ученые-археологи и сотрудники музея-заповедника разрабатывают планы спасения еще одного уникального памятника — склепа Деметры, находящегося в самом центре города и подвергающегося негативному антропогенному влиянию; ведут борьбу с нерегулируемой застройкой в районе городской набережной, нарушающей историческую целостность и идентичность древней Керчи.

В Резолюции конференции участники констатировали, что классическая археологическая наука России подошла к своему 100-летию юбилею с большим багажом достижений, новыми методиками археологических исследований, основанных на развитии научно-технического прогресса, законодательной регламентации и повысившейся в последние годы интенсивности исследований, иногда меняющих многовековые представления об истории исследуемых территорий.

Керчь как древнейший город Российской Федерации, ставший «воротами» и «лицом» Крыма и имеющий на своей территории огромное количество памятников истории и культуры, природно-заповедных территорий, нуждается в реконструкции и модернизации функциональных зон, реализации градостроительной концепции, которая поможет Керчи стать городом, соответствующим её новому статусу. Эта задача может быть решена только с помощью национального проекта — отдельной программы по сохранению уникального города Керчи и прилегающих территорий Керченского полуострова.

Участники еще раз обратили внимание на то, что все наиболее масштабные и важные народно-хозяйственные проекты, особенно на территориях, насыщенных сложными, разновременными и исторически значимыми археологическими памятниками должны проходить обязательную предварительную археологическую экспертизу и сопровождаться соответствующими изысканиями профессионалов из числа работников государственных академических специализированных, ведущих музейных и учебных учреждений Российской Федерации. В связи с этим, форум поручил организаторам подготовить обращение в комитет по культуре Государственной Думы РФ о внесении изменений и дополнений в законодательство РФ в плане согласования ФЗ №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» с другими законами и нормативными актами, регламентирующими археологические раскопки и другие поисково-земельные работы, обратиться в Российскую академию наук и ФГБУН «Институт археологии РАН» о внесении уточнений в методики археологических исследований и проведения раскопок, ужесточение личной ответственности за выдаваемые сфальсифицированные археологические заключения вплоть до пожизненных запретов на право занятия такими работами.

Участники конференции предложили внести некоторые корректировки в регламент работы конференции, а одно из направлений в 2020 г. посвятить 125-летию открытия склепа Деметры — одного из самых значимых и уникальных памятников погребальной культуры I в. н. э.

Представляем Вашему вниманию материалы конференции, состоявшейся 11-14 августа 2019 г. в г. Керчи.

Генеральный директор
ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник»

Т. В. Умрихина

Ю. Л. Белик, Е. Е. Лютов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЕПРИПАСОВ К СТРЕЛКОВОМУ ОРУЖИЮ XVIII–XX ВВ., ВЫЯВЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ АК-БУРУНСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОЙ КРЕПОСТИ

Статья посвящена стрелковым боеприпасам, выявленным на территории Ак-Бурунских сооружений Керченской крепости. Работа является первой попыткой осветить некоторые вопросы, касающиеся истории использования стрелкового оружия и боеприпасов к ним на территории Керченской крепости.

Ключевые слова: Керченская крепость, Ак-Бурунские сооружения, стрелковые боеприпасы, гильзы, пули.

После поражения в Крымской войне Российская Империя лишилась права иметь военный флот на Черном море. В связи с этим, перед российским правительством остро встала задача иными средствами обеспечить оборону южных рубежей. По условиям мирного договора Россия не имела права строить крепости на берегах Черного моря, однако в положениях мирного договора не шло речи о Керченском проливе, и одним из своих первых указов император Александр II повелел начать строительство вблизи города Керчь новой крепости, ставшей выдающимся шедевром фортификационного искусства XIX в.

Керченская крепость строилась на протяжении 20 лет, с 1857 по 1877 гг., и была полностью готова к началу русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.

Гарнизон крепости насчитывал около 6000 человек при почти 600 орудиях. В течение 30 лет крепость стояла на боевом дежурстве, охраняя вход в Керченский пролив, после чего была переведена в разряд укреплений. Однако она сохранила свое военное значение. Подземные казематы крепости на протяжении еще почти 100 лет использовались для хранения боеприпасов и иного военного имущества [1, с. 36].

В годы 1-й Мировой и Гражданской войн Керченская крепость пережила немецкую оккупацию и подверглась разорению. Крепость оккупировали войска Антанты, поддерживавшие белогвардейцев. Во время этих событий крепость лишилась большей части своего военного имущества и пришла в запустение.

После установления Советской власти на ее территории размещаются различные службы Черноморского флота, строятся новые береговые и зенитные батареи. В годы Великой Отечественной войны на территории крепости располагалась Керченская военно-морская база и склады Черноморского флота. В послевоенный период в районе рavelина размещался дисциплинарный батальон Черноморского флота. До 2003 года Керченская крепость числилась как военный объект, и была закрыта для гражданских лиц. Лишь с недавнего времени российские исследователи получили возможность комплексного изучения истории крепости по архивным данным и исследований на местности.

Одним из немаловажных и интересных аспектов является использование военными, располагавшимися на территории крепости в разное время стрелкового оружия.

Особый интерес представляют вопросы связанные с историей использования стрелкового оружия военными, находившимися на территории крепости в XIX — XX вв. По архивным данным на мысе Ак-Бурун ранее, в XVIII в., располагалась турецкая береговая батарея. Здесь же в 1855 — 1856 гг. базировались оккупационные французские войска [1, с. 108, 111].

В ходе плановых работ в районе Ак-Бурунских укреплений научно-исследовательский состав крепости получил возможность начать накопление статистического материала по пулям и гильзам к стрелковому оружию различных периодов. На сегодняшний день мы имеем возможность провести первичный анализ накопленного материала.

Статистический материал накапливался в течение нескольких лет, и представляет собой как локальные, привязанные к определенной территории группы находок, так и представленные общей статистикой со всей территории Ак-Бурунских укреплений в целом.

На сегодняшний день мы можем выделить следующие локальные участки находок: 48-я береговая батарея; тер-

ритория карцера XIX в; участок склона у редюита прикрытого пути; район сброса гильз у «Голубых ворот»; гласис Ак-Бурунских укреплений; район «Ак-Бурунской батареи»; общий статистический материал с территории Ак-Бурунских укреплений без конкретной привязки к местности.

На территории 48-й береговой батареи, построенной в 1920-е — 1930-е гг. XX в. после проведения в 2017 — 2018 гг. работ по разминированию силами специалистов «Центра по проведению спасательных операций особого риска «Лидер» МЧС России, сотрудниками крепости было отобрано несколько десятков гильз к стрелковому оружию. Среди собранного материала отмечены гильзы 7,62×54 R к винтовке Мосина, гильзы американского производства 30-06 Springfield к винтовкам типа «Спрингфилд», и единичная находка гильзы 303 British к английским винтовкам типа «Ли-Энфилд» [14].

Из 32 гильз 7,62×54 R к винтовке Мосина на 22 (69 % от общего числа) стоит номер «17» (Подольский патронный завод), на 10 (31 % от общего числа) номер «38» (Тульский патронный завод). Все гильзы имеют в клейме букву «ш», то есть они были предназначены для стрельбы только из синхронного авиапулемета ШКАС. Пулеметы ШКАС активно применялись также и в зенитном варианте, и видимо, сгоревший склад боеприпасов предназначался для подразделений, обеспечивавших противовоздушную оборону 48-й береговой батареи [15]. Данный вывод подтверждает тот факт, что среди остатков извлеченного саперами боезапаса отсутствуют стандартные для пехотных частей патроны с легкой и тяжелой пулями. Напротив, они представляют собой исключительно патроны с бронебойными (Б-30), бронебойно-трассирующими (БТ), бронебойно-зажигательными (Б-32) и бронебойно-зажигательно-трассирующими пулями (ЗБ-46). Подобная номенклатура патронов использовалась исключительно в авиационном и зенитном вариантах. Диапазон выпу-

ска патронов небольшой, патроны Подольского патронного завода 1940-го и 1941-го годов выпуска, Тульского патронного завода 1939-го, 1940-го и 1941-го годов выпуска [10, с. 5-8, 14-17].

Патроны американского производства 30-06 Springfield поступали в Советский Союз по Ленд-Лизу и использовались преимущественно к пулеметам «Браунинг» M1919A4 [17]. Все 10 гильз датированы 1942 г. Среди обнаруженных гильз наблюдается большое разнообразие фирм-производителей: клеймо «DEN 42» — город Денвер, штат Колорадо, фирма «Denver Ordnance Plant» (2 шт.); клеймо «DM 42» — город Де-Мойнес, штат Айова, фирма «Des Moines Ordnance Plant» (1 шт.); клеймо «FA 42» — город Филадельфия, штат Пенсильвания, фирма «Frankford Arsenal» (1 шт.); клеймо «LC 42» — город Индепенденс, штат Миссури, фирма Lake City Ordnance Plant» (3 шт.); клеймо «SL 42» — город Сент-Луис, штат Миссури, фирма «St. Louis Ordnance Plant» (2 шт.); клеймо «UT 42» — город Солт-Лейк-Сити, штат Юта, фирма «Utah Ordnance Plant» (1 шт.). [7, с. 33-73].

В единичном экземпляре обнаружена гильза 303 British к английским винтовкам типа Ли-Энфилд и др., с клеймом завода «Royal Laboratory, Woolwich», город Вулвич, 1941 г. [3, с. 654-655].

Судя по разнице в датировках советских и иностранных патронов, можно предположить, что патроны 7,62×54 R к пулеметам ШКАС 1939 — 1941 гг. выпуска оставались на складе в первый период немецкой оккупации в ноябре — декабре 1941 г., и не были вывезены противником. После успешного завершения Керченско-Феодосийской десантной операции, подразделения Керченской военно-морской базы вернулись на прежнее место дислокации в Крепость Керчь, а американские патроны 30-06 Springfield и английские 303 British были получены в ходе дооснащения базы новым зенитным и стрелковым вооружением, из поставок Ленд-Лиза, вероятно в феврале — апреле 1942 г.

На краю мыса Ак-Бурун, на месте бывшего строения, обозначенного на планах крепости конца XIX — начала XX вв., как карцер, в ходе проведения работ по разминированию местности была обнаружена свалка строительного и бытового мусора. Среди прочего, удалось обнаружить 35 гильз и 2 пули дореволюционного периода. Самая поздняя находка позволяет датировать свалку 1919-м годом.

Обращает на себя внимание значительное разнообразие представленных гильз, относящихся к нескольким типам оружия. К самым ранним относятся 6 гильз 10,75×58 R к винтовке «Бердан». Среди них 5 гильз Тульского ружейного завода 1886-го (1 шт.), 1889-го (1 шт.), 1890-го (2-шт.) и 1891-го (1 шт.) годов. Образец клейма: «Тульский ПЗ 86». Одна гильза Петербургского патронного завода 1884 г., с клеймом «Ч 84 III», где буква «Ч» обозначает — «Медно-плавильный завод братьев Чикиных», Гатчинский район, «84» — год изготовления 1884-й, и «III» — третий триместр года [16].

Другим типом гильз стали повсеместно распространенные 7,62×54 R к винтовке Мосина. Интересным является тот факт, что практически все гильзы (всего обнаружено 12) выпущены иностранными заводами. Отмечены следующие гильзы английского и американского производства. Клеймо «G 17 7,62» — Англия, г. Лидс, фирма «Greenwood & Batley» (1 шт.). Клеймо «G. 17 F. 1 7,62» — Англия, «Government Cartridge Factory», Правительственный патронный завод № 1 (2 шт.). Клеймо «Кайнокъ 17 7,62» — Англия, г. Бирмингем, фирма «Kynoch Limited» (1 шт.) [4, с. 53-65].

Клеймо «Remington 17» — США, г. Бриджпорт, штат Коннектикут, фирма «Remington Arms Company» [7, с. 28].

Одна из гильз содержит клеймо «DM 1916» — Германия, г. Карлсруэ, фирма «Deutsche Waffen und Munitionsfabriken». Примечательно, что данные патроны выпускались в Германии в 1916 — 1917 гг., для трофейных винтовок Мосина, которые использовались

во вспомогательных и тыловых частях. Вероятно, данные патроны попали на территорию крепости в период ее оккупации германскими войсками в 1918 г. Еще пять гильз не имеют маркировки, но по типу капсюля идентичны германским и австрийским, которые наиболее вероятно являются их изготовителями [5, с. 40-43].

Лишь одна из гильз 7,62×54 R отечественного производства, она же и самая поздняя среди обнаруженных. Клеймо «С 19» — Симбирск (Ульяновск), 1919-й г. [16].

Третьей массовой группой гильз (14 шт.) стали гильзы 8×50 R к винтовке «Лебель». Из них на 10 стоит клеймо «RS SY 17» — Франция, г. Ренн, фирма «Cartoucherie de Rennes», 1917-й г. На 4-х гильзах стоит клеймо «ART. D. 5 16 ARS. M.» — Франция, г. Ренн, фирма «Atelier de construction de Renne», 1916-й г. Кроме гильз обнаружены и две тяжелых пули к винтовке «Лебель» с клеймом на донце «ARS B 1.17», г. Ренн, 1917-й г. [7, с. 139-140].

Отдельными находками представлены также патроны других иностранных армий. Обнаружено две гильзы 8×50 R к винтовке «Манлихер» с клеймом «I 19 16 H» — Австро-Венгрия, г. Хинтерберг, фирма «Hirtenberger Patronen Zundchutchen und Metallwarenfabrik AG», 1916-й г. [4, с. 21].

Одна гильза английского производства 303 British с клеймом «16-E VII» — Англия, г. Лондон, фирма «Eley Brothers. Limited», 1916-й г. [16].

Также в единичном экземпляре обнаружена 6,5-мм гильза к винтовке «Арисака» без клеймения, что типично для патронов японского производства. Клеймение на японских патронах производилось, но встречается крайне редко [11, с. 68-69].

Таким образом, подавляющее большинство гильз датировано 1916-м — 1917-м гг., и лишь одна имеет датировку 1919-й г. Данное обстоятельство, а также разнообразие по применяемым типам винтовок позволяют предположить, что представленное скопление

гильз связано с событиями середины, либо заключительного этапа Гражданской войны, в условиях жесткой нехватки вооружения и боеприпасов. С этим, по всей видимости, связано и извлечение со складов запасов старых винтовок «Бердан», и боеприпасов к ним.

Участок склона у редюита прикрытого пути интересен обнаружением нескольких гильз и пуль 2-й половины XVIII — начала XX вв. Среди наиболее ранних пуль следует отметить четыре ружейных пули 2-й половины XVIII в. — 1-й половины XIX в. Наиболее вероятно, они связаны с событиями Русско-турецкой войны 1768-1774 гг., по результатам которой Российская империя получила город Керчь и крепость Ени-Кале. В ходе этой войны в 1771 г. войска под командованием генерала Н. В. Барзова захватили г. Керчь. Возможно, обнаружение пуль связано с событиями по подавлению турецкой береговой батареи, располагавшейся на мысе Ак-Бурун [16].

Остальные находки у редюита прикрытого пути относятся к гораздо более позднему времени. Среди находок: пуля к винтовке «Бердан»; гильза 303 British с клеймом «B 15 VII» — г. Глазго, фирма «Nobel Explosives Company, Limited», 1916-й г. [9, с. 216, 239]; гильза 8×50 R к винтовке «Манлихер» без клейма; гильза 10,35×47 R к винтовке Веттерли-Витали с клеймом «SMI 1916» — Италия, фирма «Societa Metallurgica Italiana», 1916-й г. Данные гильзы также наиболее вероятно связаны с периодом Гражданской войны [6, с. 39].

Вблизи редюита прикрытого пути, у «Голубых ворот» во время проведения Вахты Памяти-2019 поисковиками было обнаружено место сброса гильз, общим количеством не менее 500 шт. В случайном порядке, для сбора статистического материала были отобраны партии гильз к различным видам оружия, общим числом 90 единиц.

Осмотр отобранных гильз показал, что они относятся к четырем различным типам стрелкового оружия: 7,62×54 R к винтовке Мосина; 7,62-мм образца

1930-1933 гг. к пистолету Токарева; 9-мм к пистолету Макарова; 7,62×39 образца 1943 г. (к автомату Калашникова АК-47 и др.).

Гильзы 7,62×54 R к винтовке Мосина имеют датировку преимущественно предвоенных выпусков и принадлежат различным заводам. Клеймо «Т 25» — Тульский патронный завод, 1925 г. (22 шт.). Клейма «17 28» (2 шт.) и «17 35» (3 шт.) — Подольский патронный завод, соответственно 1928 и 1935 гг. Клейма «3В 38» (2 шт.) и «3В 41» (2 шт.) — Ульяновск, «Завод им. Володарского», соответственно 1938 и 1941 гг. Клейма «Л 3-26» (6 шт.), «60 38» (1 шт.), «60 39» (2 шт.) и «60 40» (2 шт.) — Луганский патронный завод, соответственно 1926, 1938, 1939 и 1940 гг. Интересным является единичное клеймо «23» (1923 г.) без буквенного обозначения, цифры 2 и 3 по разные стороны капсюля. Судя по технике нанесения наиболее вероятный изготовитель — Тульский патронный завод [16].

Вторым типом гильз являются 7,62-мм образца 1930-1933 гг. к пистолету Токарева. Они имеют клеймение: «3 42» (23 шт.); «3 43» (5 шт.); «3 45» (1 шт.). Все гильзы произведены на Ульяновском патронном заводе в 1942, 1943 и 1945 гг., соответственно [8, с. 76-77].

Третий тип гильз — 9-мм к пистолету Макарова (16 шт.). На всех гильзах стоит клеймо «270 Д». В период с 1952 по 1956 гг., в СССР на патронных заводах существовала практика замены года выпуска буквенным обозначением: «Г» — 1952 г.; «Д» — 1953 г.; «Е» — 1954 г.; «И» — 1955 г.; «К» — 1956 г. Таким образом, клеймо «270 Д» обозначает — Луганский патронный завод, 1953 г. [16].

Последней разновидностью гильз являются 7,62×39 образца 1943 г. — так называемый промежуточный патрон. Клейма на гильзах принадлежат двум заводам: «270 50» (5 шт.) и «270 Г» (1 шт.) — Луганский патронный завод, 1950 и 1952 гг. соответственно; «539 Д» (6 шт.) — Тульский патронный завод, 1953 г. Что характерно, патроны 7,62×39 окончательно были доработаны

и приняты на вооружение Советской армии лишь к 1949 г., и самые ранние их партии, 1950 г., уже попадают в крепость. С чем связано данное обстоятельство, предстоит выяснить в дальнейшем [3, с. 616-617, 653, 656].

Гласис Ак-Бурунских укреплений. Во время проведения Вахты Памяти-2019 поисковики детально обследовали место ожесточенного боя на гласисе Ау-Бурунских укреплений вблизи центральных ворот. Среди прочего, на месте боя были обнаружены многочисленные стреляные гильзы и целые патроны 7,62×54 R к винтовке Мосина, и в заметно меньшем количестве гильзы и патроны 7,92×57 к винтовке «Маузер». Специально на данной территории отбор гильз не производился, ввиду его однообразности. Остановимся на наиболее типичных видах.

Среди обнаруженных гильз обычными являются следующие примеры клейм: «60 28» — Луганский патронный завод, 1928 г.; «23 С» — Симбирский (Ульяновск) патронный завод, 1923 г.; «П 25» — Подольский патронный завод, 1925 г. Перечисленные выше варианты клеймения повсеместно распространены по территории Крепости Керчь. Временной диапазон составляет примерно 1923 — 1928 гг. По всей видимости, данные патроны являются частью завезенного на территорию крепости в конце 1920-х — начале 1930-х гг., склада боеприпасов, предназначавшегося для расквартированного на ее территории гарнизона [16].

Другой, отличающейся по вариантам клеймения группой боеприпасов, является следующая: «3В 37» — «Завод им. Володарского, г. Ульяновск, 1937 г.; «38 40» — Тульский патронный завод, 1940 г.; и др. Обычный диапазон составляет 1935 — 1941 гг. Что характерно, на территории крепости данные патроны встречаются достаточно редко, и преимущественно сосредоточены по периметру, на позициях оборонявшихся в 1942 г. войск. Вероятнее всего, данный боезапас попал на территорию крепости вместе с

отступившими с Ак-Монойского перешейка частями Красной армии около 14-15 мая 1942 г. [16].

Необычной стала находка в одной из стрелковых ячеек нескольких десятков гильз 7,62×54 R к винтовке Мосина финского производства с клеймами «VPT 28» и «VPT 30». Они произведены на государственном патронном заводе «Valtion Patruunatehdas», г. Лапуа, в 1928 и 1930 гг. Видимо, они представляют собой трофейные боеприпасы Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг., осевшие на складах, и с началом Великой Отечественной войны розданные войскам [9, с. 229, 261].

Большое разнообразие клейм немецких производителей делает невозможным их детальное рассмотрение в рамках данной статьи. Приведем лишь пример расшифровки рядового клейма на гильзе немецкого производства «P 490 38 S*1», где: «P 490» — обозначение фирмы-производителя; «38» — год выпуска 1938; «S*» — материал гильзы; «1» — номер партии [12, с. 2-10]. Среди боеприпасов 7,92×57 к винтовке «Маузер» немецких войск отмечены, помимо выпущенных в Германии, гильзы бельгийского производства с клеймом «FN 38 5» — г. Герсталь, фабрика «Fabrique Nationale d'Armes de Guerre», 1938 г., с синим кольцом вокруг капсюля [4, с. 103].

Другой типичной для крепости ситуацией являются случайные находки стреляных гильз времен Первой Мировой и Гражданской войн. Среди обнаруженных: гильза 7,62×54 R к винтовке Мосина с клеймом «14 P P I» — г. Санкт-Петербург, поставщик латуни завод «Розенкранц», первый триместр 1914 г.; гильза 303 British с клеймом «E-16 VII» — г. Лондон, фирма «Eley Brothers Limited», 1916 г.; гильза 303 British с клеймом «J-16 VII» — г. Бирмингем, фирма «Birmingham Metal & Munitions Company», 1916 г. [4, с. 53 и 60].

Другими случайными находками стали прошедшая канал ствола пуля к винтовке «Бердан» и пуля Минье 1-й половины XIX в.

Особенно интересен по составу находок район «Ак-Бурунской батареи». Находки отличаются большим разнообразием, и среди них можно выделить несколько отдельных групп. Первой является группа из трех ружейных пуль 2-й половины XVIII — первой половины XIX вв., и одной пистолетной пули [2, с. 21-32]. Вполне вероятно, что эти находки также связаны с событиями русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. В XVIII в. на мысе Ак-Бурун располагалась турецкая береговая батарея, и существует вероятность того, что часть экспедиционных сил русской армии в 1771 г. могла быть задействована для ее подавления. Данный вопрос на сегодняшний день остается открытым и требует дальнейшего изучения [1, с. 108, 111].

В другую группу входят три крайне редко встречающихся гильзы начала XX в. Первым в этой группе стоит выделить патрон образца 1891 г., с бумажной пулей и клеймом «Тульскій» без года выпуска. Холостые патроны входили в штатную номенклатуру боеприпасов российской армии наряду с боевым, короткобойным (практическим) и учебным патронами, использовались для обучения солдат навыкам обращения с оружием и имитации стрельбы.

Вторым патроном является более поздний тип холостого патрона со сплошным, звездообразным зажимом дульца гильзы и клеймом «05 П Р II» — Санкт-Петербургский патронный завод, поставщик латуни завод «Розенкранц», второй триместр 1905 г. [16].

Третий в группе «Учебный патрон 2-го образца Офицерской стрелковой школы», который был разработан в 1896 г., в связи с неудовлетворительными характеристиками деревянного «Учебного патрона 1-го образца» «Учебный патрон 2-го образца Офицерской стрелковой школы», представляет собой деревянный патрон, вставленный в латунный стакан от штатной гильзы длиной около 15 мм. На верхнюю часть патрона надета оболочка штатной пули. Клеймо на обнаруженном патроне «09 Ф Р II» — Санкт-Петербург, «Об-

щество франко-русских заводов», второй триместр 1909 г. [13].

По всей видимости, в дореволюционное время в районе «Ак-Бурунской батареи» располагался полигон для обучения военнослужащих гарнизона Керченской крепости навыкам обращения с оружием. На сегодняшний день остается открытым вопрос, использовался ли данный полигон для практических стрельб. Необходимо более тщательное обследование местности.

Интересным является тот факт, что данное место использовалось как учебный полигон и спустя столетие. Среди отобранного материала значительную часть составляют гильзы, относящиеся к современному периоду. Так, в районе «Ак-Бурунской батареи» обнаружен стреляный холостой патрон 7,62×54 R с клеймом «188 90» — Новосибирский патронный завод, 1990 г. С этого же места происходят 24 стреляных 7,62-мм холостых pistolетных патрона, из них: 21 патрон с клеймом «270 92» — Луганский патронный завод, 1992 г.; 1 патрон с клеймом «539 91» — Тульский патронный завод, 1991 г.; 2 патрона с клеймом «9-мм BLANK» неустановленного производителя [8, с. 87, 170-171].

Очевидно, что данный район использовался в качестве учебного полигона в начале 1990-х гг., расквартированными на территории крепости воинскими частями.

Помимо вышеперечисленных, с территории «Ак-Бурунской батареи», что обычно для крепости, происходят случайные находки пуль и гильз различных периодов. Среди обнаруженных: пуля Минье; 2 пули к винтовке «Бердан»; 2 пули от патрона 10,35×47 R к винтовке Веттерли-Витали; пуля от малокалиберного патрона кругового воспламенения калибра . 22 «лонг райфл» [3, с. 410-411]; гильза 303 British с клеймом «J-16 VII» (см. выше); гильза 30-06 Springfield с клеймом «FA 42» (см. выше); гильза 7,92×57 к винтовке «Маузер» иранского производства; гильза 7,62-мм к pistolету Токарева с нечитаемым клеймом.

Как мы видим, район «Ак-Бурунской батареи» активно использовался военнослужащими на протяжении двухсот лет, что очевидно связано с удобством его расположения и особенностями рельефа местности.

Помимо локальных мест находок, с территории Ак-Бурунских сооружений происходит также и ряд случайных находок, установить точное место происхождения которых не представляется возможным. Подобных гильз незначительное количество, и они имеют интерес лишь с точки зрения статистики и дополнения общей картины.

Патроны 7,62×54 R представлены гильзами Подольского, Тульского и Ульяновского патронных заводов, и относятся к событиям Великой Отечественной войны: «17 28» (2 шт.); «38 40» (1 шт.); «3В 38» (1 шт.). Другая группа отражает события Гражданской войны: «Тульский ПЗ 906»; «G. 17 F. 1 7,62». К этой же группе следует отнести гильзу 303 British с клеймом «J-16 VII», и три гильзы 10,35×47 R к винтовке Веттерли-Витали с клеймом «SMI 1916». Все приведенные клейма уже ранее рассматривались выше по тексту.

Интересным является тот факт, что на территории Ак-Бурунских укреплений обнаружено сравнительно мало патронов 7,92×57 к винтовке «Маузер». В основном их находки отмечены на месте боя в мае 1942 г. на гласисе Ак-Бурунских укреплений. На остальной же территории они представлены всего тремя единицами. Клеймо «P 490 38 S* 1» — Австрия, Вена, фабрика «Munitionsfabrik Willersdorf» [18]. Клейма «Z 19 38 II» и «Z 19 38 X» — Чехословакия, г. Брно, оружейный завод «Чешска Збройевка», 1938 г. [9, с. 231, 264].

Таким образом, первичный анализ материала, обнаруженного в районе Ак-Бурунских укреплений, показывает, что история использования стрелкового оружия и боеприпасов к ним на территории Керченской крепости претерпевала непрерывную эволюцию на протяжении более чем двух веков.

Важнейшие геополитические события Российской истории XVIII — XX вв., как и следовало ожидать, нашли свое отражение в истории крепости. Даже первоначальный анализ находок с их привязкой к историческим событиям позволяет выделить несколько периодов «активности».

Первый период — события Русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг., по результатам которой Российская империя впервые получила территории в Крыму — город Керчь и крепость Ени-Кале.

Второй период — годы Крымской войны, строительство Керченской крепости. В мае 1855 г. англо-французский десант, высадившись в бухте Камыш-Бурун, штурмом с суши подавил русскую береговую батарею на Павловском мысе, и здесь же, позднее, с 1855 по 1856 гг. располагались лагерем французские оккупационные войска. Архивные сведения, как мы видим, подтверждаются полевыми находками. Помимо материала с Ак-Бурунских укреплений, с территории Крепости Керчь известна большая часть применявшихся в годы Крымской войны ружейных, винтовочных и револьверных пуль, что найдет свое отражение в дальнейших публикациях.

Третий период — годы гражданской войны. Разнообразие применяемого стрелкового оружия отечественного и иностранного производства подчеркивает накал происходивших на территории крепости событий. По всей видимости, крепость несколько раз переходила из рук в руки. Помимо этого, удалось выявить и косвенные следы присут-

ствия оккупационных войск Германии и Великобритании.

Четвертый период — 20-начало 40-х гг. XX в., Великая Отечественная война. Крепость в годы войны активно использовалась в качестве склада боеприпасов. Здесь же располагались две береговые и одна зенитная батареи. Изученный материал позволяет выделить боеприпасы, имеющие происхождение со складов крепости, и боеприпасы, попавшие на территорию с отступающими войсками Крымского фронта в 1942 г.

Пятый период — вторая половина XX в. После окончания Великой Отечественной войны Крепость Керчь продолжала использоваться для хранения складов боеприпасов и различного военного имущества. Гарнизон крепости, судя по находкам использованных боеприпасов, во время службы проходил интенсивное обучение навыкам обращения со стрелковым оружием. Судя по известным датам на гильзах, последним периодом активного обучения стали 1990 — 1992 гг.

Данное исследование является лишь первой попыткой осветить историю использования стрелкового оружия и боеприпасов к ним на территории Керченской крепости. По мере накопления и обработки материала предстоит дать описание находкам форта Тотлебен, Виленского и Минского люнетов, Береговых сооружений, Передовых укреплений, что позволит провести комплексный анализ использования боеприпасов к стрелковому оружию на одном из главных военных объектов юга России.

1. Белик Ю. Л. Керченская старина. Вып. II. Крепости Керченского полуострова (XVII — XIX вв.). — Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. — 120 с.

2. Горелов В. Пули и пыжевники ручного огнестрельного оружия, использованного при осаде и обороне Севастополя в 1854 — 1855 годах // «Military Крым»: военно-исторический журнал. — Симферополь: СПД ФЛ «Рубинчук А. Ю.», 2012. № 4. — 78 с.

3. Жук А. Б. Стрелковое оружие. Револьверы, pistolеты, винтовки, pistolеты-пулеметы, автоматы. — М.: Воениздат, 1992. — 735 с.

4. Клейма на патронах и оружии. Справочно-информационный сборник / сост.: Е. В. Шальский, А. Г. Лебардин, П. В. Бердник, В. А. Гуздуп. М.: Нормотест-Кримтех, ЭКЦ МВД РФ, 1995. — 270 с.

5. Клейма на патронах и оружии. Справочно-информационный сборник / сост.: Е. В. Шальский, А. Г. Лебардин, П. В. Бердник, В. А. Гуздуп. М.: Можайск-Терра, 1996. — 264 с.

6. Клейма на патронах и оружии. Справочно-информационный сборник / сост.: Е. В. Шальский, А. Г. Лебардин, П. В. Бердник, В. А. Гуздуп. М.: Можайск-Терра, 1997. — 368 с.

7. Клейма на патронах и оружии. Справочно-информационный сборник / сост.: Е. В. Шальский, А. Г. Лебардин, П. В. Бердник, В. А. Гуздуп. М.: Можайск-Терра, 2000. — 368 с.

8. Патроны к стрелковому оружию. Справочное пособие / сост.: А. В. Коломийцев, И. С. Собакар, В. Г. Никитюк, В. В. Сомов. Харьков: 2003. — 336 с.

9. Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование. Справочное пособие / сост.: М. М. Блюм, А. С. Волнов, А. В. Жук, Т. Ф. Одиночкина, А. И. Устинов, В. В. Филиппов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. — 296 с.

10. Специальные патроны стрелкового вооружения. Описание и указания по применению (Выпуск первый). Справочное пособие / Артиллерийское управление РККА. М.: Воениздат, 1940. — 48 с.

11. Справочник по патронам, ручным и специальным гранатам иностранных армий / под ред.: инженер-подполковник И. С. Мурзаев, инженер-майор Н. М. Хананов. Главное артиллерийское управление вооруженных сил Союза ССР М.: Воениздат, 1946. — 136 с.

12. Ringbuch der Infanteriemunition. Band I. vom 1. 5. 1941. Heereswaffenamt WaPrüf 1 VII. 64 S.

Интернет-источники:

13. Адеев. Д., Донец А. История русского трехлинейного (7,62×54 R) патрона: [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80aaxqgbdj.xn--p1ai/publ/1/17-1-0-188> (Дата обращения: 19.05.2019).

14. Белик Ю. Л. Некоторые особенности расположения советских оборонительных сооружений по берегам Керченского пролива накануне ВОВ: [Электронный ресурс]. URL: <https://fortkertch.ru/ru/beregovye-batarei-20-veka/38-nekotorye-osobennosti-raspolozheniya-sovetskikh-oboronitelnykh-sooruzhenij-po-beregam-kerchenskogo-proliva-nakanune-vov> (Дата обращения: 19.05.2019).

15. Военное обозрение / Зенитные средства противоздушной обороны РККА: [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/31576-zenitnye-sredstva-protivovozdushnoy-oborony-rgka.html> (Дата обращения: 19.05.2019).

16. История производства и маркировка винтовочных патронов 7,62×54R к винтовке Мосина: [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/5352559/> (Дата обращения: 19.05.2019).

17. Энциклопедия вооружения / Патрон 30-60 Springfield: [Электронный ресурс]. URL: <https://worldweapon.info/patron-30-60-springfield> (Дата обращения: 19.05.2019).

18. TABLA DE TIPOS Y DENOMINACIONES DE CARTUCHOS ALEMANES CALIBRE 7. 92×57 Y EL CODIGO DE COLORES PARA IDENTIFICARLAS: [Электронный ресурс]. URL: http://www.municion.org/792/792x57_05.htm (Дата обращения: 27.05.2019).

The article is devoted to the small arms ammunition revealed in the territory of Ak-Burun constructions of the Kerch fortress. The work is the first attempt to highlight some issues related to the history of the use of small arms and ammunition on the territory of the Kerch fortress.

Keywords: Kerch fortress, AK-Burun constructions, shooting ammunition, sleeves, bullets.

УДК 930.2

А. В. Берлов

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

В статье автором рассматриваются письменные источники позднеантичных и ранне-византийских авторов, в которых освещается деятельность позднеантичного Боспора. Автор приходит к выводу, что все эти работы различны по жанровым особенностям и сильно дифференцированы по характеру информации и степени ее достоверности.

Ключевые слова: Боспорское царство, источники, Северное Причерноморье.

Письменные источники по теме исследования разновременны и разнохарактерны. Прежде всего это сочинения позднеантичных и ранневизантийских авторов. В своё время исчерпывающий очерк античной письменной традиции о Северном Причерноморье дал Ростовцев Михаил Иванович. Нетрудно заметить, что Боспор появляется в письменных источниках в основном в тех случаях, когда входит в контакт со средиземноморскими державами и представляет для них интерес [1, с. 5]. Все сочинения о позднеантичном Боспоре основываются на уже существующей традиции освещения Боспора, восходящей к античным географическим трактатам и частично, быть может, к местной боспорской исторической традиции.

Круг письменных источников по истории Северного Причерноморья IV в. очень узок как в отношении количества самих источников, так и с точки зрения того объёма информации, кото-

рый содержится в них применительно к этому региону [2, с. 152]. Племена Северного Причерноморья не имели своей письменности, или имели её лишь в зародыше. Боспорская историческая традиция не сохранилась. Поэтому особое значение приобретают источники, происходящие с территории империи. Важнейшими из них являются произведения на греческом и латинском языках, принадлежащие современникам описываемых событий.

Несколько раз Боспор упоминается у Аммиана Марцеллина, крупнейшего историка своей эпохи (географический очерк: XXII. 8; описание гуннов и аланов: XXXI. 1, 2; посольство 362 г.: XXII. 7, 10; алано-гуннская война: XXXI 3.1-3. Последняя общая работа об Аммиане) [3, с. 177]. Аутентичность сведений Аммиана следует считать доказанной [4, с. 11]. Главную ценность в его описании имеют сведения о племенах, вступавших в непосредственное соприкосновение с Боспором. О судьбах

же самого Боспора при нападении на него гуннов автор умалчивает. Не является ли это косвенным подтверждением того, что гунны не принесли Боспору катастрофических разрушений? Вопрос остаётся открытым и поныне...

Эпизоды, связанные с «готскими походами» на восточные провинции империи во 2-й половине III в. с территории Боспора, нашли отражение в сохранившихся фрагментах «Истории» Дексиппа (фр. 16, 16а, 21). Частично эти же эпизоды в их связи с Боспором фигурируют в биографиях Аврелиана (22, 2) и Тацита (13, 2-3) из SHA.

Наиболее полно в источниках отражены события, связанные с переправой гуннов в Европу. Все эти описания в конечном счёте восходят к наиболее раннему из этих описаний, принадлежащему Евнапию (фр. 41). Этот автор интерпретирует данный факт в духе древней легенды об Ио, перешедшей через пролив по «бычьему броду» — Боспору. В его изображении охотники-гунны, преследовавшие лань или оленя, увидели, как животное переплыло на другой берег. Двинувшись ему вслед, весь народ перешел через пролив. С небольшими вариациями этот сюжет повторялся историками V в. — Созоменом (VI, 37), Сократом Схоластиком, Филосторгием. Остается заметить, что эта легенда прочно вошла в русло исторической традиции и стала своеобразным клише, которое использовали все авторы, писавшие об истории региона. Несколько особняком стоит рассказ Зосима (IV. 20, 1-3), отличающийся большей полнотой и связностью. Но суть сообщения не претерпевает изменений и здесь. Зосим интересен также своим рассказом об эпохе «готских походов» (I. 23, 1; 31-32; 42, 1-2). Мы не имеем другого столь полного рассказа о 2-й половине III века на Боспоре. При общей репутации Зосима как добросовестного историка его сведения выглядят весьма убедительно. К сожалению, о событиях послегуннского времени в Таврике наш автор ничего не сообщает.

Ритор Фемистий в одной из речей дает важную информацию о хлебной торговле Константинополя с Боспором во 2-й половине IV в. (XXVII, р. 336) [5, с. 21]. О ситуации в северопричерноморских степях в начале V в. даёт краткие сведения один из фрагментов Олимпиодора (фр. 12). Небольшое, но интересное сообщение о ситуации в Восточной Таврике на рубеже IV-V вв. даёт Иоанн Златоуст в одном из писем к Олимпиаде (ad Olymp. XIV), где касается положения местных христиан и их церковной организации.

После того, как Боспор вошёл в состав Византийской империи в начале VI в., историки этого времени вновь обращают своё внимание на наш регион (общий очерк ранневизантийской историографии и характеристика авторов) [6, с. 432]. Наиболее полная информация содержится в трудах Проккопия Кесарийского. Он обращается в основном к современной ему эпохе, но ретроспективно касается и событий предшествовавшего V столетия. Большой отрывок повествует о возвращении утигуров из Европы через Крым в Прикубанье (Bell. Goth. VIII, 5). Большое место уделено политической ситуации на Боспоре в связи с обстоятельствами его присоединения к Византии (Bell. Pers. I, 12) и дальнейшими событиями (Bell. Goth. VIII. 4; De aedif. III, 7).

К проблеме прихода гуннов в Европу вновь возвращается Агафий Миринейский в своём сочинении «О царствовании Юстиниана» (V, 11). При этом можно отметить его реалистическую оценку способа переправы гуннов, несмотря на риторические ухищрения и вычурный язык.

Важным и ценным источником по истории позднего Боспора и окружающих его племён является Иордан. Он касается проблемы происхождения гуннов (121, 122), даёт свою версию прихода гуннов в Европу (123-125, 126-127), а также рисует картину политической ситуации в причерноморских степях в V-VI вв. (37). Среди прочих ранневизантийских авторов можно выделить При-

ска Панийского. Его рассказ о византийском посольстве 448 г. ко двору Атиллы остаётся уникальным свидетельством об образе жизни и быте гуннов. Объективность и отсутствие враждебности отличают Приска от Иордана и при описании социального строя, быта и нравов гуннских племен. Сочинение Приска помогает полнее представить себе окружение Боспора в V веке. О положении Боспора при Юстиниане и об окружающих его варварах рассказывает Менандр Протиктор. Некоторая информация о позднем Боспоре есть у хрониста Иоанна Малалы. Он говорит о присоединении Боспора к Византийской империи (433), о крещении гуннов, живших близ Боспора в начале VI в. (481). Позднейший хронист Феофан Исповедник (под 527 г.) также обращает внимание на аннексию Боспора империей и связанные с этим события.

Очень интересные сведения дает автор анонимного «Перипла Понта Эвксинского», относимого специалистами к V в. Автор во многих местах буквально следовал периплу Флавия Арриана, поэтому это сочинение часто именуется периплом Псевдо-Арриана. Номенклатура географических названий, содержащаяся в этом источнике, по общепринятой версии действительно отвечает реалиям V в. в тех местах, где автор сам «поправляет» текст Арриана [7, с. 232]. Краткие, но важные сведения можно извлечь также из текста Стефана Византийского и «Нового географического текста».

Наконец, в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» есть глава 53, которая повествует о боспорско-херсонесских войнах при Диоклетиане. Не одно поколение историков по-разному относилось к этому пассажи, но в настоящее время появились достаточно убедительные исследования, говорящие в пользу достоверности рассказа Константина.

Касаясь общих проблем позднеантичной государственности пришлось прибегнуть к свидетельствам других античных авторов. Завершая крат-

кий обзор письменных источников по истории позднего Боспора, следует отметить их неполноту, фрагментарность, избирательный характер сообщаемых сведений. Реконструировать только по ним сколько-нибудь цельную картину истории Боспора IV-V вв. весьма затруднительно. Поэтому резко возрастает значение археологических источников.

Характеризуя Боспор конца IV-V вв. Сокольский Николай Иванович справедливо отмечал, что в связи с относительной исчерпанностью и скудностью письменных источников дальнейшее движение должны обеспечить источники археологические. Между тем, собирание археологических источников, их обобщение и исторический вывод есть дело трудоёмкое и длительное, складывающееся из многих отдельных частей и решения отдельных конкретных вопросов [8, с. 261].

В связи с вышеизложенным, нам представляется возможным наметить три уровня теоретического обобщения данной проблемы: 1) на основании конкретного археологического материала нужно дать конкретные проистекающие отсюда выводы, 2) сгруппировав эти выводы и приведя их в систему, можно выйти на уровень предварительных обобщений — гипотез, 3) понимая всю спорность и сложность дела, надо попытаться создать обобщённую теоретическую модель исследуемой проблемы. Историк работает с конкретными фактами, получаемыми из источников. Его задача — обобщив факты, учтя работу предшествовавших исследователей, дать своё объяснение рассматриваемым событиям. В этом и состоит суть исторического исследования. Дмитрий Моисеевич Петрушевский в свое время отмечал, что «историк не только может изучать конкретный материал исторического развития с помощью генерализующего метода, он должен это делать» [9, с. 10].

Таким образом, можно резюмировать, что источниковая база вопроса основана на данных античной и

средневековой письменной традиции, материалах археологических исследований, а также данных эпиграфики и нумизматики. Письменные источники в большинстве своём — это сочинения римских и византийских авторов I–VI вв. и некоторые произведения более позднего времени. Все они различны по жанровым особенностям и сильно дифференцированы по характеру информации и степени её достоверности, а также имеют следующие особенности: Во-первых, разрозненность и фрагментарность сведений об античной цивилизации и варварском мире Таврики и других регионов Северного Причерноморья. Это является общей проблемой античных источников, целенаправленное внимание к сохранению и систематизации которых стало уделяться только в эпоху Возрождения. Многие произведения древних авторов не сохранились, а то, что дошло до нас, нередко представлено в сильно иска-

женном виде. Во-вторых, ошибки при копировании, когда переписчик древнего сочинения плохо понимал древний текст и сознательно шел на исправление некоторых его частей, что создаёт своеобразную специфику античных письменных источников и требует критического подхода к использованию их в исторических реконструкциях.

В-третьих, следует принимать во внимание уже изначальные особенности древних текстов. Это тенденциозность авторов древних сочинений, их стереотипность в описании исторических событий, сведения о которых часто носят книжный, компилятивный характер, традиционность этнической номенклатуры, когда, например, пришлые народы награждались прежними, более привычными варварскими именами. Не последнее место при этом занимают жанровые и некоторые другие особенности конкретных авторов и письменных сочинений.

1. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических, 1925.
2. Дион Кассий: Dio's Roman History / Text and transl. Ed. E. Cary.-Vol. I-IX. — Camb, 1970.
3. Matthews J. The Roman Empire of Ammianus, 1968;
4. Ермолова И. Е. Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков н. э. (по Аммиану Марцеллину). — Автореф. дис., 1985.
5. Евнапий: Eunapius Sardianus. Fragmenta/Ed. B. G. Niebuhr // CSHB. Bonn — 1829; Евнапий. Продолжение Истории Дексиппа // Византийские историки, 1860.
6. Удальцова З. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии IV — I пол. VII вв., 1984.
7. Евсевий Памфил. Жизнь Константина // Евсевий. Сочинения. — 1858.
8. Сокольский Н. И. Гунны на Боспоре, 1968
9. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства, 1917.

In the article, the author examines the written sources of the late Roman and Early Byzantine authors, which highlight the development of the late Antique Bosphorus. The author comes to the conclusion that all these works are different in genre features and are strongly differentiated by the nature of the information and the degree of its reliability.

Keywords: Kingdom of the Bosphorus, sources, Northern Black Sea Coast.

УДК 904:94(38).09

Н. И. Винокуров

НОВЫЕ КОЛОДЦЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Автор приводит результаты новейших раскопок городища Артезиан в Крымском Приазовье. В статье исследуются 16 античных колодцев первых веков нашей эры поздней цитадели городища Артезиан.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище Артезиан, боспоро-римская война 44/45–49 гг. н. э., гидротехнические сооружения, колодцы, системы водоснабжения, цитадель.

Античным гидротехническим сооружением, раскопанным Артезианской археологической экспедицией в разные полевые сезоны: водосборным резервуаром, дренажным наземным и подземным каналам, облицованным деревом и камнем колодцам, посвящено несколько специальных работ [1, с. 45–72; 2, с. 459–489]. На момент выхода упомянутых выше публикаций в центральной части городища Артезиан было найдено пять античных колодцев. При продолжении работ в возвышенной мысовой части городища, когда значительная часть внутренней территории ранней и поздней цитаделей была исследована, количество выявленных колодцев возросло до 16-ти, что позволило вернуться к рассмотрению темы древних гидротехнических сооружений.

Все новые колодцы относились к периоду бытования позднего акрополя городища, возведённого при царе Котисе I (45–68 гг.) на руинах ранней цитадели,

погибшей в 46/47 г. в начальный период боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (Tac. Ann. XII. 15–21¹ [3, 2005, с. 50–60; 4, с. 67–77; 5, с. 9–16; 6, с. 38–44; 7, 46–65; 8; 9, с. 98–105; 10, с. 1–17; 11, с. 30–40;]. Раскопанные ранее колодцы 1–5.1 подробно описывались ранее [1, с. 45–72; 8; 2, с. 459–489], но для удобства читателя приведу их характерные особенности. Другие колодцы 5.2–15 исследовались в 2004, 2006 и 2008 гг., 2009–2018 гг. на раскопе III. Они находились в непосредственной близости друг от друга (рис. 1).

Наиболее ранние артезианские колодцы №№ 1–2², 5.2–16 конструктивно

¹ События боспоро-римской войны детально рассматривались в ряде работ [12, с. 71–88; 13, с. 55–76; 14, с. 197–206; 15, с. 161–170; 16, с. 78–88; 5, с. 9–16; 1, с. 50–60; 4, с. 67–77; 6, с. 38–44; 7, 46–65; 8; 11, с. 30–40; 9, с. 98–105; 17, с. 207–278; 18, с. 134–162].

² Два первых из них опубликованы [1, с. 45–72; 2012; 2, с. 459–489].

похожи между собой. Они сооружены в I–II вв. в период бытования поздней «Цитадели». Их шахты прорезали более ранние культурные напластования: сначала нивелировочный слой, затем слои и руины ранней цитадели, включая слой пожарища 46/47 г., насыпи террас, ниже которых углублялись в подстилающий, очень твердый материковый суглинистый грунт желто-коричневого цвета, с прослойками кварцевого песка и песчаниковых конкреций. Устье колодцев нередко срезано позднеантичными строительными остатками и хозяйственными ямами. В плане и разрезе створ колодцев имел правильную прямоугольную или подовальную форму.

Следует отметить, что почти все открытые на памятнике античные колодцы в силу их большой глубины и рыхлой структуры окружающего суглинисто-песчаного грунта остались недоисследованными. Колодцы сооружены в неустойчивых и рыхлых осадочных породах: кварцевых песках, прослоенных тонкими глинами и суглинками. Эти грунты крайне опасны обрушениями и оползнями, особенно во время осадков, размывов и подтоплений грунтовыми водами. Например, при раскопах большого колодца 3 серьезные обрушения бортов объекта и разжижения внутреннего заполнения случались регулярно. Технически полностью колодцы городища изучить очень трудно. Финансовые ресурсы экспедиции ограничены, нет возможности найти средства для сооружения надежной опалубки, которая могла позволить рабочим докопать открытые объекты до дна или до водоносного горизонта. Впрочем, полученных данных для понимания конструктивных особенностей, хронологии, детального описания и интерпретации этих редких гидротехнических объектов вполне достаточно.

Важно отметить, что колодцы располагались внутри цитадели поселения и относились к первым векам нашей эры. Как обеспечивалась водой ранняя Цитадель поселения, погибшая в самой начальной фазе боспоро-римской войны

44/45–49 гг., неизвестно. Какая-то часть её внутренних помещений с пифосами и большими хранилищными амфорами могла использоваться для временного хранения воды, но совокупная их емкость была невелика. Значит, при длительной осаде гарнизон крепости должен был располагать альтернативными источниками воды: накопительными, от сбора дождевых вод, и постоянными, из грунтовых вод, колодцами. В противном случае долговременная оборона крепости была бы проблематичной. Территория ранней цитадели внутри крепостных стен полностью раскопана. Оштукатуренных резервуаров для хранения собранной воды зафиксировано не было. Синхронных колодцев не найдено. Вполне допустимо предполагать, что колодцы ранней цитадели оказались прорезанными более поздними и по этой причине не были обнаружены.

В обычное мирное время питьевую и техническую воду местное население могло брать за пределами укреплений: из многочисленных родников и колодцев в южной и северной артезианских балках, ограждавших поселение с юга и севера.

Исследование колодца 1.

Колодец 1/2004 (яма 275) с устьем прямоугольной в плане формы представлял собой глубокую вертикальную шахту, выкопанную в период бытования поздней «Цитадели». Верх колодца срезан позднеантичной хозяйственной ямой. В плане и разрезе створ колодца имел правильную прямоугольную форму со сторонами: 1,30x1,92 м. На бортах остались следы деревянной опалубки — отпечатки больших плах квадратной формы шириной не менее 220–280 мм. Работы по исследованию колодца пришлось остановить на глубине шести-семи метров от современной поверхности.

В золистом заполнении колодца найдены среди прочих находок³ железные

³ Ствол колодца заполнял довольно однородный золистый грунт серо-пепельного цвета. До глубины двух метров он был рыхлым и пылеватым, ниже — стал уплотняться. Камней в заполнении почти не было, встречались

толстые и длинные гвозди с массивными округлыми шляпками. На многих из них остались кусочки дерева, пропитанные окислами железа. По всей вероятности, гвозди скрепляли опалубку. Дата засыпки колодца — II–III вв. н. э.

После проливных дождей 2004 г. борта колодца настолько пропитались водой, что возникла опасность полного его разрушения и гибели работавших в нём людей. Раскопки вынужденно были прекращены, а исследованную часть пришлось законсервировать отвальным грунтом. Хотя данный объект не доследован, его интерпретация не вызывает затруднений. На культовые сооружения, внешне напоминавшие колодцы, которые служили для обрядовых нужд и совершения захоронений, этот объект не похож [Ср.: 16, с. 55 и сл.]. Никак он не мог быть и спуском в подземный ход, которым обычно придавался вид пологой эстакады, но не вертикальной шахты. Он не мог служить обычным накопителем дождевой воды. Против этого свидетельствуют особенности его конструкции и отсутствие гидроизоляции на бортах. Работы по исследованию объекта планируется продолжить, но версия о колодце, думается, представляется единственно верной.

В этот же год на 0,56 м северо-восточнее колодца 1 была раскопана прямоугольная в плане и разрезе яма 276/2004. Она открыта на той же глубине, что и кости животных, целые и фрагментированные, со следами кухонной разделки; угли, кусочки шлака, обломки печины, обломки керамики первого-начала второго века. Отмечу также другие находки: средних размеров медную монету, полностью окисленную, часть бронзовой облицовки или оковки какого-то деревянного предмета, накладку ремня с заклепками (?) (к. о. 55/2004), бронзовый ключ (к. о. 56/2004), иглу большой бронзовой фибулы, несколько бронзовых пластинок, иглы-кочедыки из стенок трубчатых костей (к. о. 58–61/2004), изделие из небольшого отрезка трубчатой кости с тремя сквозными отверстиями (к. о. 57/2004), часть бронзового стрежня квадратного сечения, кремневые отщепы, часть точильного камня, верх пирамидального грузила коричневой глины, небольшой фрагмент терракотовой фигурки коричневой глины (п. о. 828/2004). Какая-то часть из находок попала в колодец из окружающего его заполнения ТВ-78.1 с переложением слоем пожара 44/45 гг.

устье колодца, и ориентирована также длинными сторонами по оси юг-север. Размер ее устья: 1,45x0,78 м, глубина — 1,45 м. Яма прорезала пожарище и не уходила в насыпь террасы. Она была заполнена серо-жёлтым средней плотности грунтом с щебнем, фрагментами костей животных со следами кухонной и термической обработки, обломками керамики I–II вв. н. э. и саманной плитки жаровни. В нём также обнаружена оборотная часть торса двухсторонней терракотовой фигурки коричнево-серой глины с отверстием — продухом (п. о. 828/2004). Дата засыпки ямы — II–III вв. н. э. Вполне допустимо, что яма 276 — первая или последующая попытка по сооружению другого колодца, по каким-то причинам неудавшаяся.

Исследование колодца 2.

Колодец 2/2007 (яма 355.1), открытый в западной части раскопа III, с прямоугольным в плане устьем (1,66/1,76x1,24 м), был прорезан более поздней грушевидной ямой 355/2004 г. (рис. 1). Колодец удалось исследовать на глубину 1,89 м. По внешнему виду и близким параметрам он напоминал колодец 1, располагавшийся от него на 12,50 м к юго-востоку. Продольной частью был вытянут по линии З-В. Его борта, выкопанные в культурном слое⁴ и уходящие материковые слои, обвалены.

Колодец использовался для сброса мусорного грунта с материалом преимущественно конца III в. н. э. Но не исключена и более поздняя дата⁵. Вре-

⁴ Он прорезал западную стену раннего полуподвала 92, внутреннее заполнение помещения 1 и горн для обжига терракотовых фигурок. Нижняя часть колодца, выкопанная в материковом грунте, сохранилась лучше.

⁵ В верхней части колодец заполнен золистым кухонным сбросом с большим содержанием горелого грунта и бытовых отходов: угля, золы, обгоревших костей животных, крупных и средних кусков керамики II–III вв. н. э., но наиболее поздней была ручка амфоры типа F IV в. н. э. Среди обломков керамики были найдены остатки обгоревшего проса и пшеницы в виде компактных спекшихся скоплений, довольно рыхлых по структуре. Отмечу также обломки двух лепных закрытых однорожковых светильников, бронзовую плоскую пластинку (от доспеха?), железный гвоздь, части точильного

Рис. 1. План расположения античных колодезев в центральной части городища Артезиан

мя его сооружения по стратиграфическим условиям не выходит за пределы I–II вв. н. э.

Исследование колодезев 5.2/2011 и 6/2011 (рис. 1, 2)

В 2011 г. в центральной части городища Артезиан обнаружены два новых *грунтовых колодца*: южный колодец 5 (яма 434.1) и северный колодец 6 (яма 451).

Колодец 5/2011(яма 434.1).

Колодец 5/2011 (яма 434.1) найден на глубине 1,70 м в южной части раскопа по чётко заметному ямному трапециевидному пятну. Его ствол прямоугольной в плане формы представлял собой глубокую вертикальную шахту, постепенно сужавшуюся книзу. Она выкопана в период бытования поздней «Цитадели» в культурных напластованиях, прорезая вымостку помещения 8 и слой пожара ранней цитадели 46/47 г., ниже заглублён в очень твердый материковый суглинистый грунт жёлто-коричневого цвета с прослойками кварцевого песка и ожелезнённых песчаных конкреций. Устье колодца срезано позднеантичной хозяйственной ямой 434. В плане и разрезе горловина колодца имела правильную прямоугольную форму со сторонами: 1,30x2,10 м. Работы по его исследованию пришлось остановить на глубине шести метров от современной поверхности (4,05 м от поверхности вымостки помещения 8).

Шахту колодца заполнял довольно однородный серо-жёлтый золистый грунт с небольшим содержанием целых и разрубленных костей животных, со следами кухонной разделки и термической обработки; углей, кусочков шлака,

камня из песчаника, две саманные крышки амфор диаметром около 135 мм. Крышки были овальной формы, одна крышка с отверстием по центру для прохода, а вторая — цельная (к. о. 94–95/2007). На глубине 0,90–1,10 от верха ямы-колодца 2 рыхлый золистый слой переходил в плотный, жирный грунт, чрезвычайно насыщенный органическими отходами, возможно, представлявшими собой ассенизаторский сброс. В отличие от верхнего яруса заполнения в нем довольно редко встречались обломки керамики и кости животных.

обломков печины и керамики первых веков. В заполнении найдены: солёны местного производства, венчики и стенки пифосов оранжевой и коричнево-бустрой глины, венчики светлоглиняных широкогорлых и узкогорлых амфор типа С-Ia и A1, венчики позднесинопских амфор, венчики и ручки амфор различных типов красно-коричневой и красной глины, венчики широкогорлых амфор типа Европейского Боспора II–III вв. (с треугольным венцом, типа 89 [20]), венчик оранжевоглиняной амфоры «мирмекийского» типа; глубоко пропечатанное клеймо на нижней части горла узкогорлой амфоры светлой глины типа D(?) из 4-х букв: **EMIM** в прямоугольной рамке (к. о. 104/2011); горло светлоглиняной узкогорлой амфоры типа «В», витая ножка амфоры оранжевой глины рубежа нашей эры, ножка амфоры коричневой глины, обломки ручек амфор первых веков, массивная ножка амфоры красно-коричневой глины; фрагменты простых гончарных кувшинов и мисок, остатки лепной тары — стенки и донца горшков серой глины, лепной открытый ладьевидный светильник из серой глины с утраченной ручкой (к. о. 71/2011); единичные обломки красной лаковой посуды; кружок из стенки амфоры, часть жернова ротационной зернотерки из мелкозернистого серого камня, граффити на стенке амфоры в виде монограммы на основе «А» (к. о. 135/2011). Датировка заполнения — III в. н. э.

Колодец 6/2010–2011 (яма 451)

Колодец 6/2011 6 (яма 451) открыт в 2010 г. в северной части раскопа III. Его шахта с уровня поздней цитадели прорезала юго-восточный угол помещения 6 ранней цитадели со слоем гомогенного пожара 46/47 г. Колодец удалось исследовать на глубину более восьми метров⁶. Его устье (1,90/2,10x1,10 м) имело прямоугольную форму, углами ориентировано по сторонам [1, 61–62].

Борта колодца, выкопанные в культурном слое, оплыли. Нижняя его часть, выкопанная в материковом грунте, со-

⁶ Около 2 м — в 2010 г., 6 м — в 2011 г.

хранилась гораздо лучше. Она заметно сужалась книзу. На глубине 8,57 м (отметка -9,18) колодезная шахта имела размер 1,30x1,00 м.

В верхней части колодца 6 в 2010 г. расчищено разрушенное захоронение телёнка или небольшой по размерам комолой коровы на глубине 0,48–0,52 м от современной поверхности. На этом уровне в серо-коричневом, довольно плотном, глинистом грунте с мелким щебнем и известковой крошкой, отдельными фрагментами стеной и профильных частей керамики первых веков нашей эры найдены: венчик и ручки широкогорлой амфоры типа «Европейский Боспор», ножка амфоры светлой глины типа «D», венчик кувшина бежевой глины, край (средневековой?) ойнохой красно-коричневой глины, профильные и открытые гончарных сосудов, профиль кубка I в. н. э. светло-серой глины, кисть руки терракотовой фигурки богини на троне светло-коричневой глины (к. о. 18/2010) [19, рис. 93. 1–12].

В нижней части (от 2 метров от устья) шахту колодца заполнял сброс материкового жёлтого глинисто-песчаного слоя с отдельными линзами золы. Он включал немного углей, золы, костей животных, крупных и средних кусков керамики первых веков. В заполнении открыты: стенки и профили венцов пифосов коричневой глины, многочисленные фрагменты стенок и отдельные профильные части амфор III в. н. э. (венцы, ручки и донца узкогорлых амфор типов A1, C и D, венчик позднесинопской амфоры III в., венчики амфор с широким горлом типа Европейского Боспора и других синхронных типов; днища амфор оранжевой и бурой глины), фрагмент стенки сосуда с граффити в виде верха буквы «А» или «Л» светлой бежевой глины. Менее представительными были находки фрагментов стенок и профильных частей красно-и коричневоглиняных простых гончарных кувшинов, обломки лепных изделий и краснолаковых сосудов, среди которых выделялся профиль крас-

нолаковой миски с граффити в виде отдельной буквы «А» (к. о. 125/2011). Кроме того, следует упомянуть находки железного гвоздя, округлого пращевое ядра из песчаника и нескольких сильно окисленных медных монет, определить которые не удалось.

Как показывают находки, колодец 6 был заполнен мусорным грунтом преимущественно в конце III–IV вв. н. э. Время его сооружения по стратиграфическим условиям не выходит за пределы II вв.

Исследование колодцев 7/2012 и 8/2012 (рис. 1, 2)

На восточной прирезке в ходе раскрытия фасада стены 178 и выборки хозяйственных ям была расчищена верхняя часть колодца 7 (439.1) (рис. 1). Устье объекта было прямоугольной формы, углы скруглен. Его размер: 1,40x0,98 м. Верх колодца прорезан более поздней ямой, забитой гончарной глиной⁷. Шахта колодца заполнена серо-жёлтым плотным глинистым грунтом, без находок. Колодец прорезал ранние культурные напластования, включая стену 199 полуподвала

⁷ Хозяйственная яма 439, которая обнаружена в 2010 г. юго-западнее ямы 437, на глубине 0,74–1,30 м была необычной по характеру заполнения [19, рис. 11, 13, 19, 27–31]. Полушарическая в разрезе (размером: 1,22x1,48 м, глубиной 0,49 м) она имела по центру округлое пятно на месте извлеченного в древности пифоса. После выборки пятна образовалось углубление под сосуд диаметром 0,90 м, глубиной 0,80 м. В его щебенистом жёлто-коричневом заполнении содержались отдельные кости животных, стенки и ручка амфоры коричневой глины [19, рис. 122.15]. Нижняя часть ямы вокруг пифоса полностью забита высококачественной, тонко отмученной гончарной серой глиной. В ямном заполнении найдены край солена и венчик лепного горшка серой глины [19, рис. 142.1]. Дата ямы — III в. Использование её для складирования глины для гончарных нужд несомненно. После обжига отобранных и высушенных образцов глины в гончарной печи мастерской Восточно-Крымского историко-культурного Заповедника, они приобрели светло-коричневый цвет, на поверхности и сколе имели однородную плотную структуру с включениями белой тонкой слюды и микрочастиц очень мелкого кварцевого песка. В ходе выборки гончарной глины размер ямы изменился. Её глубина оказалась не менее 1,80 м, диаметр максимального расширения 1,05x1,40 м.

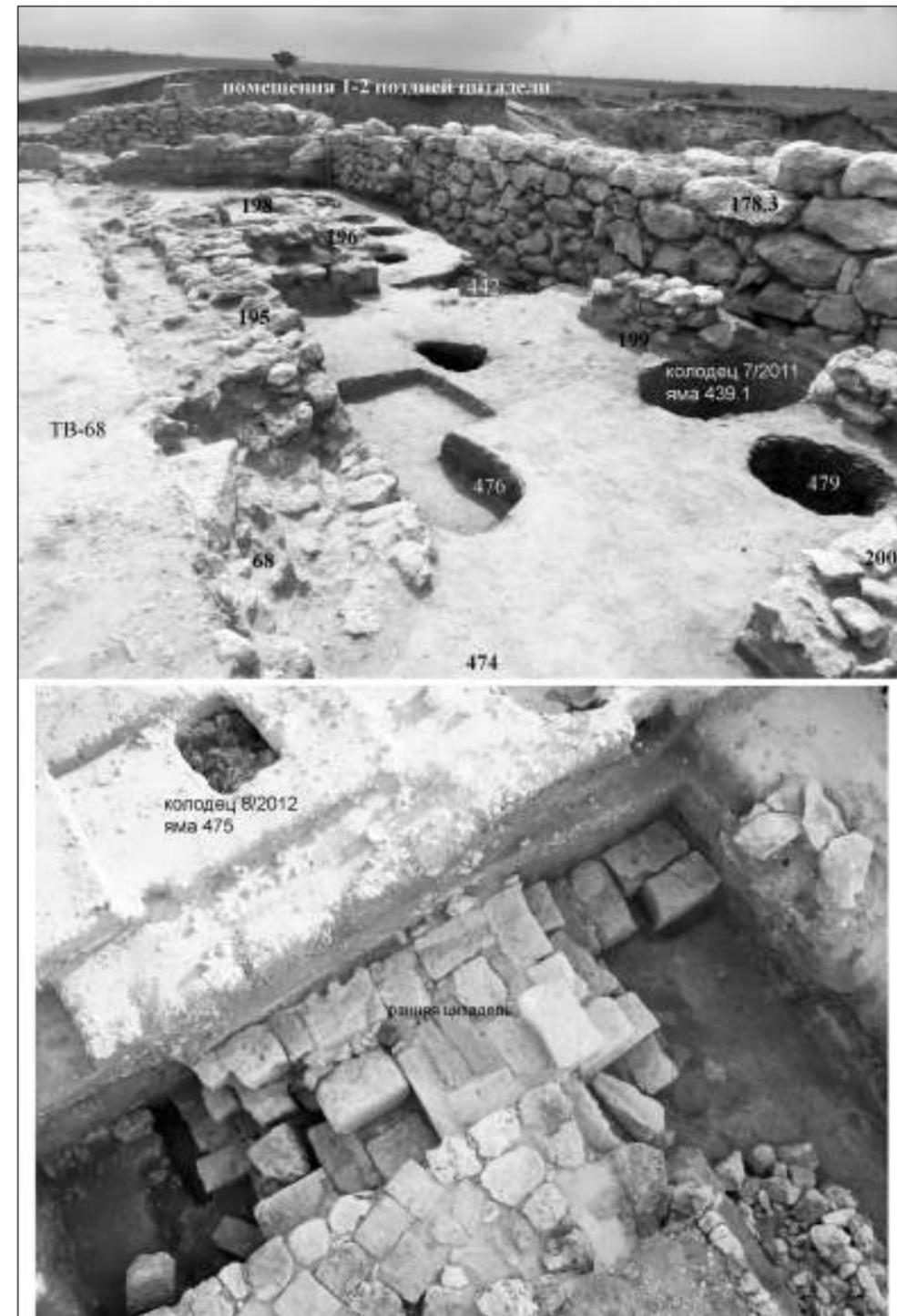

Рис. 2.1–2. Колодцы 7/2011 и 8/2012 с северо-востока и юго-запада

3 ранней цитадели, и глубоко уходил в материковые глинисто-песчаные напластования. Шахта колодца осталась недоследованной. Она расчищена вниз на 2,15 м. Судя наклону бортов, стенки

колодца сужались книзу. Время возникновения колодца — период бытования поздней цитадели.

В 2012 помимо колодца 7 (439.1) был найден еще один грунтовый ко-

лодец 8 (яма 475). Он выявлен в северной части раскопа по прямоугольному ямному пятну на глубине 0,83 м (рис. 1). Колодец был на треть перекрыт северным бортом раскопа. Его ствол прямоугольной в плане формы представлял собой глубокую вертикальную шахту, постепенно сужавшуюся книзу. Она выкопана в период бытования поздней «Цитадели» в культурных напластованиях, включая слой пожара за пределами ранней цитадели, а ниже — в очень твердом материковом глинистом грунте желто-коричневого цвета с прослойками кварцевого песка и песчаниковых конкреций. В плане и разрезе створ колодца имел правильную прямоугольную форму со сторонами не менее: 1,10x1,57 м. Работы по исследованию колодца пришлось остановить на глубине 2,23 м (3,13 м от современной поверхности).

Ствол колодца заполнял довольно однородный желто-бурый плотный глинистый грунт с прослойками серой гончарной глины, с небольшим содержанием костей животных, целые и фрагментированные, со следами кухонной разделки и термической обработки; углей, кусочков шлака, обломков печины и мелких частей керамики первых веков. В заполнении колодца 8 найдены: обломки стенок пифосов оранжевой и коричнево-бурой глины, стенки светло-глиняных широкогорлых и узкогорлых амфор, венчик широкогорлой амфоры типа Европейского Боспора II–III вв., днище лепной ойнохой или кувшина серой глины, часть дна краснолакового блюда на круговом поддоне. Глина из колодца, насыщена окислами железа, была подвергнута обжигу. Она оказалась трудной для гончарной обработки, так как имела большую плотность и высокое содержание песка. Изделия из неё при обжиге давали трещины. Тем не менее, после промывки такая глина вполне могла служить для гончарных целей.

Датировка заполнения колодца 7/2012 — II–III в. н. э.

Исследование колодцев 9/2013 и 10/2013 (рис. 1)

Горловина колодца 9/2013 (яма 490) овальной в плане формы обнаружена западнее на 0,81 м стены 178.1 и на 2,17 м восточнее ТВ-164 (рис. 1). Ее диаметр: 1,06x0,96 м. Размер ямного пятна колодца зафиксирован на уровне отметки –1,03, близкой кверху стены 178.1 поздней цитадели. Размер устья объекта оказался в пределах 1,30x1,32 м. Колодец прорезал культурные напластования, включая слой пожара 44/45 гг., и уходил в материковый слой. Шахта колодца едва заметно сужалась книзу. В плане она оказалась близкой к прямоугольной форме со скругленными углами. В разрезе шахта имела трапециевидную форму. Глубина колодца не установлена, так как работы по его изучению были остановлены на глубине 6,55 м от горловины (на отметке –7,58) по причине возможного обрушения бортов и нависающей с востока стены 178.1. Верх колодца до глубины 3,19 м забит большими кусками очень плотной серой и буро-серой, сильно ожелезненной, чистой гончарной глиной, без находок. Пространство между кусками заполняла вязкая серо-коричневая пластинчатая глина, также гончарного типа, но более высококачественная и тонко отмученная. Образцы глины были обожжены в гончарной печи КГИКЗ. Они приобрели после обжига коричнево-красный цвет, на поверхности и сколе имели довольно однородную плотную структуру с включениями белой тонкой слюды и микрочастиц очень мелкого песка. Вторичное использование колодца в качестве места для складирования глины для гончарных нужд вполне допустимо.

Колодец 10//2013 (яма 494), расположенный на 8,60 м западнее ямы 490, был прорезан позднеантичной ямой 382 (рис. 1). Его исследованная глубина составила 7,61 м. Верх находился на отметке — 0,01. Сечение шахты было неправильной четырехугольной формы. Её размера: 1,32x1,97 м. Объект не исследован. Работы остановлены на отметке –7,66. При выкапывании колодца древними строителями были пробиты нижележащие нивелировочный слой

середины I в. н. э., ТВ-177 и ТВ-175, частично выбрав квадратную кладку фундамента крепостной стены 175 ранней цитадели. Он использовался в период жизни поздней цитадели, вплоть до конца III в. н. э. После завершения функционирования гидросооружение было засыпано. Шахта колодца в верхней части забита на глубину до 2,15 м чистой серо-коричневой, с бурыми железняковыми прослойками, гончарной глиной, как в расположенном восточнее колодце 9. В глине попадались куски кристаллического гипса, что свидетельствует о доставке глины с побережья Азовского моря, где имеются выходы природного гипса на поверхность. Других находок в ней не было. Качество глины оказалось вполне приличным. Из неё были сформованы сосуды по античным образцам, которые были обожжены в печи гончарной мастерской Восточно-Крымского историко-культурного Заповедника.

В нижней части заполнения колодца 10/2013, состоявшего из средней плотности золистого грунта серого цвета с включениями бутового камня, углей, обломков сырцовых кирпичей, найдены: обломки стенок античных амфор, горло амфоры типа «D», горло амфоры с воронковидным устьем бежевой глины, венчик амфоры типа «мирмекийской», стенки, ручки и донца простых гончарных кувшинов, края кружальных мисок, венцы, часть ручки и днища нескольких лепных горшков.

Исследование колодца 11/2012–2014 г. (рис. 1)

При выборке комплекса синхронных хозяйственных ям 460–462, прекративших своё существование в конце III в. н. э., в южной части восточной прирезки в 2010–2012 гг. (рис. 1) был расчищен верх колодца 11/2012 (яма 462). Размер его устья: 1,30x1,12 м. Глубина объекта более 3,08 м, сечение ствола шахты: 1,40x1,40 м. Верх открыт на отметке –0,35. В верхней части его золистого заполнения с включениями бутового камня, углей, обломков сырцовых кирпичей, найдены: обломки солена синопского производства, верхняя часть амфоры

типа «мирмекийской», венцы нескольких среднегорлых амфор позднеантичного производства довольно толсто-стенных, венец амфоры красной глины со сложнопрофилированными ручками, ручки и стенки позднеантичных амфор различных типов, коническое дно позднеантичной амфоры, часть ножки узкогорлой амфоры бежевой глины типа «B», стенки, ручки и донца простых гончарных кувшинов, верх кружальной корчаги оранжевой глины, профиль, стенки и днища лепных горшков; граффити на внутренней части донца серолаковой тарелки в виде оборотной буквы «P» (к. о. 41/2012), развал круглодонного кубка или фиалы из голубоватого прозрачного стекла, кружок из стенки амфоры, оббитый верх пирамидального грузила коричневой глины, а также большая медная монета, которую пока не удалось определить (н. о. 10/2012).

На глубине 1,15–1,20 м от верха устья колодца характер заполнения резко поменялся. Шахта колодца с этого яруса была плотно заполнена чистой гончарной глиной серо-коричневого цвета, без находок. Качество глины при обжиге оказалось хуже, чем из других технологических ям и колодцев, где были обнаружены запасы гончарной глины. Она содержала больше песка и не была столь пластичной, чем, например, гончарная глина из ямы 439. Тем не менее, как показал практический опыт изготовления сосудов в гончарной мастерской Заповедника, она вполне могла использоваться для формовки сосудов. Колодец 11/2012 остался не исследованным. Его шахта была законсервирована отработанным грунтом на отметке –3,42.

Исследование колодцев 12–15/2015–2018 (рис. 1)

Близкие по времени колодцы 12–13, 8, 15, вытянутые в линию с запада на восток, располагались в северных помещениях поздней цитадели. Они бытовали в период второй половины I–III вв. н. э. (рис. 1, 3).

В 2015 г. выявлено ямное пятно 550 колодца 12/2015. Объект распо-

лагался на границе кв. Ки2/1–Ки2/3 в одном стратиграфическом ярусе с позднеантичными ямой 544 и колодецем 13 (ямой 546), к западу от них, прорезая более ранние ямы 574 и 575. Его устье, подпрямоугольное в плане, имело немного скругленные углы. Сечение верха: 1,64x0,95–1,02 м. Колодец ориентирован с юга на север, с небольшим разворотом углов к СЗ-ЮВ. Его борта немного сужались книзу, что придавало шахте колодца трапециевидную в разрезе форму. Колодец не доследован

Верх сооружения (от отметки –1,14) забит комковатой серо-коричневой плотной гончарной глиной. Ниже его шахту заполнял плотный материковый грунт, состоящий из кварцевого песка и серо-жёлтой глины. Подобная стратиграфическая картина наблюдалась и в соседних синхронных колодцах.

В 2015 г. колодец 12/2015 раскопан в глубину на 0,79 м до отметки –1,93. На следующий год он был немного углублён до отметки –2,01, а в 2017 г. — до отметки –2,21. В 2018 г. объект исследован до глубины 4,13 м (отметка –5,38). Ниже копать без надёжной опалубки стало опасно, так как борта колодца начали обваливаться. С целью консервации его шахта засыпана отработанным грунтом.

В заполнении колодца 12/2015 найдены в 2016 г.: фрагмент ручки амфоры типа «F» IV в. бежевой глины, фрагмент пережженной ручки лепного сосуда, оббитая миска серо-чёрной глины (к. о. 64/2016), донце лепного массивного горшка, часть венчика краснолакового кувшина.

В 2018 г. в рыхлом материковом заполнении, образованном сбросами материкового кварцевого песка и серо-жёлтой глины с прослойками мусорного золистого серого грунта, найдено небольшое количество мало-выразительных находок, тем не менее, дающих вполне понятную дату засыпки сооружения. Среди них выделю: фрагмент стенок и венца пифоса коричневой глины, венчик амфоры красно-оранжевой глины, стенки и венчики амфор

коричневой глины типа 83 [20, 1960] (п. о. 776. 2, 857/2018), профильные части амфор типа позднегераклейских амфор типа C-IVD III–IV вв. н. э. (п. о. 866, 776. 3/2018), 4 массивные ручки амфор оранжевой и бежевой глины (п. о. 769–772/2018); обломки стенок и профильных частей простых гончарных, краснолаковых, лепных сосудов: венчик простой гончарной ойнохой (п. о. 776. 4/2018), край кастрюли простого гончарного сосуда красно-оранжевой глины (п. о. 855/2018), венчик и донце простого гончарного сосуда коричнево-розовой глины (п. о. 853/2018), профильные части лепных кувшина, горшков, мисок серой глины (п. о. 852, 854, 862, 859, 775/2018); оббитая курильница лепная бежево-серой глины с ножкой в виде стилизованного солнца (к. о. 45/2018); венчик лепного сосуда серо-коричневой глины, профили лепных мисок и горшка (п. о. 865, 858, 860/2018), профили трёх краснолаковых мисок (п. о. 861, 950, 951/2018); венчик стеклянного сосуда и верх стеклянного унгентария (п. о. 864, 165/2018); округлый массивный тёрочник из серого мелкозернистого песчаника (к. о. 39/2018), пирамидальное массивное грузило красно-коричневой глины (к. о. 40/2018), бронзовый (?) массивный, витой браслет, с двойным замком в виде «гераклового» узла (к. о. 36/2018). Таким образом, колодец прекратил функционировать не ранее середины-конца III в. н. э.

Колодец 13/2015 (яма 546) располагался между колодцами 8/2012 и 12/2015 (рис. 1). От первого из них он отстоял на расстоянии 2,97 м, от второго — на 5,71 м. Его ямное пятно зафиксировано на отметке –1,20. Его прорезали несколько округлых в плане поздних ям. Горловина колодца 13/2015 (1,02x1,78 м) хорошо выделялась в окружающем объект золисто-сером грунте жёлтым цветом заполнения с комковатой глиной и мелким буттовым камнем, без находок.

Верхняя часть подпрямоугольного колодца 13/2015 (ямы 546) расчище-

на в одном стратиграфическом ярусе с позднеантичными ямами на границе кв. Ки2/2–Ки2/4 (рис. 1). Размер устья объекта: 1,60x0,80–0,85 м. Колодец находился на отметке –1,25, восточнее ямы 544 на 3,06 м. Колодец 546 наполовину прорезал более ранние ямы 546.1 и 572. В плане он имел подпрямоугольную форму, в разрезе — трапециевидную. Его борта немного сужались книзу. Колодец раскопан только на 0,74 м. Работы остановлены на отметке –1,99. В верхней части его заполнял рыхлый материковый грунт, состоящий из кварцевого песка и серо-жёлтой глины, повреждённом норами сусликов. Он содержал большое количество костей крупного и мелкого рогатого скота со следами кухонной разделки, обломки черепицы, позднеантичных амфор и другой посуды первых веков, самой поздней из которых были отдельные фрагменты амфор IV в. н. э.

В заполнении колодца найдены в 2016 г.: венчик амфоры IV в. красно-оранжевой глины, диаметром 150 мм, ножка позднегераклейской амфоры типа C-IVD 80–х гг. III–IV вв. н. э. [21, с. 167], фрагмент венчика гончарного кувшина красно-оранжевой глины с серым ангобом на поверхности, диаметром 76 мм; пирамидальное оббитое грузило коричневой глины, пережженное, длиной 90 г., весом 120 г. (к. о. 57/2016).

В 2017 г. в процессе изучения насыпи террасы рубежа нашей эры было проведено доследование колодца 13/2015 (рис. 1), при этом его шахта было освобождена от засыпки на глубину 1,45 м. Его удалось раскопать до уровня отметки –2,70. В засыпке объекта выявлены: фрагмент ручки кувшина бурой глины, профиль закопченной гончарной сковороды коричневой глины, горло позднегераклейской амфоры типа «D» с отбитым верхом типа C-IVD IV в. н. э. (п. о. 1419/2017) [22, рис. 5. А], венцы, стенки, ручка от нескольких лепных закрытых сосудов горшка серой глины; часть бронзового изделия — облицовки зеркала или пряжки (к. о. 80/2017). Интересны также оббитое пирамидальное грузило бурой глины, бронзовая зам-

кнутая оковка рукояти ножа или шила из уплощенной проволоки (к. о. 80/2017), железный гвоздь.

В 2018 г. колодец был расчищен до глубины 5,21 м, до отметки –6,46. Глубже копать стало опасно, работы были прекращены с полной консервацией шахты объекта отработанным грунтом.

В 2018 г. из засыпки колодца извлечены: части соленов коричневой глины местного производства, фрагмент донца пифоса коричневой глины, манжетовидный венчик амфоры с верхним прилепом ручки красно-коричневой глины с бежевым ангобом III–IV вв. н. э. (п. о. 300/2018), ножка и ручки позднегераклейских амфор типа C-Ia рубежа 60–х — 40–х гг. I в. до н. э. — первой четверти I в. н. э. (п. о. 304, 299/2018) [21, рис. 1, с. 167; 22, с. 14–25, рис. 3. А], дно амфоры коричневой глины, стенки и венцы амфор различных типов (тип 83 [20, 1960]), коричневой глины южнопонтийского производства, типа Син II последней четверти I в. н. э. — после середины III в. [21, с. 167; 22, с. 30–33, рис. 6. Д], красноглиняные сложнопрофилированными ручками 75 типа [20, 1960]; небольшое количество стенок и профильных частей простых гончарных, краснолаковых, лепных сосудов: венчик краснолакового открытого сосуда (п. о. 301/2018), венчик лепного открытого сосуда серой глины (п. о. 302/2018), венчик гончарной миски коричневой глины с бежевым ангобом (п. о. 295/2018), ручка лепного кувшина (п. о. 2962/2018), края краснолаковых мисок и профиль краснолакового кубка, профиль краснолаковой глубокой миски (п. о. 154–155, 305–306/2018); однорожковый светильник керамический серо-коричневой глины со сбитой ручкой и граффити в виде прямого креста на щитке у носика, III–IV вв. (к. о. 5/2018); грузило пирамидальное оббитое красно-коричневой глины (к. о. 17/2018); изделие конической формы с глухим отверстием по центру коричневой глины (подставка или грузик на веретено, напоминающий по форме грузики дяковской

культуры?) (к. о. 16/2018); тёрочник неправильной трапециевидной формы из серого песчаника (к. о. 18/2018); гвоздь железный, развал большой ребёрчатой бусины из синего стекла (к. о. 10/2018).

Западнее внутренней стены 78 поздней цитадели, в кв. Ии10/4, частично раскопан колодец 14/2015 (яма 555) с подпрямоугольным устьем (сечением 1,58x1,18 м) (рис. 1). Верх его находился на отметке -1,43. В разрезе он имел трапециевидную форму. Углы скруглены. Колодец ориентирован длинными сторонами по линии ССЗ-ЮЮВ. Его борта немного расширились книзу, что больше характерно для обычных ям, чем для колодцев. Он вскрыт на глубину до 1,56 м. Работы остановлены на отметке -2,99. Верх объекта выкопан в культурном слое, нижняя часть — в материковом грунте. До глубины 1,50 м его заполнял рыхлый золистый грунт, состоявший из сбросов золы с щебнем и бутовым камнем, ниже — створ колодца забит очень плотной жёлтой глиной

рированного по структуре под мрамор (к. о. 133/2016); фрагмент изящного точильного бруска из песчаника жёлто-серого цвета, размером 44x35x4,9 мм, сечением в виде правильной трапеции (к. о. 122/2016); сильно оббитые метательные ядра из песчаника, весом 10, 160, 195, 80, 90 г. (к. о. 124/2016), фрагментированный железный однолезвийный нож, железный нож с шириной лезвия 15 мм (п. о. 1607, 2024/2016), железный гвоздь. Кроме того, была найдена медная монета, плохо читаемая, возможно, Ининфимея (234–238 гг.) (н. о. 11/2016).

Самым восточным на раскопе III оказалась колодец 15/1999/2016 (яма 253). При его сооружении был прорезан нивелировочный слой первой половины первого века н. э. и слой разрушения ранней цитадели 46/47 г. Следует отметить, что подпрямоугольная горловина колодца зафиксирована в 1999 г. на уровне отметки -1,96, на глубине 1,10 м от поверхности, в кв. НО-21 (Отчёт ААЭ 1999, рис. 77–78, 80) (рис. 1). Размер его пятна: 1,12x0,73 м. Он был труднодоступен, так как уходил под южный борт раскопа. Его золистое серо-жёлтое заполнение изучено в 1999 г. до глубины 1,14 м. На отметке -1,97 сечение колодца в плане составляло: 1,46x0,99 м. Прямые незаизвесткованные борта колодца 15/1999/2016 прорезали культурные отложения 1–3 «жилых горизонтов» первых веков и глубоко уходили в материковый грунт. В нём содержались бутовый камень, кости животных, угольки, известковая крошка, обломки керамики первых веков нашей эры. Здесь обнаружены обломки стенок и днищ нескольких коричневоглиняных пифосов, профильные части амфор различных типов, среди которых преобладали ручки, среди которых находилась двуствольная ручка позднегераклейской амфоры типа С-1а. Отмечу находки ножки красноглиняной амфоры типа «Европейский Боспор» II–III вв. н. э., донных частей кружальных кувшинов красной глины, слива лепной ойнохои серой глины, профильных частей и обломков стенок лепных горшков серой

Рис. 3. Колодцы северных помещений поздней цитадели. Раскоп III. Вид с севера. С высоты птичьего полёта (сентябрь 2016 г.).

глины, краёв двух краснолаковых мисок. Шахта колодца постепенно сужалась книзу. Ниже золистого заполнения ствол колодца забивала гончарная глина серо-бурого цвета, не содержащая находок, и бутовый камень.

Во II–III вв. н. э., когда поздняя Цитадель перестала использоваться по прямому назначению, центральная часть её забрасывается. Крепостные стены крепости были уже частично разобраны, а их останцы послужили основанием для террас III в. н. э. Верхнее плато городища оказалось плотно застроенным. В этот период на достаточное количество воды для питьевых и хозяйственных нужд в зоне хозяйственно-жилой застройки косвенно указывали водоводы, направлявшие с крыш воду не в отстойники для последующего накопления и использования, а в понижения рельефа — ямы и засыпанные крепостные рвы.

В этот период в центральной части городища в пределах останцев внутренней части поздней цитадели был сооружен очень необычный по размерам и

устройству грунтовой колодец 3, а после его разрушения — каменный колодец 4, стены которого целиком сложены из известняковых блоков и квадров.

На раскопе 2002–2007 г. частично вскрыты шесть террас, расположенных уступами по южному и западному склонам возвышенности: северо-восточная, юго-восточная, северо-западная и юго-западная. Они выравнивали дневную поверхность античного времени и были укреплены подпорными стенами, иногда использовались каменные останцы кладок ранних крепостных сооружений. Высота террас достигала 0,20–1,20 м, ширина — не менее 2–8 метров (полностью пока не вскрыта ни одна терраса). В подпорных стенах были устроены для подъёма с одного уровня на другой каменные лестницы.

Верхние ярусы застройки террас относились к первой половине-середине III в. н. э., середине-второй половине III в. н. э. и концу III–началу IV вв. н. э. От них уцелели строительные остатки, сильно поврежденные средневековыми

перекопами. Они были исследованы преимущественно в 2003–2006 гг.

В 2008 г. на южной и восточной прирезках раскапывались центральный котлован 10 каменного колодца 4, строительные остатки полуподвала со стенами 170–171, помещения со стенами 99 и 100, остатки комплекса 9; несколько ям, использование которых связано в основном с активной хозяйственной деятельностью жителей городища в период II–начала IV вв.

Исследование позднеантичных колодцев 3 и 4/2009/2011.

Совершенно необычным по конструкции оказался большой позднеантичный колодец 3 (центральный котлован 10, который открыт на юге раскопа III на глубине 0,70 м от поверхности⁸. В плане он имел сложную трапециевидную форму и выделялся исключительно большими размерами. Первоначально, из-за своей необычной формы был принят за склеп. Колодец вытянут по линии юг-север. Узкой частью — «входом» — развернут на север, более широкой — основной частью — на юг. Общая длина сооружения с юга на север — 8,35–8,38 м, ширина в узкой части — 2,90–3,19 м, в широкой — 3,78–4,24 м. Глубина «входа» — 2,24–3,10 м (на уровне первой-второй ступени) — 4,10 м (на уровне второй — третьей ступени), но в древности реальная глубина была больше на 1,02–1,12 м.

⁸ Котлован глубоко уходил в материковый грунт. При его выкапывании были пробиты культурные слои и насыпи террас рубежа нашей эры. Особенно пострадала восточная часть помещения 1 со святилищем и заполнение ТВ-175 ранней Цитадели. В вертикальном срезе бортов котлована хорошо просматривались ранние культурные напластования и связанная с ними грушевидная в разрезе яма с зольным мусорным заполнением. Она читалась в восточном борту и была срезана наполовину. её глубина не менее 1,55 м, максимальное придонное расширение — 1,56x1,38 м. Заполнение котлована в свою очередь прорезано позднеантичными постройками и ямами. Его перекрывают фундаменты полуподвала со стенами 171 и 170, 99 и 100. Уровень, с которого фиксировался котлован, не связан с выявленными в южной части раскопа строительными остатками и жилыми горизонтами второй половины III–IV вв. Центральный котлован был сооружен несколько раньше, когда этих построек еще не было.

Глубина основной широкой части центрального котлована — более — 12,09–12,20 м. По приблизительным подсчетам в древности для сооружения котлована такого размера потребовалось извлечь 267–270 куб. м грунта.

Узкая часть центрального котлована 10 колодца 4, весьма напоминавшая обычный дромос склепа, в плане имела форму трапеции со скругленными углами, в разрезе — уступчатую полигональную форму. Именно на дне узкой части выявлено несколько грунтовых ступней высотой от 0,12 до 0,45 м, выкопанных в материковом грунте. Здесь также имелись неправильной формы вырубыв под массивные вертикальные и горизонтальные балки округлого и подпрямоугольного сечения. Отдельные вырубыв под вертикальные стойки достигали в глубину 0,80 м. Реконструированное по вырубам сечение балок, использованных в конструкции колодца, удалось установить: 0,20–0,38 м⁹.

⁹ Три глубокие ниши в виде арок под горизонтальные балки располагались напротив «входа» — в южном борту центрального котлована, и были также вырублены в материковом грунте. Ниши расширялись книзу, от свода к основанию. Они похожи на выемки под светильники, но никаких следов копоти на их стенках не обнаружено. Дно ниш находилось примерно на одном уровне, — на глубине 4,93–4,96 м от края котлована. Размер юго-западной ниши 1: ширина вверху — 0,19 м, внизу — 0,31 м, высота — 0,46 м, глубина — 0,19 м; центральной ниши 2: 0,21/0,28x0,45 м, глубина — 0,14 м; юго-восточной ниши 3: 0,22/0,33x0,40 м, глубина — 0,32 м. Этим нишам соответствовали вырубыв в противоположной северной стене котлована, глубиной 0,22–0,45 м, при ширине 0,18–0,36 м. Судя по всему, грунтовые ступени и вырубыв в них служили опорным местом для балок, выполнявших функции опалубки, и дополнительно облицованных деревянными досками. Вероятно, три мощные горизонтальные балки, для которых предназначались в южном борту ниши в виде арок, служили опорой площадки, сооруженной на глубине 4,70–4,90 м от края котлована. Подобные площадки могли быть устроены на дне котлована над накопителем колодца и наверху — на уровне первой площадки и прохода. Сообщались площадки между собой, думается, при помощи деревянных лестниц. Но остатков собственно деревянных крепежей и их деталей выявлено не было. Вполне допустимо, что они были целенаправленно разобраны и извлечены из колодца.

Вполне допустимо, что сооружение этой узкой части колодца было вызвано технологической необходимостью: таким образом было удобнее разобрать борта колодца, которые могли быть сложены из квадров. Тогда вырубыв под балки могли служить для подъёмных механизмов.

Дно в основной части котлована раскопано только под ступенями входа¹⁰ на ограниченной площади в 3,24 кв. м. В плане дно — прямоугольной формы с сильно скругленными углами. Оно не было ровным, сужалось уступами. Удалось раскрыть только один уступ, шириной 0,78 м, высотой 1,07 м. На 0,49 м ниже уступа дна начался водоносный горизонт, отмеченный прослойками серо-зеленой хлоритизированной глины, откуда вода стала активно поступать в котлован и заполнять вместилище — придонный накопитель¹¹.

¹⁰ Вырубленные в скалах лестничные спуски к подземным резервуарам с водой широко известны в Каппадокии Понтийской, Пафлагонии, Малой Армении и Фригии. Укрепленные поселения там располагались, как правило, на труднодоступных вершинах холмов или скальных плато, бедных водными ресурсами. Поэтому первостепенной задачей было прорубить спуски к воде, порой насчитывавшие до двух сотен ступеней. Выделяются два типа туннелей: одни выводили к источнику воды непосредственно у подножия скалы и пробивались по покатоному склону, другие подводили к подземному водоему в самой скале [23, с. 186–190].

¹¹ В северном борту уступа высечены прямоугольные вырубыв под вертикальную стойку (0,25x0,30 м) и горизонтальную деревянную балку (0,40x0,23 м). Выруб под вертикальную стойку был глубже выемки под горизонтальную балку и достигал 0,38–0,42 м. Балки примыкали друг к другу и находились практически по средней линии котлована. Придонный участок северного борта котлована имел обширную западину — результат древнего обрушения грунта. Борты котлована выше придонной части очень гладкие, без следов замывов или дождевых потеков, ровные, не имели дополнительной глиняной облицовки. Его юго-восточный и юго-западный углы имели очень четкое оформление, без заметных осыпей, обрушений или растрескиваний. Следовательно, борта котлована не подверглись с момента выкапывания и до заполнения каким-либо внешним атмосферным воздействиям. Это вполне возможно, если предполагать, что его защищала от осадков крыша и боковые стены. В противном случае, временной зазор между его выкапыванием и засыпкой должен был быть очень незначительным.

Следует отметить, что нельзя исключить возможность того, что стены колодца были сложены из квадров, впоследствии разобранных. Тогда это может объяснить появление северной части «входной» части колодца, которая была необходима для удобства разборки каменной колодезной шахты. Впрочем, данное предположение умозрительно. Следов подтёсок под блоки в бортах котлована выявить не удалось, как и отпечатков квадров или их обломков, находившихся *in situ*.

Как показывает наклон слоев в глинисто-золистом заполнении котлована засыпка вместилища центрального котлована происходила с севера, с его узкой стороны. Важно при этом напомнить, что борта котлована в нижней придонной части к этому времени уже были частично разрушены и оплыли. Возможно, эти обрушения произошли в период бытования данного объекта. Однако, отсутствие следов деревянных крепежей под завалом говорит о том, что котлован начал разрушаться только после разборки опалубки. Первоначальная версия о засыпке котлована сразу же после выкапывания не нашла подтверждения. По-видимому, центральный котлован засыпался в ходе сооружения другого монументального колодца 4 с каменными бортами, который был найден на 11,20 м к северу-северо-востоку от центрального котлована. Именно там были получены необходимые для этой цели большие объемы грунта. При этом выполненные земляные работы имели масштабный характер и были связаны с перемещением значительных масс материкового грунта и в меньшей степени культурных напластований.

Засыпка центрального котлована производилась последовательно с севера на юг, сравнительно мелкими партиями (корзинами?), грунт часто менялся по структуре, цвету и плотности, но не по включениям. В результате заполнение котлована оказалось чрезвычайно мелкослоистым с заметным преобладанием глинисто-песчаных желтых материковых выбросов, практически не

содержавших находок, прослоенных золистыми сбросами с большим содержанием бытового кухонного мусора, тонкими черными гумусными микрослоями. Слои сбросов в котлован располагались под углом 45–50 градусов по отношению к поверхности, отличались плотностью, средней увлажненностью. В вертикальном разрезе с севера на юг они имели красивую полосатую структуру, не смешивались, четко отделялись друг от друга по цветовой гамме (преобладали слои насыщенного темно-серого, ярко-жёлтого, пепельно-серого цвета). Толщина слоев и прослоек невелика — от нескольких сантиметров до 0,07–0,16 м. Ближе к дну толщина их возрастала — до 0,30–0,50 м, здесь они образовывали обширные по площади линзы однородного грунта. Интересно, что засыпь не прилегала плотно к южному борту, в средней части котлована даже образовались небольшие каверны-пустоты, а по углам заполнение отделялось от борта воздушной прослойкой в 20–50 мм.

Заполнение котлована содержало различные включения: среди них заметно преобладали кости животных, несколько меньше было обломков позднеантичной керамики¹², реже

¹² Обломков керамики в заполнении центрального котлована было существенно меньше, чем остеологического материала. Среди массового керамического материала заметно преобладали обломки стенок пифосов, амфор, простой гончарной и лепной посуды. Профильные части отличались крупными размерами. Количественно среди них выделялись фрагменты амфор III века, хотя встречались более ранние материалы, попавшие сюда из более ранних слоев, в частности, из прорезанного котлована пожара 44/45 г. Отмечу на одном из донцев открытых сосудов были следы сколотого граффити (п. о. 2492), на другом — дипинти в виде двух мелких, едва заметных букв — .ПМ, написанных черной краской (п. о. 2467). Среди других находок выделил: граффити — Δ — на стенке амфоры красно-оранжевой с бежево-желтым ангобом на поверхности и рифлением по корпусу (к. о. 140), граффити — М — на стенке амфоры сиреневой глины с зеленовато-бежевым ангобом на поверхности (к. о. 146), кружок из стенки амфоры и половинку пряслица коричневой глины округлой формы, венчики и донце стеклянной кувшина, часть нашивной бронзовой пластинки на кожу или на дерево (на доспех?), фрагмент кремневого ножа из

встречались щебень, известковая крошка, угли, куски печины, раковины мидий, рыхлые линзы серого пепла и золы, крайне редко встречались мелкие и средние камни: бут и обломки блоков. Последнее — довольно странно и резко контрастирует с обычной традицией, типичной не только для первых веков нашей эры, — забивать как можно плотнее камнем вышедшие из хозяйственного использования ямы. Иначе они могли провалиться под какими-либо строительными конструкциями.

Раскопки центрального котлована были сопряжены с большим риском. Средняя его часть выкопана в материковых глинисто-песчаных напластованиях, весьма рыхлых и склонных к обрушениям. Во время работ борта неоднократно обваливались и это грозило опасностью для сотрудников экспедиции. Крепежные конструкции возвести было невозможно ввиду больших размеров изучаемого объекта и ограниченных финансовых ресурсов экспедиции. Дно котлована поэтому удалось исследовать только в северной половине, южная осталась недоследованной: здесь работы были остановлены на глубине 9,09–9,13 м от верха котлована. Отработанный грунт извлекался наверх сначала вручную, а затем с помощью крана, но на завершающей стадии работ длины стрелы крана уже не хватало, что не позволило опускать на необходимый уровень емкость для грунта. Ближе к дну грунт становился все более влажным и насыщенным водой и проваливался. Когда на уровне 12 метров начался бежевый камень листовидной формы (к. о. 129), железный гвоздь, бронзовую ремennую пряжку на застежку сапога, мелкие обломки бронзовых сильно окисленных изделий, часть бортика однорожкового светильника серой глины, обломки пережженных терракотовых фигурок, часть шита статуэтки кельтского воина нижняя часть терракотовой мужской фигурки светло-коричневой глины с отбитым фаллосом (к. о. 147), обломок железной пластины (ножа?), кремневые отщепы, метательные и пращевые ядра из песчаника, несколько спекшихся монет времени Митридата III. Последние находки (кубки, монеты, терракоты) явно выбиваются из контекста и попали в слой из прорезанного пожарища 46/47 г. начальноего этапа боспоро-римской войны 44/45–49 г.

ся водоносный горизонт, а выявленное на дне вместилище стало быстро заполняться водой, то глинистый грунт под ногами превратился в жидкую грязь. В средней части котлована, выкопанной в песчаных слоях, продолжились обвалы бортов котлована. Все это вынудило прекратить работы, так как они стали очень опасны для жизни.

Требуется особое объяснение невероятного большого количества костей мелкого и крупного рогатого скота со следами кухонной разделки в заполнении котлована. Достаточно сказать, что после каждой выборки грунта в 0,30–0,40 м найденные кости с трудом помещались в 5–7 мешков объемом в 50 л. Нередки были крупные нерасколотые кости, встречались целые черепные коробки лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Некоторые кости конечностей мелких животных сохраняли сочленение в суставах и носили следы долгого вываривания или обугливания по краям. Отмечу также находки диафиза правой руки mcIV и дуги(?) грудного позвонка ребенка или подростка.

Обилие и разнообразие остеологического материала, найденного в котловане, наличие крупных и целых костей свидетельствует о совершенно неординарном характере данных кухонных сбросов. Эти сбросы напоминали остатки массовой трапезы. Первые ассоциации с поминальным или праздничным застольем не должны быть отвергнуты. В любом случае, если версия о выкапывании нового колодца рядом с засыпаемым старым окажется правильной, то можно говорить о неординарном, общественно значимом для жителей городища событии. Расположение нового большого колодца в центральной части городища говорит о его общественной значимости и предполагает, что в сооружении колодца 4 принимало большое количество людей. Утощения и многодневные праздники по таким случаям — явление достаточно традиционное.

Впрочем, центральный котлован в придонной части не исследован до конца. Основных версий его интерпретаций

было две: земляной склеп (катакомба) и колодец. Первое предположение — о склепе, наверное, следует отвергнуть, хотя разрозненные человеческие останки одного индивида найдены, но цельных костяков обнаружено не было. При геомагнитном дистанционном изучении придонного заполнения не выявлено выраженных аномалий, которые могли бы указывать на металлический сопровождающий инвентарь, обычный для могил позднеантичного времени. Да и заполнение центрального котлована отличалось от могильного. Вторая гипотеза — о колодце — аргументируется лучше. Во-первых, ее доказывает мощный водоносный слой, открытый на дне котлована. Во-вторых, не случайно наличие здесь зеленовато-серых и голубовато-серых мелкодисперсных глин и песчаных линз, а также — зон размыва и последующего обрушения в северном борту, связанных с долгим действием воды. Наконец, вода, которая скапливалась на дне котлована, отличалась мягкостью, имела лучшие вкусовые качества по сравнению с водой из артезианских скважин в южной балке за городищем. Все это вполне согласно указывает на то, что центральный котлован представлял собой большое гидротехническое сооружение — колодец 3¹³. Время его появления, по-видимому,

¹³ Несколько слов необходимо сказать о попытках интерпретации известным разведчиком боспорских древностей А. Л. Ермолиным колодца 3 городища Артезиана, появившихся в одной из социальных сетей (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1624954740971103&id=882128061920445&__tn__=K-R). Исследователь, исходя из каких-то внутренних озарений, датировал объект совершенно неправильно. При этом А. Л. Ермолин, который принимал участие в финальной фазе исследования колодца 3, основывался не на данных стратиграфии, которые полностью вместе с находками приведены в отчетах и отчасти публикациях ААЭ, а на собственных первичных эмоциях и впечатлениях. Данное обстоятельство, по-видимому, повлияло на некорректные умозаключения.

Что касается хронологии артезианского колодца 3, то А. Л. Ермолин, не опираясь на реальные археологические данные, приведенные в отчетах ААЭ и доступных публикациях [1, с. 45–72; 8; 2, с. 459–489], относит время его засыпки даже не к финальной фазе существования

городища — к IV в. н. э., а к периоду, когда городище не существовало, — к середине V в. н. э. Вряд ли необходимо искусственно притягивать время засыпи колодца 3 к нашествию гуннов. Это версия ошибочна. Она не учитывает датировку находок из заполнения колодца 3 и реальную стратиграфическую ситуацию.

Как показывает керамический материал, появление и функционирование данного гидротехнического объекта целиком укладывается в период бытования поздней цитадели, не выходит даже за вторую половину III в. н. э. Этому не противоречат и стратиграфические данные, согласно которым засыпанный колодец был прорезан позднеантичными ямами III–IV вв.

Большое количество костей животных в заполнении колодца 3, особенно находки сочленённых в суставах костей конечностей и черепов животных, стало основанием для предположения А. Л. Ермолина о действии неизвестных, которые стремились отравить водоносные горизонты стратегически важного источника частями трупов и шкурами(!?) животных. Вредителями воды могли быть, по мысли исследователя, сами жители городища при приближении врага или самим врагом при захвате данного стратегического объекта. Но это маловероятно, так как при желании испортить воду целесообразней было сбрасывать трупы животных и отходы скотобойни непосредственно в колодезную воду. Реальная стратиграфическая ситуация показывает иную картину. Кости животных в грунте, которым был засыпан колодец 3, достаточно равномерно распределены по всей его толще, не образуя концентрированных скоплений у его дна. Они не залежали в виде единого массива, что было бы логичным, если действовавший колодец намеренно забивался останками животных, шкурами и другими скоропортящимися отбросами колодец с заведомой целью порчи воды.

Акцентируем внимание на следующем: ни в одном случае не выявлено компактных скоплений костей, ни в придонных отложениях, ни в их толще, не говоря уже о неких прослойках, якобы образовавшихся в ходе разложения шкур и внутренностей животных. Кости животных равномерно распределялись по всей толще заполнения колодца 3 вместе с находками крупных обломков керамики первых веков. Сбросы в колодец отличались от обычных мусорных ямных сбросов лишь большей концентрацией костей в переотложенном материковом грунте, который утилизировался при выкапывании соседнего колодца 4.

Версия А. Л. Ермолина о порче грунтовых вод отходами скотобойни и колодца, намеренно уничтоженного в виду опасности приближения какого-то серьёзного врага, не выдерживает критики ещё по следующему соображению: при потреблении жареных на вертелах или решётках туш животных, их кости конечностей и черепа обычно остаются неповрежденными, а связки и сухожилия, несмотря на термическую обработку, нередко сохраняют эластичность. На всех костях, поднятых из колодца 3, фиксировались следы кухонной и термической

совпадает с последними перестройками внутри поздней Цитадели городища и связано с возведением мощных подпорных стен к западу от него (стены 78) — в первой половине-середине II в. н. э.

Вода из колодца могла подниматься наверх при помощи обычного ворота, не исключено использование иного устройства: журавля или архимедова винта. Далее она могла по (деревянному?) желобам самотеком растекаться по хозяйственным и жилым постройкам, расположенным на нижних террасах. Объем доставляемой воды, судя по внушительным размерам колодца, был вполне достаточен для снабжения большого количества жителей и домашних животных. Но об этом остается только догадываться, так как все деревянные конструкции были разобраны (иначе в условиях сырой глинистой почвы их остатки хорошо бы прослеживались), а котлован был засыпан в очень короткий срок мешаным мелкослоистым грунтом.

Один из самых интересных и монументальных объектов — колодец 4 2008–2009 гг. — сложен из блоков и квадратов. Он имел прямоугольную в плане и сечении форму (рис. 1)¹⁴. Этот ко- обработка. Кости были выварены, частично обуглены, инкорпорированы в пласты переотложенного материкового суглинистого грунта, который выбрасывался при выкапывании шахты соседнего колодца 4. Следовательно, кости животных в колодце 3 оказались обычными остатками продолжительной трапезы с участием большого количества людей. Палеоостелогический и керамический материал из колодца 3 ещё не обработан в полном объёме. Кости животных находится в ИА РАН в распоряжении Е. Е. Антипиной. Как только будут получены выводы о количестве животных и их качественном составе, можно будет определиться с числом участников возможного пиршества. Доказать, что они связаны с боевыми действиями на основании полной археологической картины не представляется возможным.

¹⁴ Колодцы с бортами, выложенными бутловым камнем, наиболее часто встречаются в Крымском Приазовье, но большая часть из них имела круглую форму. Действующий колодец квадратной формы, сооруженный из штучного камня, открыт в 1989 г. во время разведок ААЭ на античном поселении с подъёмным материалом от эллинистического времени до римского южнее мыса Зюк.

В Илурате за пределами крепостных стен был открыт потайной колодец с почти квадратным устьем — 1,85x 1,8 м [24, с. 31 сл.], сложенный

на известковом растворе тщательно подогнанных квадратов известняка высотой до 0,67 м. В целом, при значительных внутренних размерах, колодец должен был обеспечивать достаточно эффективную систему сбора воды, поступающей по водоносным пластам. По крайней мере, когда заполнение колодца было выбрано на глубину почти восемь метров, он стал быстро заполняться чистой прозрачной водой с температурой около 14°. Свод над колодцем мог быть полуциркульным или уступчатым. Подобное перекрытие было у подземного хода, спускавшегося к колодцу несколькими пологими маршами от линии оборонительной стены. Его длина около 50 м, пол глинобитный. Неподалеку от первого находилось устье другого колодца, скорее всего, также связанного подземным ходом с крепостью.

Круглые колодцы с бортами из бута найдены в Тасуново, Багерovo-Северном, Сююрташе и других поселениях. Тасуновский колодец обнаружен в восточной части северной балки от городища. Он действовал вне гидросистемы, открытой там в ходе раскопок. В глубину колодец достигал около 3,80–3,86 м. Внутренний диаметр его устья равнялся 1,26–1,30 м. Горловина выложена обломками квадратов неправильной формы со следами подтесов под деревянные балки. Борта колодца выстроены насухо из среднего по размерам хорошо подобранного бутового камня без применения вяжущего раствора. Начиная от древнего водоносного горизонта до современной поверхности прослежено 17 вертикальных рядов кладки, сложенной по постелистой однолицевой однослойной схеме. Дном колодца служил выровненный материковый глинисто-песчаный грунт средней плотности. При его расчистке найдены полностью проржавевшие остатки отечественной техники, амуниции и вооружения времени начала Великой Отечественной войны (затворы, колеса, рессоры, запчасти машин, каска, детали стрелкового вооружения). Колодец от низа до устья заполнял темно-коричневый, иногда черный влажный, липкий глинистый грунт с большим количеством ломаного бутового камня и бытового мусора 40–х годов XX века (с обломками стеклянных бутылок, оцинкованных ведер, кусков кровельного железа, прутьев и проволоки, резины от колес, обуви и т. п.). Находок античного времени за исключением нескольких амфорных стенок колодец не сохранил. Воды обнаружено не было, так как в настоящий момент грунтовые воды опустились на 2–5 м ниже дна колодца. Скорее всего, колодец пересох к середине XX в. и был засыпан. Несмотря на позднее заполнение, конструкция колодца говорит о его древнем, вероятно, античном происхождении. Тасуновская гидросистема действовала на протяжении нескольких столетий, а отдельные её элементы могут относиться даже к античному периоду. Впрочем, достоверно можно утверждать только то, что в целом она была сооружена не позднее XIX столетия и серьёзно перестроена не позднее начала XX в. (в до-

лодец, по-видимому, функционировал от позднеантичного до средневекового времени, пока не был засыпан в VIII–IX вв. В его заполнении обнаружено несколько десятков костяков собак и людей¹⁵. Размер его устья: 2,10x1,30 м (7x4 фута), исследованная глубина составила — 4,50–6,00 м — 12–14 вертикальных рядов кладки (дно не раскопано). Колодец развернут от линии север-юг к оси ССЗ-ЮЮВ. Замечу, что подобные отклонения и развороты больше характерны на городище Артезиан для сооружений позднеантичного-средневекового времени. Вопрос о его точной датировке остается, впрочем, открытым, так как до уровня грунтовых вод требуется еще пройти не менее 2/3 его глубины, а его позднее заполнение дает дату только засыпки, но не постройки. Тем не менее находки, открытые на уровне его горловины, довольно согласно говорят о периоде не позднее I–III в. н. э., причем фрагментов керамики I–II вв. здесь большинство. Заполнение колодца на уровне 12–14 рядов кладки содержало небольшое количество костей животных и небольшое количество стенок и профильных фрагментов керамики первых веков нашей эры, наиболее

революционный период), более мелкие реконструкции происходили при советской власти в довоенное время.

В Багерovo-Северном на одной из террас в северной части городища выявлен античный подземный акведук дренажного назначения, сооруженный в виде короба из известняковых плит. По глубоким провалам на поверхности городища открыто несколько водосборных цистерн с оштукатуренными известковым раствором бортами, напоминавших известные аналогии из античных северопричерноморских городов [25, с. 170]. На северной окраине городища сохранился действующий древний колодец глубиной около 5 м, дающий до сих пор воду высокого качества. Он выложен от дна грубо околотым камнем. Горловина колодца округлая в плане. Несколько полуразрушенных колодцев также найдены в восточной части поселения.

¹⁵ Ранние находки человеческих костяков известны, например, в Коринфе, где шахта глубокого колодца эпохи ранней бронзы была доверху забита останками более двадцати человек, что можно считать результатом жертвоприношений, связанных с поклонением подземным стихиям [26, с. 69].

поздние из них датировались III в. н. э. Заполнение преимущественно состояло из темно-коричневого, коричнево-черного, влажного, липкого глинистого грунта с большим количеством ломаного бутового камня, кусков серой глины и бытовым мусором античного времени. Отдельные средневековые черепки в заполнении фиксируют время его окончательной засыпки.

Другой подобный каменный «колодец» 5.1 четырехугольной формы, но существенно меньшего размера, был сооружен при постройке поздней Цитадели — в углу между башней 1 и крепостной стеной (рис. 1). Он — единственный, докопанный на городище Артезиан полностью¹⁶. Колодец 5.1, борта которого сложены из офостатно поставленных плит, не был глубоким, хотя шел практически из-под дёрна. Он использовался также от античного до средневекового периода. На последнем этапе в нём было совершено ритуальное захоронение подростка со шкурой быка, датированное средневековым временем [16, с. 55 и сл.]. В плане он имел неправильную четырехугольную форму, а в разрезе — трапециевидную, углами ориентирован по оси СВВ-ЮЗЗ. Размер по внешнему периметру — 1,22x1,28 м. Борта «колодца» расширились книзу, поэтому его устье (0,85x0,72 м) было меньше дна (1,02/1,04x1,04 м). Исследованная глубина «колодца» достигала всего 2,39–2,46 м. Для возведения колодца сначала была выкопана округлая в плане яма 254. Вокруг кладки устья отчётливо выделялась в более темном грунте ее горловина, сечением 1,54x1,80 м, заполненная очень рыхлым светло-желтым грунтом с большим количеством известкового отёса. Яма прорезала рыхлые культурные отложения с большим количеством известковой крошки, образовавшихся в ходе строительства оборонительных сооружений ранней «Цитадели». В яме найдена линзовидная в сечении ручка коричневоглиняной античной амфоры и медная

¹⁶ Объект открыт на раскопе I в 1999 г. [16, с. 55 и сл.; 28, рис. 77, 96а-б, 175а].

монета времени Рискупорида III 210–226 гг. после Р. X. [30, табл. XIX, 2–4].

Борта «колодца» сложены из добротных прямоугольных плит пиленого желтого ракушечника, поставленных на ребро с использованием перевязки горизонтальных и вертикальных рядов по однорядной однослойной орфостатной однолицевой схеме. Всего прослежено семь рядов кладки. В щелях между некоторыми плитами выявлены остатки известкового и глиняного раствора. Стыковочные углы в нижней части сооружения скошены фаской.

Третий от верха ряд кладки «колодца» частично опирался на камни внутреннего фаса оборонительной стены 69 «Цитадели». Для выравнивания плит использовались обломки стенок амфор.

Кладка «колодца» сильно деформирована подвижками грунта, несколько накренилась в северо-восточном направлении, некоторые камни лопнули по вертикали. Тем не менее ее состояние было вполне удовлетворительным. Лицевая часть кладки, гладко обработанная «под скапель», обращена внутрь. В целом борта сооружения не очень ровные, немного расширяются книзу. По поверхности стен отчетливо заметны известковые затеки — результаты отложения солей от атмосферных осадков. На высоте 0,90–0,98 м от дна в северном борту имелась ниша подпрямоугольной формы (0,15x0,12x0,14 м), возможно, для светильника, но следов копти не прослежено. На дне объекта прослежена прослойка плотной серо-зеленой хлоритизированной вязкой глины, толщиной 1,5–3,2 см.

Колодцы 3 и 4 появились во II–III вв. н. э., когда поздняя цитадель перестала использоваться по прямому назначению, центральная часть ее забрасывается. Ее крепостные стены были уже частично разобраны, а их останцы послужили основанием для террас III в. н. э. Верхнее плато городища оказалось плотно застроенным. В этот период на достаточное количество воды для питьевых и хозяйственных нужд населения городища в зоне хозяйственно-жилой застройки

косвенно указывали водоводы, направлявшие с крыш воду не в отстойники для последующего накопления и использования, а в понижения рельефа — ямы и засыпанные крепостные рвы, для последующего сброса в южную балку. Сначала был сооружен очень необычный по размерам и устройству грунтовой колодец 3, а после его засыпки — каменный колодец 4.

Необычен неоднократно зафиксированный на артезианских материалах факт забивки шахты семи колодцев (№№7–12, 15) гончарной глиной, что должно иметь технологическое объяснение. Возможно, плотные глины были нужны, что избежать просадок забутовок, разжижения заполнения и возможного выхода артезианских вод на поверхность. В любом случае, нахождение гончарных глин в колодцах является красноречивым свидетельством местного гончарного производства, что не исключает использование запасов глины для других технических нужд: строительных и бытовых.

Находки почти двух десятков колодцев разных типов в пределах поздней цитадели городища Артезиан показывают, что крепость была надёжно обеспечена водными ресурсами.

Сложно сказать действовали ли колодцы одновременно, или они со-

оружались в разное время. По крайней мере, для колодцев 3 и 4 надёжно было установлено, что данные объекты существовали последовательно. После завершения работы колодца 3 был сразу же выкопан в непосредственной близости колодец 4. Колодцы были укреплены каменной кладкой, деревянной опалубкой, плетневой оплёткой. Особенности грунтов урочища Артезиан: суглинков, прослоенных глинами и песчаными линзами, и постилающих глинистых кварцевых песков, вынуждали укреплять борта данных объектов. Большой опыт их создателей, простота, правильный расчет и рациональность инженерного замысла делали такие колодцы очень надёжными. Они могли исполнять своё первоначальное предназначение в течение длительного времени и были предназначены для получения сравнительно больших объемов воды при продолжительной интенсивной эксплуатации. Доследование этих интересных и недостаточно хорошо изученных объектов представляет большой научный интерес, имеет также и практический аспект, особенно важный при современном недостатке водных ресурсов в Восточном Крыму.

1. Винокуров Н. И. Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // Древности Боспора. Т. 15. М. 2011. С. 45–72.

2. Винокуров Н. И. Павловский А. И. Исследование гидросистемы на окраине античного городища Тасуново (Кош-Куя) // Боспорские исследования // Сборник научных трудов. Вып. XXI. Симферополь–Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, Центр археологических исследований БФ «Деметра». С. 459–489. 2009.

3. Винокуров Н. И. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь. 2005.

4. Винокуров Н. И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / В. Н. Зинько (ред.). Керчь. 2008.

5. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // PARA BELLUM. № 31. 2009.

6. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки // А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин (ред.). Вып. I. Москва–Киев. 2010.

7. Винокуров Н. И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. Т. 14. М. 2010б.

8. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген. 2012.

9. Винокуров Н. И. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан (I–IV вв. н. э.) // Материалы Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора» // Таврические студии. Исторические науки. №6. Симферополь. 2014. С. 98–105. 146 С.

10. Винокуров Н. И. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // ДБ. Т. 22. М. 2018.

11. Винокуров Н. И. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. №1(32), 2013. С. 30–40.

12. Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия // ВДИ. №3–4. 1940.

13. Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. №2. 1979.

14. Горончаровский В. А. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб. 2002.

15. Горончаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40–х годов I в. н. э. // ВДИ. №3. 2003.

16. Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. Москва. 2004.

17. Abramzon M. G., Treister M. Y., Vinokurov N. I. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // ACSS. Vol. 18.2.2012.

18. Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В. Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы) // ВДИ. №3. 2014.

19. Винокуров Н. И. Отчёт ААЭ 2010 г. // Архив ИА НАНУ. Киев.

20. Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. МИА, 83.

21. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб. 2006.

22. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // Древности Боспора. Т. 17. М. С. 21–54. 2013.

23. Сапрыкин С. Ю. Был ли на Боспоре храм Асклепия // Северное Причерноморье в античное время. Киев. 2002.

24. Горончаровский В. А. К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь. 2001.

25. Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Керчь-Симферополь. 2007.

26. Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб. 2002.

27. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. Т. 1–2. М. 1997.

28. Винокуров Н. И. Отчёт ААЭ 1999 г. // Архив ИА НАНУ. Киев.

The author presents the results of the latest excavations of the Artezian site in the Azov region of Crimea. The article explores 16 ancient wells of the late citadel of the Artezian settlement, dating back to the first centuries AD.

Keywords: *Bosporan kingdom, Artezian site, Roman-Bosporan war 44/45–49 AD, waterworks, wells, water supply systems, citadel.*

УДК 9; 904

Е. В. Власова

ФАНАГОРИЙСКИЕ ФИГУРНЫЕ СОСУДЫ С КРОТАЛАМИ

Найденные в некрополе Фанагории фигурные сосуды представляют различные персонажи. У двух из них в руках кроталы. Этот музыкальный инструмент типа кастаньет обычно использовался в танцах и дополнял игру на других музыкальных инструментах. Обычно он был в руках у менад и сатиров. Фанагорийские же сосуды представляют сирену и Нику.

Ключевые слова: *фигурные сосуды, кроталы, Фанагория, сирена, Ника.*

В некрополе Фанагории в 1852 и 1869 гг. были открыты женские погребения с фигурными полихромными сосудами [6, с. 309–316]. В комплексе 1852 г. их 4, в комплексе 1869 г. — 6. Только два сосуда из погребения 1852 г. представляют один и тот же персонаж — менаду, остальные персонажи — в единственном числе.

Из комплекса 1852 г. происходит фигурный сосуд в виде крылатой женской фигуры у алтаря [4, III, табл. LXX 1–2], из комплекса 1869 г. — фигурный сосуд в виде сирены [2, с. 30 № 85; 7, с. 20–28, табл. II]. У этих персонажей в руках одни и те же музыкальные инструменты — кроталы /кротала/. Это древнегреческий ударный музыкальный инструмент, род трещотки, предшественник кастаньет [11, р. 351]. Кроталы представляют собой два связанных между собой деревянных бруска. Их использовали во время танца [5, с. 135; 10, S. 43, Kat. 21], а также в ансамбле с другими музыкальными инструментами — лирой и двойной

флейтой /авлосом/. Кроталы применяли в светских церемониях, например, Сапфо описывает их в сцене свадьбы Гектора и Андромахи [1], и в народных празднествах. Они использовались в мероприятиях, связанных с культом Диониса, и были в руках у Сатириков и Менад [13, cat. 295, 329, 333, 465].

Сирены представлялись в образе крылатых дев с рыбьим хвостом, или дев с птичьим телом и куриными ногами. Согласно Гомеру, сирен было две. Своим чудесным пением они пытались заманить и убить Одиссея и его путников, пытались убить и аргонавтов. Позднее называли трёх сирен: одна из них пела, другая играла на кифаре, третья — на флейте. На связанных с Одиссеем изображениях три сирены с музыкальными инструментами [12, р. 975–976, cat. 92, 93, 95, 101, 103, 106]. Сирены ублажали некогда богиню Деметру (Apoll. Rhod. IV 896–897), были спутницами Персефоны, и, по одному из мифов, Деметра сделала их крылатыми для поиска Персефоны после её

Рис. 1. Фигурные сосуды в виде Ники и Сирены. Съемка Е. В. Власовой.

похищения. На изображениях сирены держат в руках различные инструменты: кифару, лиру, тимпан, двойной авлос, сирингу, тубу и кроталы [9, cat. 38, 41, 42, 45, 60, 67, 81, 88, 94, 109, 118].

На золотом украшении последней четверти IV в. до н. э. из Зеленского кургана сирена играет на двойной флейте [5, с. 200-201], на золотых серь-

гах III в. до н. э. из некрополя Пантикапея одна сирена играет на двойной флейте, другая — на кифаре [5, с. 222-223], на золотом ожерелье конца IV в. до н. э. из Херсонеса сирена играет на лире [5, с. 210-211]. На чаше первой четверти V в. до н. э. изображены три сирены с двойной флейтой, лирой и кроталами [9, cat. 117].

Рис. 2. Чаша с изображением сирен с двойной флейтой, лирой и кроталами. Hofstetter E. Seirenes // LIMC. VIII/2. Zürich — München: Artemis Verlag, 1997. Cat. 117.

Рис. 3. Серьги с фигурами Ники с кимвалами. Goulaki-Voutira A. Nike // LIMC. VI/2. Zürich — München: Artemis Verlag, 1992. Cat. 460

Фигурный сосуд из комплекса 1852 г. изображает богиню с распростёртыми голубовато-серыми крыльями, как бы только что спустившуюся с неба для совершения ритуального танца у алтаря; одежды её развиваются; голова, обрамленная тяжелыми локонами, в венке и калафе чуть вскинута вверх; в руках она держит кроталы. С крылатой фигурой найдены сосуд в виде Диониса и два сосуда в виде менад, держащих руки в боки [4, III, табл. LXX 3-4, 6-9].

Крылатая богиня обычно ассоциируется с Никой — богиней, ставшей персонификацией абстрактного понятия «победа». Она появляется у Гомера. Ника часто выступает как спутница или как атрибут других божеств, связанных с победой. Она тесно связана с Афиной [5, с. 209]. Она появляется в сценах, представляющих удачный подвиг, участвует в жертвоприношениях, связанных с победой и украшает, одаривает победителей в разных состязаниях.

Своему виду она обязана больше изобразительному искусству и меньше мифологии и литературе [8, р. 850-904].

Исследователи в фанагорийском сосуде Нику не увидели. По мнению К. К. Гёрца, это изображение «крылатого гения жизни или смерти» [3, с. 87-88].

По мнению Л. Ф. Стефани [4, II, с. 89-92], кроталы и венки «придают нашей прелестной статушке вакхический характер, который не шёл бы к изображению Победы». Он отметил, что её изображения иногда бывают в вакхических сценах, «но она и в этих случаях всегда сохраняет свой характер, как богиня Победы, и не представляется ни с виноградными листьями или плющом, ни с какими либо другими эмблемами Вакха». Он предложил считать фанагорийскую фигуру богиней мира Эйреной, любовницей Вакха. Стефани отметил, что на вазах она изображена бескрылой, но что есть другие её изображения с крыльями. На изданных в LIMC изображениях Эйрена — без крыльев и без кроталов [14, cat. 1-12]; её облик никакой ассоциации с фанагорийской фигурой не вызывает.

Фанагорийский сосуд, по-видимому, представляет Нику. Не следует отделять богиню от музыки. Как уже отмечалось, Ника одаривала победителей в различных состязаниях, в том числе и музыкальных. Есть изображение на вазе, где она поздравляет победителя в игре на лире [8, cat. 345]. В другом изображении она с чашами весов определяет победителя среди двух авлетов и поздравляет его [8, cat. 350]. Она держит в руках лиру, кифару [8, cat. 115, 344]. На золотых серьгах III в. до н. э. в её руках кимвалы — ударный инструмент в виде двух бронзовых дисков [8, cat. 460], которые иногда ошибочно называли кроталами. Эти свидетельства убеждают видеть в фанагорийском сосуде богиню победы Нику.

1. Кроталы — Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кроталы>.
2. Античная коропластика. Каталог выставки / Отв. ред. С. П. Борисковкая и Е. Н. Ходза. — Л.: Аврора, 1976. 112 с.
3. Гёрц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Собрание сочинений. Вып. 2. СПб.: ИАН, 1898.
4. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа. I-III. СПб.: ИАН, 1854. I, 280 с. II, 340 с. III, 90 с.
5. Калашник Ю. П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: ИГЭ, 2014. 280 с.
6. Паромов Я. М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // Древности Боспора 7. — М.: ИА РАН, 2004. 309-316 с.
7. Фармаковский Б. В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Записки Российской Академии Истории Материальной Культуры. Вып. I. Пб.: ГИ, 1921. 45 с., 4 табл.
8. Goulaki-Voutira A. Nike // LIMC. VI. Zürich — München: Artemis Verlag, 1992. P. 850-904.
9. Hofstetter E. Seirenes // LIMC. VIII. Zürich — München: Artemis Verlag, 1997. P. 1093-1104.
10. Rohde E. Griechische Terrakotten // Monumenta Artis Antiquae. B. 4. Tübingen: Verlag Ernst Wasmuth, 1968.
11. Simon E. Greek Music // ThesCRA. Los Angeles: Getty Publications, 2004. P. 346-418.
12. Touchefen-Meyer O., Camporeale G. Odysseus // LIMC. VI. Zürich — München: Artemis Verlag, 1992. P. 943-983.
13. Veneri A., Gasparris C. Dionysos // LIMC. III. Zürich — München: Artemis Verlag, 1986. P. 414-566.
14. Vollkommer R. Eirene // LIMC. III. Zürich — München: Artemis Verlag, 1986. P. 700-705.

The figured vessels found in the Phanagorian necropolis represent different personages. In the hands of two figures there are krotals. These musical instruments such as the castanets were usually used in dances and they complemented the playing of other musical instruments. The krotals were often in the hands of Maenads and Satyrs but the Phanagorian vessels represent Sirena and Nike.

Keywords: *figured vessels, krotals, Phanagoria, Siren, Nike.*

УДК 930.85

А. И. Джопуа, В. А. Ньюшков

МАТЕРИАЛЫ ГРЕЧЕСКОГО ИМПОРТА НА НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ В АБХАЗИИ (ХОЛМ ВЕРЕЩАГИНА, ЭШЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ГЮЭНОС)

Статья посвящена памятникам (Холм Верещагина, Эшерское городище, Гюэнос) периода архаики и эллинистической эпохи, т. е. того времени, когда начинается колонизация древними греками Восточного Причерноморья. В результате довольно активных контактов с местным населением происходит распространение греческого в основном керамического импорта, на территории современной Абхазии, о чём и свидетельствуют археологические раскопки.

Ключевые слова: *поселение, древние греки, Абхазия, Холм Верещагина, Эшерское городище, Гюэнос, импортная посуда.*

Одно из самых больших древних местных поселений эпохи бронзы — раннего железа находилось на территории Абхазии и было известно населению Северного Кавказа. Это многослойный памятник «Холм Верещагина» (у абхазов Холм Амжассара). Можно полагать, посёлок местного населения являлся частью хоры Эшерского городища. Холм имеет овальную форму и крутые склоны и достигает высоты 200 м. над уровнем моря. Его общая площадь около 3 га. Здесь в XIX в. находилась дача известного художника В. Верещагина.

Памятник был открыт в 30-е годы прошлого столетия М. М. Иващенко, в своей работе отметившего, присутствие следов поселения. «Вся вершина этого холма... обильно покрыта керамическими обломками, по типу совершенно схожими с керамикой урн» [1,

с. 66]. Для изучения этого памятника была подготовлена Абхазская археологическая экспедиция, руководимая И. И. Мещаниновым. Подробно она описана в монографии Б. А. Куфтина «Материалы к археологии Колхиды». Далее исследование холма продолжил Л. Н. Соловьёв. Он нашёл на поселении текстильную керамику и назвал его «городищем колхидского времени» [2, с. 28]. Позже совместные работы были произведены в 1978 г. С. М. Шамба и Г. К. Шамба. В верхнем слое в перемешанном состоянии им встретились обломки средневековой и эллинистической керамики [3, с. 21]. В 1998 раскопки на Холме Верещагина были возобновлены и, не прерываясь проводятся Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА. В данное время археологическая экс-

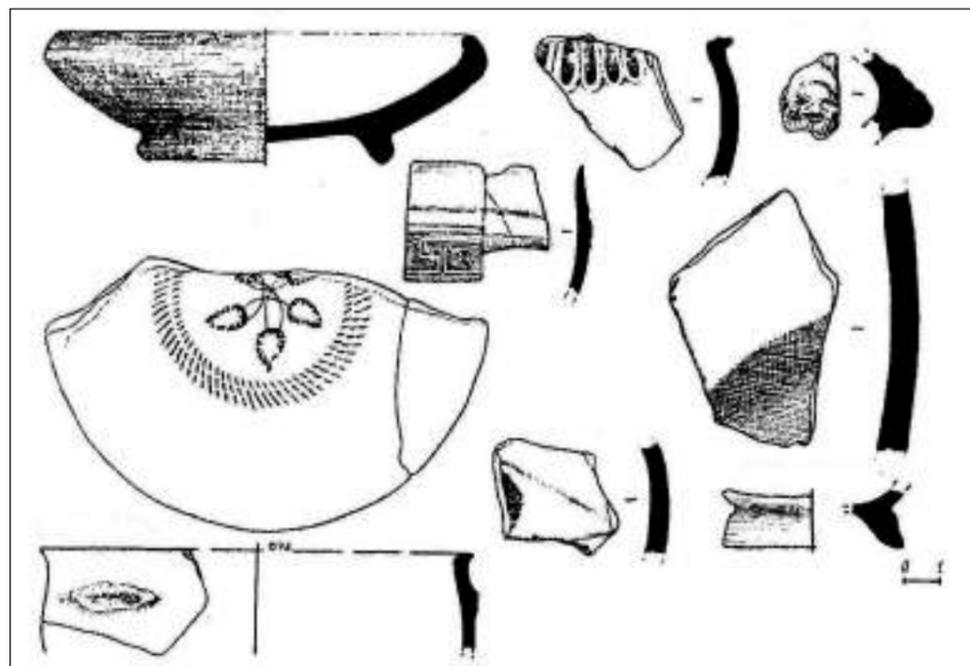

Рис. 1. Импортный материал (Холм Верещагина). Абхазия. Джошуа А. И., Поселение бронзовой эпохи и античности в селе Эшера // *Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Выпуск IV. Сухум, 2006*

педиция на Холме Верещагина ведётся под руководством А. И. Джошуа. За это время новые исследования позволили по-новому посмотреть на взаимоотношения греческих колонистов и местного (древнеабхазского) населения.

Большой интерес представляет культурный слой античной эпохи от ранней архаики до эллинизма. В слое содержатся многочисленные предметы в виде позднеколлидской керамики и сосудов импортного производства. Время бытования данной эпохи определяется VI–I вв. до н. э., мощность слоя 90–100 см. «Сверху на глубину до 1, 35 м прослеживается слой раннеантичной эпохи, содержащий наряду с местной керамикой небольшое количество привозной чернолаковой посуды» [4, с. 814].

Между тем, импортная керамика была обнаружена в отдаленных горных частях Абхазии и происходит, в частности, из района Диоскурии — Эшерского Городища и Холма Верещагина (Сухумский район). Среди наиболее ранней привозной керамики найдены родосско-ионийские сосуды и простая

ионийская полосатая керамика, аттические чернофигурные вазы.

На поселении Холма Верещагина импортная керамика представлена в виде фрагментов края полосатых киликов, украшенных группами вертикальных палочек, и фрагмента закрытого восточногреческого (родосского) сосуда с орнаментом в виде меандра между двух полос лака. Кроме того, были найдены фрагменты венцов клазоменских остродонных амфор с полосой лакообразной краски. Выше стерильного слоя залегает светло-серая антропо-культурная почва, насыщенная большим количеством керамики эллинистической эпохи совместно с бытовыми предметами местного характера, среди них выделяются: горшки, корчаги, баночки, кубки, различная кухонная посуда с многообразными орнаментами. Импортная керамика встречается в виде остродонных амфор, восточногреческих сосудов открытых типов, фрагменты чернолаковых киликов, фрагменты кувшинчика ионийского типа, фрагменты чернолаковой чашечки, фрагменты стенки буролоковой светло-

глиняной мисочки, фрагмент полметки и т. д. [5, с. 12–29] [Рис. 1].

Нельзя не сказать и о новых находках, представляющих интерес для изучения существовавших межкультурных контактов между местным (древнеабхазским) и пришлым (греческим) населением. Так, в 2006 г., во время очередной экспедиции на Холме Верещагина в 25 м к северу от раскопа 3 было доследовано случайно обнаруженное захоронение. Кости, за исключением нескольких трубчатых и фаланг пальцев, не сохранились. Сопровождающим материалом были небольшая позднеколлидская корчага и несколько фрагментов красноглиняного горшка хорошего обжига. Датированным материалом является фрагмент аттического чернолакового килика кон. VI–V в. до н. э., а также фрагмент восточногреческого (ионийского) килика с полосами лака, который может быть отнесён к VI–V вв. до н. э. Работы на раскопе 3 не были доведены до материка и продолжены [6, с. 563–564]. Там же недалеко от раскопа 3 в обрыве от хозяйственной ямы были обнаружены железные удила, звенья которых откованы вместе с трёхпестельчатыми псалиями и которые представляют вариант развития переднеазиатской-закавказской схемы узды [7, с. 574].

В тоже время, уточнение хронологии этого слоя, дало возможность синхронизировать поселение Холма Верещагина с расположенным поблизости Эшерским городищем. Исследования показали, что население, проживавшее на Холме Верещагина и на Эшерском городище было по своему составу разное, исходя из сравнения в процентном отношении количества импортной греческой керамики на этих двух памятниках. В отличие от обитателей поселения Холма Верещагина, основными жителями Эшерского городища в раннеантичный период, как и в период развитого эллинизма, были греки или значительно эллинизированное население.

Таким образом, наличие античного импорта на поселении Холма Верещагина свидетельствует о том, что местное

население, начиная с раннеантичного времени, было вовлечено в товарообмен с греками [8, с. 13]. «Археологическими исследованиями было установлено, что в это время существовавшие экономические связи древней Абхазии с греческими городами Северного Причерноморья и государствами Ближнего Востока (Персией, Сирией, Египтом и др.) не только усиливаются, но устанавливаются и новые связи с рядом городов Малой Азии и Восточным Средиземноморьем — Пергамом, Мегарой и, особенно, Родосом» [9, с. 48].

В частности, очень близкой к Мегарским чашам, обнаруженным на Эшерском городище, можно найти аналогию в античных центрах в Северном Причерноморье (в Танаисе, Пантикапее, Мирмекее (II в. до н. э.), Фанагории (III в. до н. э.), относимую к делосским изделиям [10, с. 37]. Можно отметить, что «первые крупные партии родосской продукции появляются в Прикубанье в середине III в. до н. э. Родос, вероятно, сразу же занял лидирующие позиции в поставках вина в Прикубанье» [11, с. 209].

Между тем, анализ материалов, выявленных во время археологических экспедиций на Эшерском городище, опровергает мнение, что торговый путь, шедший вдоль восточного Причерноморья, кончался в устье Риони (Фазис). Наоборот, материалы городища (главным образом, керамические данные) показали, что морской торговый путь шел значительно севернее, чем устье Фазиса, а именно этот путь доходил до района Диоскуриады, к Эшерскому городищу [10, с. 57] и до ближайшего к городищу поселению на Холме Верещагина.

Надо полагать, импортная посуда (родосско-ионийская, аттическая, коринфская и др.) Эшерского городища ввозилась налаженным торговым путём, связанным с основанием регулярных греческих поселений-эмпорий. О чём говорят, в частности, выразительные найденные образцы чаш родосско-ионийской группы с полосами и орнаментом из точечных розеток и групп вертикальных палочек и фрагменты аттических

чернофигурных сосудов в основном открытых форм. К ним относятся также: ножка вазы больших размеров с профилированными краями с обеих сторон покрытая лаком тёмно-бурого цвета; обломок широкостенного сосуда типа вазы, украшенный с внутренней стороны широкой трёхцветной полосой тёмно-коричневого, бурого и светлого тонов. Выявленная группа архаической керамики была встречена в слоях VI в. до н. э. в некоторых памятниках Северного и Западного Причерноморья [12, с. 30].

В дальнейшем (в наше время) археологическое исследование памятника выявило мощный культурный слой, превышавший 4 метра. Из нижних слоев этого раскопа происходили фрагменты импортной керамики. Среди них большой интерес представляют остатки родосского сосуда [13, с. 51-56; 14, с. 566]. В результате продолженных работ были подвергнуты изучению слои эллинистического и архаического времени. В первом слое было выявлено большое количество фрагментов черепицы, стенки мегарских чаш, фрагменты чернолаковых и краснолаковых сосудов импортного производства [8, с. 12-13].

Прежде всего, это фрагменты восточно-греческого сосуда. На одном из них сохранились изображения передней части (голова, шея, передняя нога) и задней ноги пасущихся козлов, заполнительного орнамента в виде свастики и точечной розетки, пояса лака и пояса меандра в нижней части фрагмента. На других обломках — часть ноги козла, заполнительный орнамент и часть пояса меандра. Фрагменты принадлежат крупному сосуду закрытой формы. Вероятно, судя по форме и толщине обломков, это была амфора. Следует отметить, амфоры, являясь не типичной формой для родосско-ионийской керамики, появляются в северной группе в поздний период ее существования, в первой половине VI века до н. э. Наиболее близкую эшерским фрагментам аналогию росписи мы находим на березанской амфоре, которая датируется I четвертью VI в. до н. э. [15, с. 21]. [Рис. 2].

Таким образом, датировка первая четверть VI в. до н. э. считается стартовой при определении времени изготовления сосуда, учитывая дальнейшую работу с фрагментами [13, с. 51-56] и позволяет отнести его к более раннему периоду. Тем самым памятник раскрывает не только историю этого района, но историю материальной культуры одного из древнейших городов Причерноморья — Диоскуриады.

Нельзя не отметить, к восточногреческой керамике относятся также несколько фрагментов двуручных чаш с точечными розетками и группами вертикальных палочек. Эта группа керамики имела широкое распространение. Особенно типична она для I половины VI века. Представлены также и образцы аттической чернофигурной керамики. Два фрагмента мелкофигурных киликов. На одном изображена задняя нога копытного животного на другом — часть виноградной лозы и пальметты. Они принадлежат так называемым киликам *Vand-sar* с росписью во фризе. Тонкостью росписи отличается фрагмент с изображением ноги животного, на котором сохранились следы применения пурпура. К сожалению, черепок слишком мал для более точного определения его датировки, однако, вероятнее всего он соотносится с группой киликов, датирующихся примерно 540-520 гг. до н. э. Относительно другого фрагмента сказать что-либо определенное сложно. Можно предположить, что, судя по изображению лозы, он мог быть украшен росписью с дионисийским сюжетом [13, с. 51-56].

Следует отметить, что к ранним античным поселениям на территории современной Абхазии наряду с Холмом Верещагина и Эшерским городищем относится и раннеантичное поселение Гюэнос (Очамчырский район). Перечень находок данного поселения даёт основание отнести время его возникновения не позднее первой половины VI в. до н. э. Так, из четырёх слоёв городища наиболее мощным выделяется самый нижний четвёртый слой. Толщина его вместе с прослойками достигает 170 см.

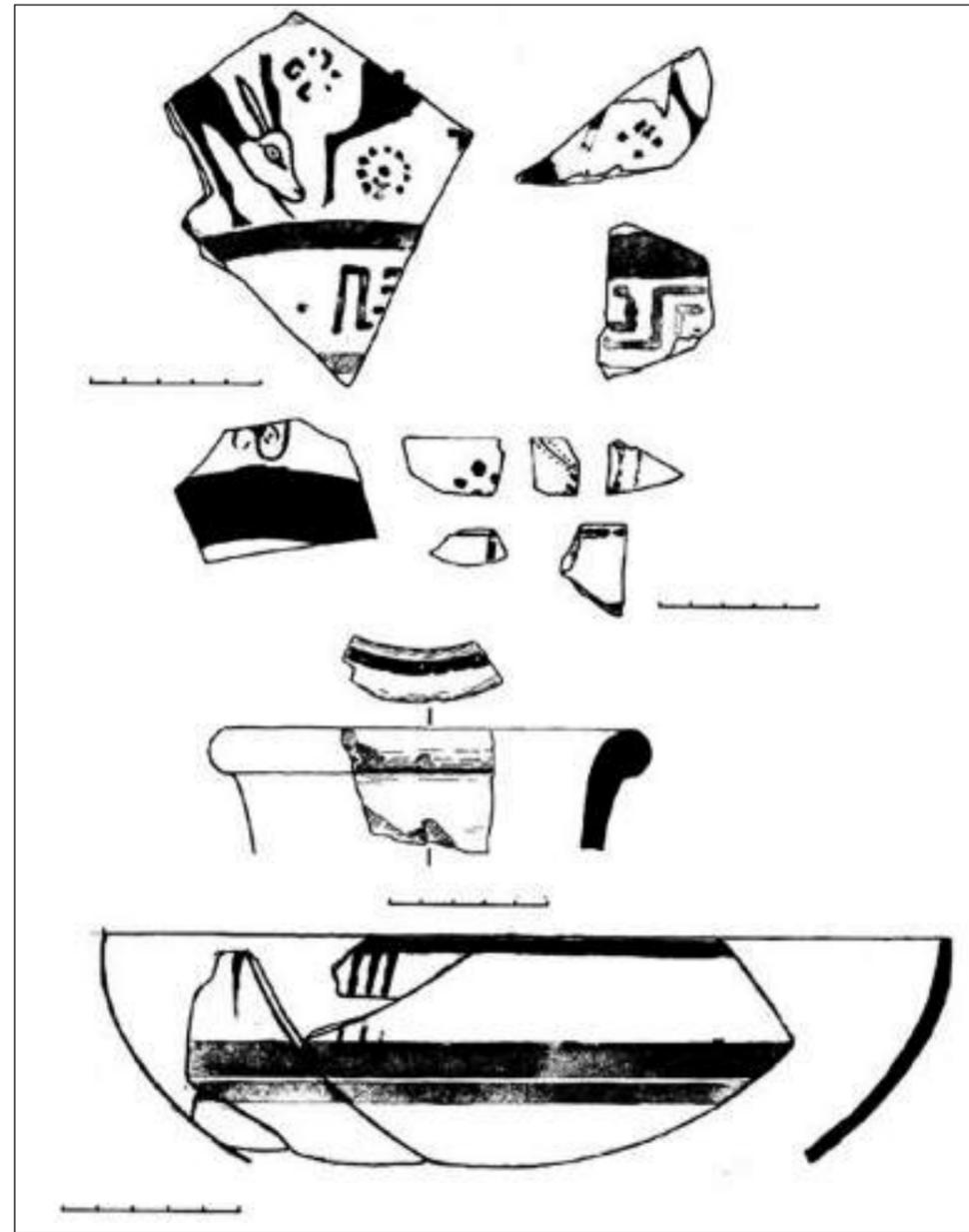

Рис. 2. Архаическая керамика. Фрагменты амфоры с пасущимися козлами (Эшерское городище). Абхазия. Джотуа А.И., Шамба Г. К., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. С.-Пб.: 2004.

«В слое представлено большое число импортной керамики исключительно ионийских островов (хиосские пухлогорлые амфоры с коричневатыми полосками вокруг венчиков, ручек тулова. На горле одной из них нанесён штампик с точкой посередине ω» [3, с. 93].

Также импортная керамика на месте существовавшего поселения Гюэноса

представлена фрагментами чернолаковой посуды. В основном это килики, светильники, амфоры. Имеется краснолаковая кухонная и столовая посуда. Это венчики тарелок, покрытых красным лаком, а также венчики других краснолаковых и чернолаковых сосудов. Ручки сосудов имеют следы красного лака. Были найдены донья крас-

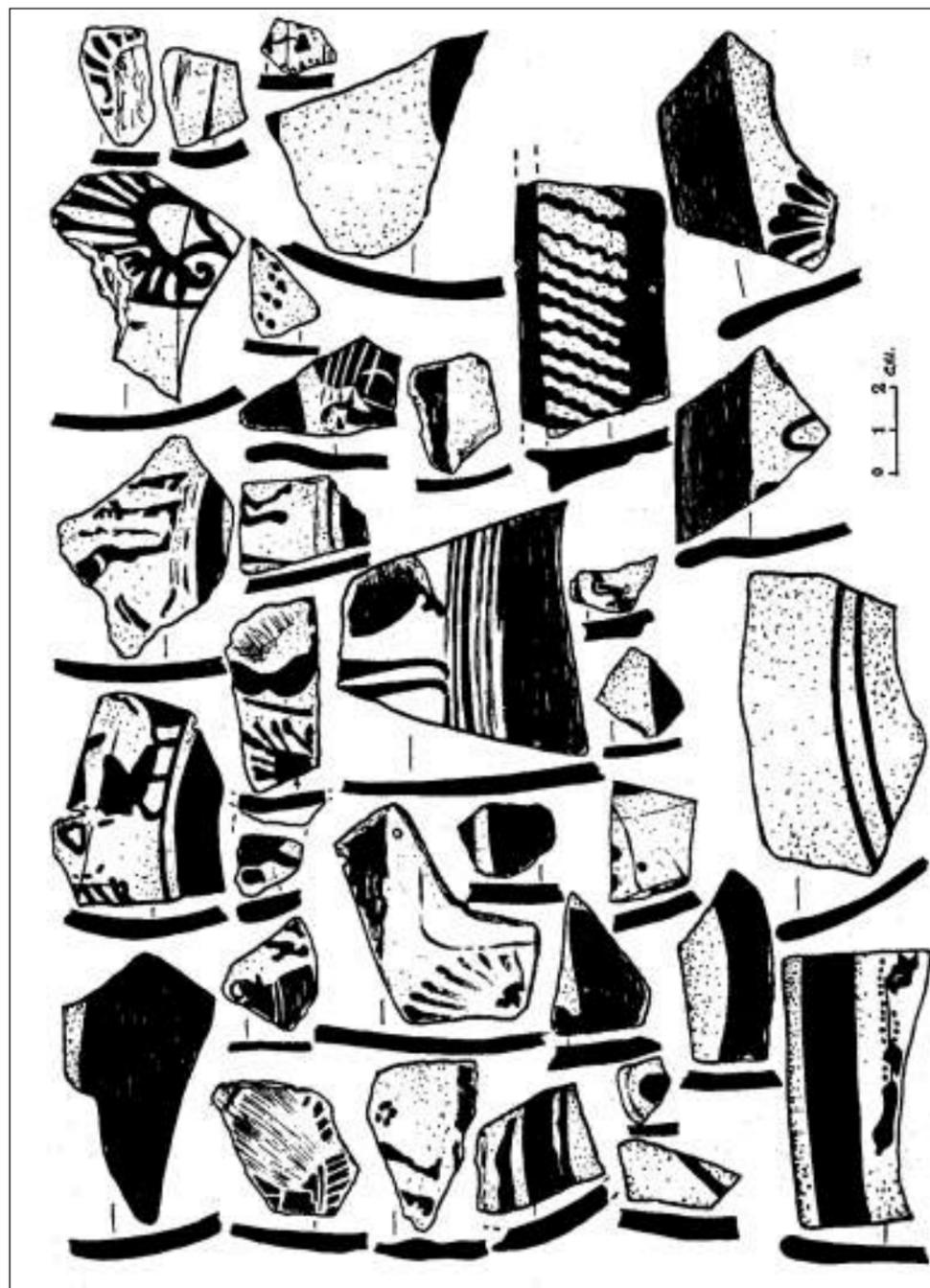

Рис. 3. Фрагменты импортной керамики (Гюэнос).
 Абхазия. Шамба С.М. Гюэнос-1. Тб.: 1988. 133 с.

нолаковых тарелок и обломки амфор, часть которых относятся к хиосскому производству. По аналогиям из Северного (о. Березань, Нимфей, Пантикапей, Гермонасса, Кепы) и Западного Причерноморья (Истрия, Совополь и др.), очамчирские экземпляры следует от-

нести к концу VII — первой половине VI в. до н. э.). К материалам ионийского производства VI до н. э. относятся также одноствольные ручки кувшинчиков, имеющие прямые аналогии с ручками ионийского производства, обнаруженные в архаическом Торики, стенка боль-

шого сосуда закрытого типа с широкой полосой тускловатого лака, с сильно потёртой поверхностью. Подобные сосуды известны как изделия малоазийского производства «ala brosse». Фрагменты аналогичного сосуда были найдены в раннеантичных слоях Эшерского городища и архаического Торики, Нимфея и т. д. Датирует их в целом VI в. до н. э. [16, с. 7, 23, 41, 45]. [Рис. 3].

В заключение надо сказать, представленный многочисленный античный импорт на поселении Холма Верещаги-

на в с. Нижняя Эшера в Абхазии может с большой долей вероятности говорить о том, что местное — древнеабхазское население этого населенного пункта, а также эллинизированного Эшерского городища и Гюэноса имело довольно активные торгово-экономические оживлённые связи с эллинистическими центрами Северного и Южного Причерноморья и с восточным Средиземноморьем. Шло взаимодействие двух культур разного по этническому составу населения.

1. Иващенко М. М., Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис: 1935. 86 с.
2. Соловьёв Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире // ТАГМ. Выпуск I. Сухуми: 1947. С. 23-56.
3. Шамба Г. К., Абхазия в I тысячелетии до н. э. Сухум: 2000. 312 с.
4. Джоуа А. И., Поселение эпохи бронзы и раннего железа на Холме Верещагина в с. Эшера // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М. — Ставрополь: 2008. С. 814.
5. Джоуа А. И., Поселение бронзовой эпохи и античности в селе Эшера // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Выпуск IV. Сухум, 2006. С. 12-29
6. Джоуа А. И. Работы в селе Нижняя Эшера (Абхазия) // АО 2007. М.: 2010. С. 563-564.
7. Джоуа А. И., Ксенофонтова И. В., Шамба Г. К., Эрлих В. Р. Исследования в селе Нижняя Эшера (Абхазия) // АО 2005. М.: 2007. С. 574.
8. Джоуа А. И., Центральная Абхазия в I в. до н. э. по археологическим памятникам села Эшера / Автореферат на соискание ученой степени к. и. н. М.: 2009. 23 с.
9. Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум: 2012. 344 с.
10. Шамба Г. К., Эшерское городище. Тб.: 1980. 66 с.
11. Улитин В. В. Греко-меотская торговля в середине III — первой половине I в. до н. э. (по материалам греческой керамической тары) // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). С.-Пб.: 2013. С. 208-213.
12. Шамба Г. К. Раннеантичный импорт Эшерского городища (керамика) // Материалы по археологии Абхазии. Тб.: 1979. С. 22-31.
13. Джоуа А. И., Шамба Г. К., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. С.-Пб.: 2004. С. 51-56.
14. Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джоуа А. И. Работы на Эшерском городище в Абхазии // Археологические открытия 2004 г. М.: 2005. С. 566.
15. Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джоуа А. И., Древнейшие контакты региона Диоскурии с античным миром. Эшерское городище в архаическую эпоху // Международная научно-практическая конференция: Древняя Диоскуриада. / Материалы. Сухум: 2016. С. 20-35.
16. Шамба С. М. Гюэнос-1. Тб.: 1988. 133 с.

The article is devoted to the monuments (Vereshchagin Hill, Esher settlement, Guenos) of the period of archaic and Hellenistic era, i. e. the time when the colonization by the ancient Greeks of the Eastern black sea region begins. As a result of quite active contacts with the local population there is a proliferation of Greek mainly ceramic imports in the territory of modern Abkhazia, as evidenced by archaeological excavations.

Keywords: settlement, ancient Greeks, Abkhazia, Vereshchagin Hill, Esher settlement, Guenos, imported dishes.

Н. Г. Жантелиева

“БАРТОЛЬДОВСКИЙ ЭТАП” В ТРУДАХ А. Н. БЕРНШТАМА

Основной целью данной работы является характеристика работы В. В. Бартольда и “Бартольдовского времени”. Ценность научной работы В. В. Бартольда в том что он привлек огромное количество письменных источников. Это было время только собирания и накопления материалов, но они затем легли в основу многих трудов ученых Кыргызстана после В. В. Бартольда. В частности А. Н. Бернштам занимался пересмотром письменных источников и сопоставлением с археологическими материалами оставленными В. В. Бартольдом и другими учеными.

В целом такая работа продвинула археологическую и историческую науку Кыргызстана. В написании статьи была использована сравнительно-сопоставительный метод истории. Сделан вывод в том что, работы В. В. Бартольда это целый период в истории становлении исторической и археологической науки в Кыргызстане.

Ключевые слова: А. Н. Бернштам, археология, история, В. В. Бартольд, письменные источники.

История, археология Средней Азии начинается с русских ученых. Среди них особое место занимает крупный востоковед, ученый с мировым именем, тюрколог, востоковед Василий Владимирович Бартольд (1869-1930). Труды В. В. Бартольда является первыми письменными источниками по истории кыргызов. В связи с этим работы В. В. Бартольда вызывают большой интерес и по сей день.

О В. В. Бартольде написано специальная диссертация в Таджикистане но и также появились много работ о нем в работах А. Н. Бернштама. В этой статье мы более подробно остановимся на работе А. Н. Бернштама о научной наследии В. В. Бартольде [1. с. 155]

А. Н. Бернштам изучая историю, археологию кыргызов и Кыргызстана начал привлекать работы предшественни-

ков, в том числе и письменные работы В. В. Бартольда. По всей видимости именно работы В. В. Бартольда как письменный источник явились школой для А. Н. Бернштама в изучении о Средней Азии особенности истории кыргызов и Кыргызстана. Поэтому он в своих работах четко выделил слабые и сильные стороны работы В. В. Бартольда. Работа согдийская колонизация А. Н. Бернштам взят у В. В. Бартольда и дальше развил ее подругому, пересмотрел этот вопрос [2. с. 63]

Для этого А. Н. Бернштам широко изучал письменные китайские, арабские источники того времени. Они был дополнением археологического материала по истории кыргызов и Кыргызстана широко привлечшего А. Н. Бернштамом.

Широкое использование источников привел к тому что Бернштам опровергал те-

орию Бартольда о кыргызах и Кыргызстана. Характеризуя работы ученого он выделяет два этапа бартольдовского периода — первый 1893 — 1894 гг и второй 1900 год.

По мнению ученого в целом в среднеазиатской археологии до А. Н. Бернштама было больше исторических трудов чем археологических работ. И в этом есть большой вклад В. В. Бартольда. В частности исторические исследования В. В. Бартольда которые начались с Семиречья в 1893-1894 гг, когда он совершил свою первую научную поездку на этот регион. Начала пездки Бартольда относится к первому этапу бартольдовского периода. Научная поездка В. В. Бартольда в Семиречья была инициативой Н. И. Веселовского. Предшественником такого события была открытие на р. Орхон в 1889 году древнетюркских надписей. Сам В. В. Бартольд в своей автобиографии писал что это была неудачная поездка. Но по мнению А. Н. Бернштама первое научное изучения Семиречья принадлежит ему, в этом он видел большую роль В. В. Бартольда [3,с. 3].

А. Н. Бернштам конкретно, в своих работах всегда отмечал большую роль научных работ В. В. Бартольда равно как и работы В. Радлова для енисейских кыргызов, составляют основу для изучения истории кыргызов по письменным источникам. Следует указать сводной работой В. В. Бартольда по кыргызам является его книги “Киргизы”, “Очерк истории Семиречья”, отчет под заглавием “Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-94 гг”, “Иссык-Куль”, “Кара-Китай” [4, с. 510].

А. Н. Бернштам исследуя работы предшественников по исследованию археологии о Средней Азии и работы Бартольда утверждал что, твердая и основанная археологическая изучения начался только после работ ученых Жуковского и Бартольда. Основываясь и дополняя на эти работы ученых, своими новыми археологическими изысканиями А. Н. Бернштам как выдающийся археолог, сегодня нам оставил периодизацию по истории кыргызов и Кыргызстана, где он подробно изучил и период В. В. Бартольда [5,с. 9].

А. Н. Бернштам конкретно выделяет 1893-1894 гг. отметив началом второго этапа в дореволюционной среднеазиатской археологии. И вполне заслуженно тот период времени А. Н. Бернштамом назван “Бартольдовским этапом”. Именно труды Бартольда и установленная им научно — организационная связи между Петербургом и Ташкентом заложили и определили пути развития археологии в Средней Азии. Которого сам А. Н. Бернштам активно продолжил до и после военный период советского времени. Главным достоинством научного руководство В. В. Бартольда было умение мобилизовать силы или менее планомерные археологические обследование Средней Азии местные. Эту миссию активно после Василий Владимировича Бартольда продолжил А. Н. Бернштам. Он сегодня является заслуженным автором понятие “Петербург-Кыргызстан”, поскольку он стоял у истоков научных центров Кыргызстана и Санкт-Петербурга. А. Н. Бернштам достойный продолжатель работы В. В. Бартольда. Бартольдовское направление в истории является интересным и богат разными научными достижениями.

Итак, В. В. Бартольд в 1895 году организывает Туркестанский кружок любителей археологии в городе Ташкент. Работа этого кружка привел конкретным новым научным изысканиям. Появляется протоколы туркестаного кружка любителей археологии. Первый этап бартольдовского периода характерен многими большими событиями, пользой для местных исследователей. Если раньше был случайный сбор материалов, то с этого времени идет серьезный сбор, сохранения, изучения и публикация археологического памятника. И в этом большую роль занимали Пантусова, Пояркова, Фетисова, Каллаура, Остроумова, Пославский, Кастальский и многие другие местные деятели. Особенно для нас важно открытие рунических текстов Таласа на территории Кыргызстана. Но их по мнению А. Н. Бернштама, они не обладали систематичностью материала, но их роль в том что это было период привлечения интереса местных кадров для работы на территории Кыргызстана [6,с. 170].

А. Н. Бернштам выделил второй этап 1900–е годы новый период бартольдовского этапа среднеазиатской археологии. Здесь делается первая попытка сопоставления материалов археологии и письменных источников, наблюдался интерпретации вещи, изучения семантики орнамента, сюжета и. т. д. Т. е. идет появления новых методических работ ранее еще не использованных в исследовании истории прошлого. Со временем ученые начинают принимать новые методы изучения истории.

Крупным деятелем этого времени был К. Иностранцев. Но за положительными сторонами бартольдовского второго этапа в археологии А. Н. Бернштам были и отрицательные стороны этого времени. Конкретно В. В. Бартольд наряду с другими учеными рассматривал исторические процессы в Средней Азии как процесс периодических подъемов и упадков, отрицая положительные процессы в истории Средней Азии. Но это несколько не умаляет большого вклада работы В. В. Бартольда на историю Кыргызов. Но по мнению Бернштама слабая сторона В. В. Бартольда в том что он как ученый того времени не мог уйти от общих правил, метода изучения Востока т. е. истории кыргызов [7, с. 280].

Здесь можно наблюдать о смелом личностном качестве самого А. Н. Бернштама который утверждал что древняя культура Средней Азии была слабо изучена, все культурные влияния шли не из Переднего Востока а из Средней Азии. Итак, разница между Бартольдом и Бернштамом. Поскольку последний был ярким исследователем распространителем древней культуры народов Средней Азии и в этом большая положительная роль А. Н. Бернштама для современных кыргызстанцев [8, с. 22].

А. Н. Бернштам впервые конкретно выделил периодизацию истории северного Кыргызстана и в этом его огромная заслуга. Чего по мнению А. Н. Бернштама, дал неправильно В. В. Бартольда. Частным недостатком работы В. В. Бартольда по истории кыргызов, изданный в 1927 года, краток и содержит неприемлемую с его точки зрения периоди-

зацию истории кыргыз и Кыргызстана. Напомним, его основная концепция теории завоевания и решающее для него значение внешних факторов культурных заимствований определили его не правильную периодизацию. По мнению А. Н. Бернштама недостаток работы В. В. Бартольда в том что он привел не правильному пониманию истории кыргызов. Но это объясняется еще и тем не было работ, отсутствием кадров изучения истории кыргызов и Кыргызстана. По нашему мнению время написания и появления работы В. В. Бартольда о кыргызах было определенным положительным этапам изучения истории, археологии кыргызов и Кыргызстана [9, с. 175].

Поскольку В. В. Бартольд стоял у истоков исторической и археологической науки его взгляды не могли не повлиять на местных деятелей считал А. Н. Бернштам.

Местные деятели, ссылаясь на прогрессивные работы В. В. Бартольда, часто брали из его работ и отрицательные суждения об общественном развитии народов Средней Азии [10, с. 177].

По мнению А. Н. Бернштама это был время когда найденного археологического материала сопоставляли с данными письменных источников. Этот бартольдовский этап А. Н. Бернштам критикует работы не только В. В. Бартольда но также других исследователей например Стржиговского, Пумпели Хантингтона, Паркера и Раулинсона, Стейна, Херрманна [11, с. 361].

Но все же А. Н. Бернштам знал что это влияния западноевропейской буржуазной литературы того времени. И что для нее характерна высокомерный, другой взгляд на историю культуры Средней Азии. В этом различия работы А. Н. Бернштама от работы ученых до советского и постсоветского времени. Но автор изучая работы предшественников, все же выделил положительные периоды бартольдовского времени. А. Н. Бернштам перечислил прогрессивные взгляды историков и филологов — Маркварта, Шаванна, Бенвениста, которые признавали историко — культурную роль народов Средней Азии в истории Востока. По нашему мнению новые теории А. Н. Бернштама взяты из

буржуазной литературы он активный продолжатель, ученый который всей душой любил историю, археологию, этнографию кыргызов и Кыргызстана [12, с. 383].

Ученые, археологии современного Кыргызстана не раз выдвигали то что особенностью его работы в том что, его археологические исследования были неразрывно связаны с историко — востоковедческими изысканиями.

Большой его заслугой, вызывающей уважение является подготовка и переиздание в годы Великой Отече-

ственной Войны классических работ В. В. Бартольда “Очерк истории Семиречья”, “Киргизы” (1943 г.).

Но мы сегодня должны знать что, это было время появления и становления методологических приемов до работы А. Н. Бернштама. Таким образом, А. Н. Бернштам активный продолжатель положительной работы В. В. Бартольда о кыргызах. Все эти приемы, методы привели возникновению “Бернштамовского метода” по исследованию кыргызов и Кыргызстана.

1. Бернштам А. Н. История кыргыз и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания. [Текст]. /А. Н. Бернштам // Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории Кыргызстана/сост. К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. — Бишкек, 1997. 155 с.
2. Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья [Текст]. /А. Н. Бернштам // Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории Кыргызстана/сост. К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. — Бишкек, 1997.
3. Центральный государственный архив Национальной Академии Наук Кыргызстана. Ф. 5. Оп. 6. Д. 540.
4. Бернштам А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности [Текст]. /А. Н. Бернштам // Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории Кыргызстана/сост. К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. — Бишкек, 1997.
5. Массон В. М. Александр Натанович Бернштам из плеяды первопроходцев среднеазиатской археологии (к 90-летию со дня рождения) [Текст]//Археологические вести №9
6. Абытов Б. К. Вклад А. Н. Бернштама в изучение истории Кыргызстана и Оша [Текст]/ Проблемы образования науки и культуры XXI в (труды международных научных конференций 21 сентября. 2001 г. Ош)
7. Акимченков В. В., Жантелиева Н. Г. Александр Бернштам и развитие советского востоковедения: историографические сюжеты [Текст] В. В. Акимченков, Н. Г. Жантелиева // В соавторстве // История востоковедения: традиции и современность / Институт востоковедения РАН. — Москва., 2016.
8. Бернштам А. Н. Советская археология [Текст]. /А. Н. Бернштам // Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории Кыргызстана/сост. К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. — Бишкек, 1997.
9. Бернштам А. Н. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. [Текст]. /А. Н. Бернштам // Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории Кыргызстана/сост. К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. — Бишкек, 1997.
10. Бернштам А. Н. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. [Текст]. /А. Н. Бернштам // Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории Кыргызстана/сост. К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. — Бишкек, 1997.
11. Бернштам А. Н. Историко — археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Фергано-Алая [Текст]. Отдел рукописи и публикации Академии наук Кыргызстана, Инвентарь №1363.
12. Бернштам А. Н. История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания [Текст]. Отдел рукописи и публикации Академии Наук республики Кыргызстан, инвентарь №128.

The main goal of this work is to characterize the work of V. V. Bartold and Bartolds time. The value of the scientific work V. V. Bartoldis that he attracted a huge number of written sources. It was only the taim of collecting and accumulating materials but then then formed the basis of many works of scientists of Kyrgyzstan after V V Bartold. In particular, A. N. Bernshtam was engaged in revising written sources and comparing with archaeological materials left by V. V. Bartold and other scientists. In general, such work promoted the archaeological and historical science of Kyrgyzstan. In writing the article, a comparative method of history was used. It is concluded that the work of V. V. Bartold is a whole region in the histori of the formation of historical and archaeological science of Kyrgyzstan.

Keywords: A. N. Bernshtam, archeology, history, V. V. Barthold, written sources.

В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов, С. В. Ярцев

МАГНИТОРАЗВЕДКА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ АДЖИЭЛЬ 2 (ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ) В 2019 г.

В публикации приводятся результаты магнитной съемки на участке археологического памятника Аджиэль 2, расположенного примерно в 30 км западнее г. Керчь. Полученные данные позволяют с некоторой долей вероятности говорить о наличии на обследованной территории хозяйственных ям и строительных остатков.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Аджиэль 2, античность, магнитная разведка.

Целью магнитной разведки 2019 было продолжение, начатого в 2017 г. поиска подземных антропогенных структур в части территории археологического памятника Аджиэль 2 (Ленинский район, республика Крым), которую предполагается использовать при расширении железной дороги Керчь-Феодосия. Памятник был выявлен авторами в 2016 г. по значительным скоплениям фрагментов античной керамики при проведении археологических разведок в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища «Аджиэль» и городища «Белинское»)», задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799). Объект расположен на расстоянии примерно 1,5 км на юго-восток от крупного античного городища «Белинское». В 2017 и 2018 гг. в части памятника с наибольшей концентрацией керамических фрагментов была проведена

магниторазведка, выявившая большое число аномалий, вызываемых, вероятно, хозяйственными ямами и проведена шурфовка одной из аномалий, подтвердившая результаты магнитной разведки [1, с. 69-75; 2, с. 34-45]. Участок памятника Аджиэль 2, где была проведена съемка в 2019 г. практически примыкает к северу к железной дороге. Здесь были запланированы на конец 2019 г. охранные раскопки, связанные с модернизацией железной дороги.

Методика проведения работ по магниторазведке и общие данные о проведенных работах на памятнике Аджиэль 2

Раскопки археологического памятника, особенно, в тех случаях, когда они носят «академический» характер и не связаны с «новостроечными» работами, могут длиться многие десятилетия, а то сотни лет. Так, время полных раскопок одного из памятников, знакомых авторам, при существующих темпах изуче-

ния, составит около 600 лет. Между тем выявления наиболее значимых участков, позволяющих составить представление о структуре памятника, времени его существования, весьма немаловажно как для раскрытия его значения в общем контексте археологии региона, так и для удовлетворения «научного любопытства» его исследователей в период их научного бытия. В этом отношении на помощь археологам могут прийти дистанционные методы исследования и, в частности, геофизика.

Обследование территории памятника геофизическими методами, хотя это работы, требующие привлечения специалистов с соответствующей квалификацией и дорогостоящей аппаратурой, позволяют сделать предварительные заключения о подземных объектах за время в сотни раз, меньшее, чем проведение раскопок. Эти методы широко используются в мировой практике, а привлечение геофизиков также является и составляющей комплексного подхода к изучению объектов археологического наследия в отечественных нормативных документах по проведению археологических работ [5, с. 19].

Недостаточно широкое использования геофизических методов связано с несколькими факторами: отсутствием значительного финансирования, особенно при «академических» работах, отсутствием, как правило, специальных геофизических подразделений в археологических институтах и занятостью геофизиков из профильных институтов работами по исследованию запасов полезных ископаемых, а, иногда, и просто неосведомленностью археологов, особенно начинающих, об этих методах.

В данной работе использовалась магниторазведка.

Суть метода [6, с. 37-42; 5] в выявлении объектов, магнитные свойства которых отличаются от магнитных свойств окружающей среды. Абсолютная величина среднего значения модуля вектора индукции магнитного поля Земли увеличивается от экватора к каждому из полюсов в пределах, примерно,

от 35000 до 70000 нТл (нано Тесла, Тесла — единица измерения индукции магнитного поля в международной системе единиц «СИ»). Объекты, расположенные вблизи поверхности, обладают различными собственными магнитными свойствами, влияют на формирование локального магнитного поля, и создают так называемые «магнитные аномалии». Значение поля в области аномалии может отличаться от среднего значения в данной местности на величины от долей нТл до тысяч нТл. Причем эти аномалии могут быть связаны не только с сильно магнитными металлическими объектами (напр. современные линии водопроводов), а объектами самого разного типа — остатками стен, следами горения, засыпанными ямами и траншеями и др., т. е. теми, которые и представляют интерес для археологии.

Характер проведения работ применительно к поиску приповерхностных антропогенных объектов заключается в измерении магнитного поля по регулярной сети измерений, шаг которой соответствует размерам выявления структуры археологических объектов, обычно 0,5-1м x 0,5-1м (для предварительного поиска аномалий часто применяют и т. н. «свободный поиск» — прохождению по участку без разбивки сети для выявления самого факта наличия существенных аномалий). Датчик магнитометра располагается на высоте 20-50 см от поверхности земли. Оценка природы объектов, их точной формы, размеров по создаваемому ими магнитному полю, принципиально не может быть однозначна с точки зрения законов физики, но может проводиться косвенно по величине, знаку (положительная аномалия или отрицательная), пространственным размерам аномалий, их форме. Объектам, которые созданы человеком, присущи во многих случаях правильные формы (окружности, пересечение линий под прямым углом), малоестественные для природных образований.

Построенные по результатам магниторазведки карты магнитных аномалий

позволяют делать выводы о наличии под землей тех или иных объектов, в том числе и предположительные заключения о наличии объектов, имеющих археологическое значение.

Использование магниторазведки в археологии началось еще в первой половине XX века [7].

Магниторазведка является эффективным, неразрушающим и скоростным методом получения информации о подземных объектах. Современные приборы для измерения магнитного поля (магнитометры) позволяют определять его величину с точностью до сотых долей нТл за доли секунды.

Особенность применения магниторазведки для археологических памятников, заключается в том, что более-менее достоверные выводы можно делать для «однослойных» памятников, когда остатки первоначальных древних сооружений не перекрыты последующими постройками, следами современного воздействия за последние десятилетия. В Крыму, где имеется и многослойность археологических объектов на поселениях существовавших веками и следы прошедших войн, в особенности Великой Отечественной, трактовка результатов магниторазведки с точки зрения обнаружения именно археологических объектов часто затруднительна. Памятник Аджиэль 2, вероятно, является одним из немногочисленных исключений. Он, по-видимому, не подвергался интенсивному антропогенному воздействию с античного времени, особенно его часть, где магнитная разведка проводилась в 2017-2018 гг. Территория, обследованная в 2019 г, находящаяся близ железной дороги, конечно, подвергалась более интенсивному современному воздействию, однако, не столь значительно, как многие другие районы округа.

Для работы использовались два квантовых магнитометра ПКМ-1, производства ФГУ НПП "Геологоразведка" (Санкт-Петербург, Россия) [4]. Эти приборы позволяют измерять магнитное поле с точностью до 0,01 нТл и со

скоростью до 10 измерений в секунду. Один из приборов находился в точке, где по результатам предварительных измерений невелико значение градиента магнитного поля и работал в качестве магнитовариационной станции, измерявшей «временные вариации» 2 с интервалом в 10 секунд. Второй прибор использовался непосредственно для исследования территории памятника. При обработке данных в показания второго прибора вносились поправки на изменение индукции магнитного поля в контрольной точке.

Следует заметить, что возможно другое построение измерений. Второй датчик (или второй прибор) может находиться не в «контрольной точке», а быть расположен выше, на расстоянии, обычно 1,2 -2 м от нижнего датчика и этот комплекс будет работать в режиме «градиентометра», т. е. «временные вариации» магнитного поля не будут фиксироваться отдельно, а непосредственно вноситься как поправки к показаниям нижнего датчика. Особенности работы зависят от типа аппаратуры, имеющейся в распоряжении геофизика.

Измерения проводились вдоль профилей длиной 40 м с шагом 0,5 метра вдоль профиля. Расстояние между соседними профилями 0,75 м. Построение карт магнитного поля проводилось при помощи программы Surfer (Golden Software Inc, США, version 8). Аномалии магнитного поля отсчитывались от медианного уровня поля, скорректированного на «временные вариации».

Полученные результаты и выводы

Магнитная съемка была проведена на 2 участках общей площадью 2220 кв. м. Общее количество точек измерений без учета повторных измерений на смежных границах участков — 5956.

Положение территории съемки на карте показано на рис. 1, схема расположения участков магнитной съемки на космическом снимке — на рис. 2. Координаты угловых точек участков

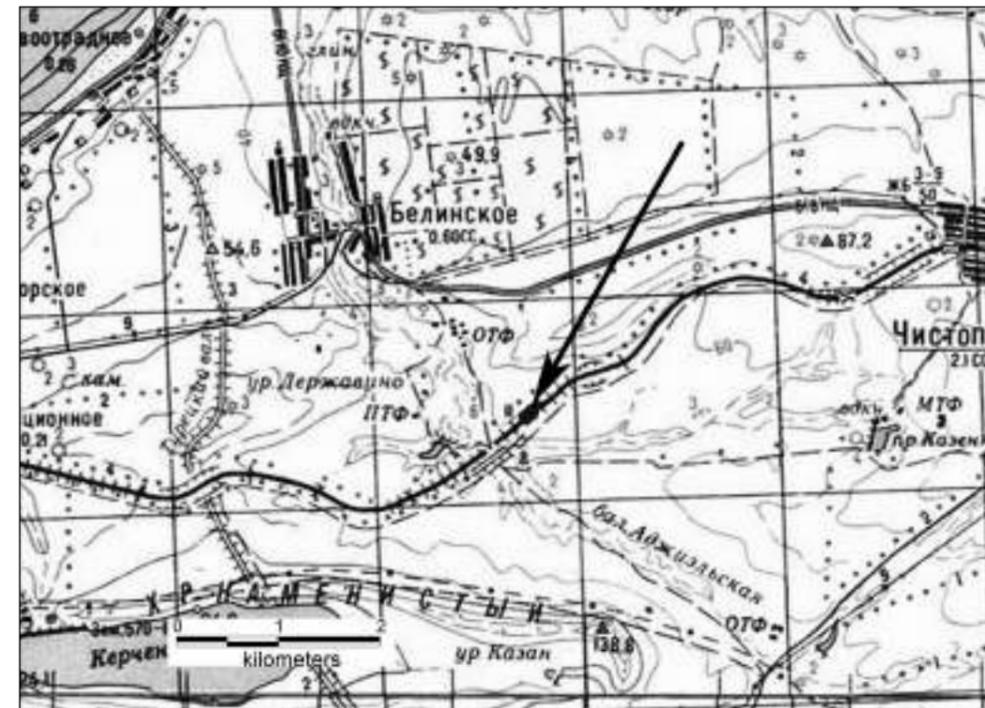

Рис. 1. Положение обследованной территории на карте масштаба 1:100000

Рис. 2. Положение участков магнитной съемки на местности (космический снимок Bing Maps, полученный с использованием программы SAS. Планета)

представлены в табл. 1. Карта результатов магнитных измерений приведена на рис. 3.

Табл. 1.

**Угловые точки участков
магнитной съемки
(система координат WGS-84)**

N	Y (град с.ш.)	X (град в.д.)
1	45,35769	36,10768
2	45,35794	36,10805
3	45,35817	36,10844
4	45,35835	36,10822
5	45,35811	36,10786
6	45,35788	36,10746

Координаты угловых точек определялись GPS-ГЛОНАСС навигатором Garmin E-trex-30. Ошибка координат может составлять до 5 м. На рис. 3 линиями и окружностями с номерами 1, 2, 3 обозначены возможные с некоторой долей вероятности остатки древних строительных конструкций. Полигоном 4 выделен участок с положительными аномалиями, весьма сходными с аномалиями от хозяйственных ям, которые располагаются в центральной части Аджиэль 2. Эллипсами 5 выделено, для примера, несколько аномалий от современных железных предметов, находящихся недалеко от поверхности. Эти аномалии имеют положительную (более темную на рис. 3) часть и несколько более светлую отрицательную (рис. 3 получен переводом цветного изображения в оттенки серого). Таких аномалий на территории съемки достаточно много, в частности в середине области 2. Номером 6 обозначена область, где находятся остатки фундаментов сооружений, вероятно прошлого века. Номером 7 и линией выделена аномалия от свежей распашки на поле. На поверхности этой распаханной полосы лежали многочисленные фрагменты античной керамики.

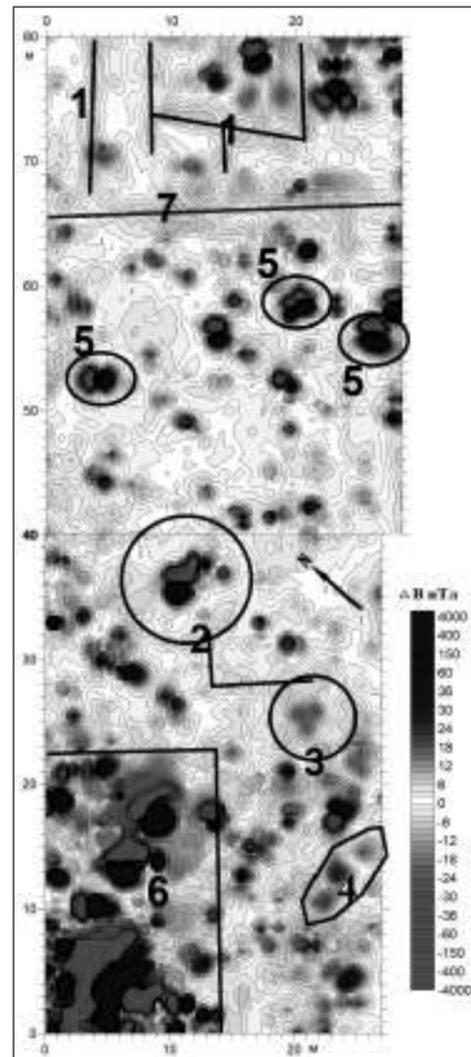

Рис. 3. Карта аномалий индукции магнитного поля. Шаг изолиний 2 нТл

Можно рекомендовать перед проведением полномасштабных археологических работ провести шурфовки в областях, отмеченных номерами 1-4.

Авторы надеются, что в ближайшем будущем будут проведены раскопки на обследованной территории, а также планируют продолжить проведение магнитной разведки на данном памятнике.

1. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Магнитная разведка на античных поселениях в урочище Аджиэль в 2017 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5-1. С. 69-75. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-69-75.

2. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Магниторазведка на археологических памятниках в округе античного городища "Белинское" (Восточный Крым) в 2018 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 34-45.

3. Кошелев И. Н. Магнитная разведка археологических памятников. Киев: Изд-во Библ. Им. В. И. Вернадского. 2005. 313 с.

4. Магнитометр портативный квантовый ПКМ-1. Руководство по эксплуатации ГРПА. 416632. 001 РЭ. ФГУ НПП «Геологоразведка». Санкт-Петербург.

5. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. Институт археологии РАН. М. 2018.

6. Смекалов С. Л., Смекалова Т. Н., Федоров Д. Л. Распознавание подповерхностных объектов по аномалиям Земного магнитного поля // Информация и Космос. 2004. № 4. С. 37-42.

7. Франтов, Пинкевич, 1966. Франтов Г. С., Пинкевич А. А. Геофизика в археологии. — Ленинград: Недра. 1966.

The paper presents the results of magnetic survey in the part of the archaeological monument Adzhel 2, located about 30 km West of Kerch. The obtained data allow us to speak with some probability about the presence of economic pits and construction remains in the surveyed territory.

Keywords: Kerch Peninsula, Adzhel 2, antiquity, magnetic survey.

К. Д. Камышев

ДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА С ПРАВИТЕЛЯМИ БУФЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ РИМСКО-ИРАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ СЕР. I В. ДО Н. Э. — НАЧ. II В. Н. Э.

В данной статье рассматриваются брачно-семейные связи между Боспорской правящей династией и правителями восточных государств, находящихся на границе Рима и Парфии в сер. I в. до н. э. — нач. II в. н. э. Выявлены связи не только с представителями буферных государств, но и с представителями правящих династий основных геополитических игроков региона парфянской династии Аршакидов и римской династией Юлиев-Клавдиев.

Ключевые слова: Боспорская династия, династические связи, римско-иранское пограничье.

В изучении античной истории немаловажное значение имеют исследования в области генеалогии, прослеживающей родственные связи исторических личностей. Данные генеалогии и просопографии позволяют — прояснить многие исторические события и, таким образом, играют существенную роль в познании прошлого. Сер. I в. до н. э. — нач. II в. н. э. является одной из самых насыщенных историческими событиями периодов античной истории. Во многом, это обусловлено широкой источниковой базой, относящейся к данному хронологическому периоду.

На основании, прежде всего, письменных источников была предпринята попытка восстановления династических связей боспорских правителей с правителями буферных государств римско-

иранского пограничья. При этом нужно отметить, что в античных источниках генеалогические сведения носят фрагментарный характер, поэтому только комплексное изучение и сопоставление данных исторических свидетельств делает возможным извлечение просопографической информации и, следовательно, восстановление генеалогий.

К нач. I в. до н. э. Митридат VI Евпатор утверждает свою власть на Боспоре. В 63 г. до н. э. он покончил с собой в своем последнем владении Пантикоопе, власть на Боспоре досталась его сыну Фарнаку II. Который также погиб в ходе попытки вернуть свои наследственные владения в борьбе с Цезарем, а затем по возвращении с узурпировавшим власть Асандром. Асандр, в свою очередь, попытался ле-

гитимизировать свое положение царя в Боспорском царстве за счет брака с дочерью Фарнака — Динамией. Аспург, считается их наследником.

Через династический брак между Клеопатрой Понтийской и Тиграном II Великим боспорская династия приобрела родственные связи с армянской Арташасидами. Необходимо указать, что Великая Армения в дальнейшем становится ключевым государством римско-иранского пограничья. Потомок от этого брака, один из первых Тигран Младший проявил особенности, характерные для многих будущих правителей римско-иранского пограничья, выражавшемся в лавировании и переориентации на Рим или Парфию в зависимости от конкретной внешнеполитической конъюнктуры.

После римско-армянского перемирия 65 г. до н. э. Клеопатра Понтийская бежит к своему отцу на Боспор. Предположительно она скончалась в 58 г. до н. э. Армяно-боспорские связи продолжают сохраняться и в дальнейшем, о чем косвенно свидетельствует находка античной печати с изображением Артавазда II (армянского царя в 55—34 до н. э.).

Дочери Клеопатры Понтийской и Тиграна II имена, которых, к сожалению, не сохранились в источниках, также участвовали в династической политике римско-иранского пограничья. Первая, вышла замуж за Митридата I Атрапатенского (85-66 гг. до н. э.). Вторая, была выдана за будущего парфянского царя Пакора I (51-38 гг. до н. э.), который проводил агрессивную политику против Рима и дважды лично возглавлял парфянские вторжения в римскую Сирию.

Но во второй половине I в. до н. э. Боспор охватывает целый династический калейдоскоп. В этих условиях на престоле пытаются утвердиться Митридат Пергамский. Затем узурпатор Скрибоний. Это приводило к прямому вмешательству Рима во внутренние дела Боспора.

В период между 12 и 8 гг. до н. э. предпринимается попытка утвердиться

на боспорском престоле понтийской династии Полемонидов. Полемон I был утвержден римлянами в качестве боспорского царя. Динамия применила свою стандартную тактику, заключив династический брак с Полемоном. Однако, до его смерти она утратила возможность прямого правления в своем царстве. Полемон I погиб в ходе войн с аспургианами на Азиатском Боспоре.

Полемон был женат на Пифидориде, они считаются основателями династии Полемонидов. После гибели Полемона престолы Понта и Боспора перешли к его вдове Пифодориде, которая правила в Понтийском царстве в 8 г. до н. э. — 22/23 г. При этом по решению императора Августа условием ее признания в статусе полноправной и законной царицы был повторный брак, совершенный в 3/2 г. до н. э. с царем Каппадокии и Малой Армении Архелаем I Филопатором. В этой ситуации Пифодорида теряла легитимные права на Боспорское царство, что стало первым шагом к признанию Аспурга (сына Динамии, наследником которой, а не отца Асандра считался он) царем со стороны Рима [4, с. 210].

Начиная с Аспурга, боспорская династия стала именоваться династией Тибериев Юлиев. Это связано с установлением прочных клиентских связей между Аспургом и императором Тиберием. Аспург заключил брак с представительницей династии Полемонидов Гепиперией. Сыновья от этого брака Митридат и Котис длительное время провели в Риме в качестве заложников, где воспитывались совместно с Калигулой.

Гепиперия предположительно была дочерью Сапейского царя (во Фракии) Котиса III в 12-19 гг. н. э. и Антонии Трифены (бывшей царицей Понта и Колхиды в 21-27 гг. н. э.). Их дети стали царями: Полемон II (царь Понта, Киликии и Боспора с 38 г. н. э.), Котис IV (Колхиды с 38 г. н. э.), Реметалк III (царь Фракии с 38 г. н. э.). Антония Трифена была дочерью Пифодориды и Полемона I. В период своего пребывания в Риме, после передачи понтийского престола Полемону II Ан-

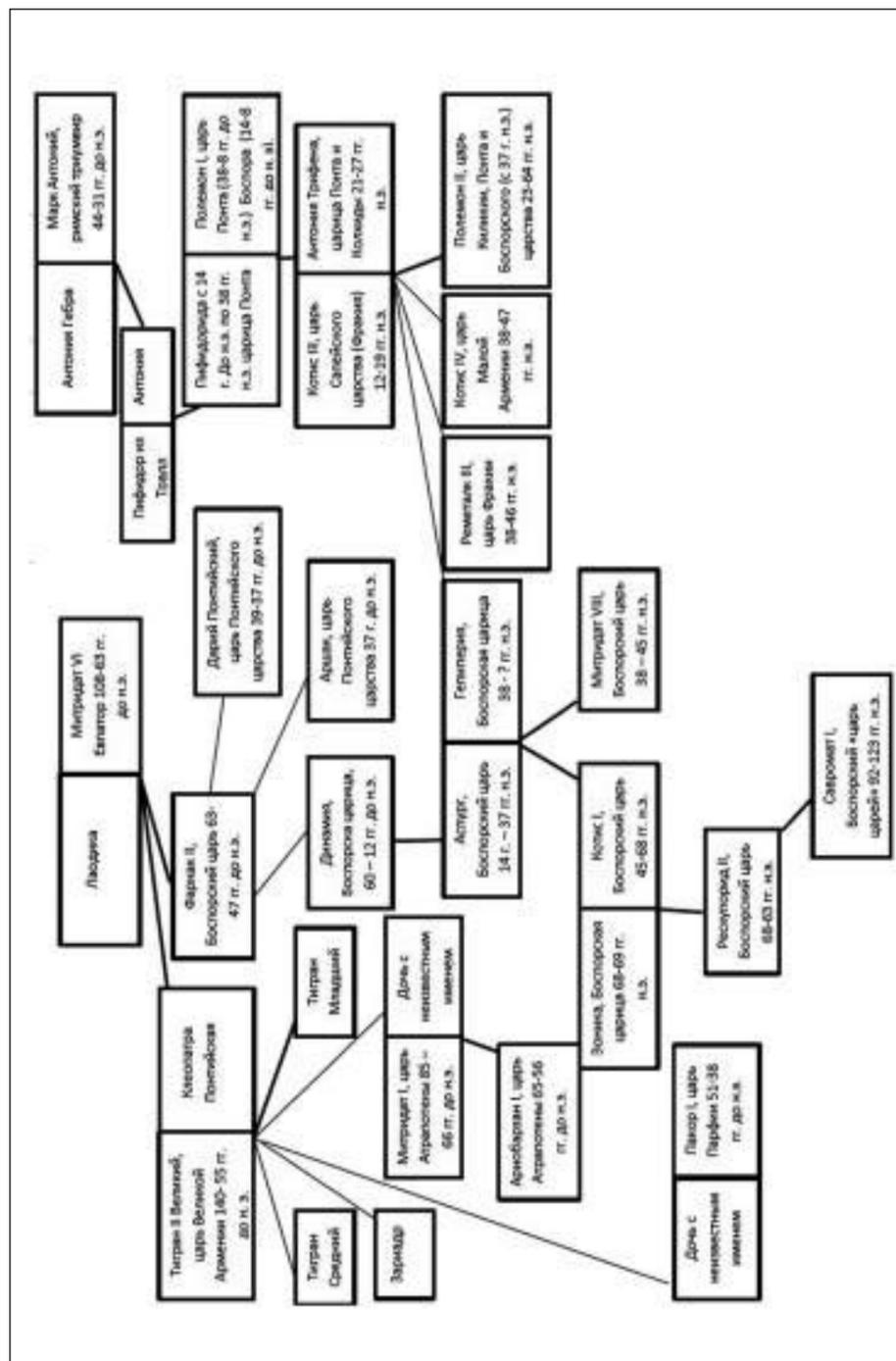

Схема «Династические связи Боспорского царства с правителями римско-иранского пограничья»

тония Трифена сблизилась с Антонией Младшей. Через Пифодориду (первую жену Полемона I) она и Полемон II приходились правнучками триумвира Марка Антония. Пифорида в свою очередь была дочерью Антонии и Пифидора из Тралл. Отец Пифидора — в 41-40 гг. до н. э. активно оборонялся против вторжения «Парфянского императора» Квинта Лабиена.

В историографии существует предположение о том, что Гепиперия не была дочерью Антонии Трифены, а приходилась сестрой Сапейского царя Котиса III [5, с. 82]. Тем не менее, имея личные связи с Антонией Младшей и дальнейшее родство через брачные узы Антония Трифена могла восприниматься в Риме как часть рода, из которого вела свое происхождения династия Юлиев-Клавдиев.

В 38-39 гг. н. э. считается, что некоторое время, судя по монетной чеканке, Гепиперия управляла Боспорским царством. Формально на боспорский престол в 38 г. н. э. был утвержден понтийский царь Полемон II. Нахождение на престоле Юлиев Тибериев его родственницы, возможно, привело к его отказу от силового утверждения на Боспоре.

Полемон II вступил в брак с Береникой (дочь Ирода Агриппы), представительницей царского иудейского рода Иродаидов. Считается, что он перешел в Иудаизм и даже сделал обрезание. Данный брак, по всей видимости, был проявлением усилившегося к 40-м годам I в. н. э. «иудейского фактора» в римско-иранском пограничье. I в. до н. э. В 43 г. н. э. Агриппа без разрешения легата Сирии попытался собрать в Тибериаде правителей зависимых от римлян мелких государств: своего брата Ирода Халкидского, Антиоха Коммагенского, Котиса — царя Малой Армении, Полемона — царя Понта и Сампсигера — правителя Эмесы [Josephus Flavius Antiquitates Judaicae. XIX, 8, 1]. В это же время Иерусалим посетила правительница пограничного верхне-месопотамского государства Адабены

Елена. Однако лично явившийся в Тибериаду легат Сирии Вибий Марс, опасаясь тайной договоренности против римлян, потребовал, чтобы собравшиеся немедленно разъехались. Попытка создания независимого центра в виде коалиции буферных государств вокруг Иудеи (в состав которой входила помимо проримски ориентированных восточных царств пропарфянские Адабена и Нисибис, а также Хатра в которой правили проадабенские кланы Санатруков). Второй раз Полемон II вступил в брак с Юлией Маммеей, дочерью правителя г. Эмесы (Сирия) Сампсигера II (ок. 20 г. до н. э. — 42 г.).

В 64 г. н. э. именно опираясь на родственные связи династии Полемонидов с Марком Антонием, император Нерон лишает Полемона II власти в его понтийских владениях, и превращает Понт в римскую провинцию [3, с. 92]. За Полемоном II сохраняется власть над частью Киликии. Восстание Аникета в 69 г. н. э. произошедшее в Юго-Восточном Причерноморье. Аникета был навархом-вольноотпущенником последнего Понтийского царя Полемона III Филопатора (38-64 гг. н. э.) [1, с. 58]. Необходимо отметить, что данное восстание происходит в условиях ведения римлянами войны против иудейских повстанцев в Палестине.

В зарубежной историографии существует предположение о том, что примерно в это же время (63 г. н. э.) боспорский царь Котис был также лишен престола и Боспорское царство включено в состав провинции Мёзии. Если данное предположение верно, то Нерон мог для легитимации данной политической акции наверняка сослался бы именно на тот же аргумент (родственные связи Полемонидов и Антониев).

Интересна в контексте родства с Юлиями-Клавдиями судьба Митридата VIII. Согласно Тациту при сдаче аорсам он сослался на свое происхождение от Ахеменидов (через понтийскую династию Митридатидов — далекий основатель сатрап Артабаз был представителем боковой линии Ахемени-

дов, он был действительно их потомком) и просил сохранить ему жизнь и не проводить его в триумфе [Тас. Анн. XII. 18]. Но следует учитывать, что он имел родственные связи с правившими тогда представителями династией Юлиев Клавдиев Калигулой (троюродный дедушка), Клавдием (троюродный прадедушка) и Нероном (через Марка Антония). Отчасти это может раскрыть причину его участия в заговоре против императора Гальбы в 69 г. н. э.

Ко II в. н. э. династические браки между боспорскими правителями и правителями римско-иранского пограничья прекращаются. Данные процессы связаны, во-первых, в связи, с сокращением общего количества таких государств начиная с утверждения династии Флавиев в Риме и формированием пан-аршакидской конфедерации в Закавказье (Великая Армения, Иберия, Албания Кавказская, Атропатена). Во-вторых, в связи с ориентацией Боспора

на внутренние проблемы и взаимодействие с варварской периферией.

Таким образом, можно сказать, что боспорские правители I в. до н. э. — нач. II вв. н. э. имели династические связи (прежде всего брачные) с Атрапатидами, Арташесидами, Митридатидами, Полемонидами, а также с основными династиями главных геополитических игроков римско-иранского пограничья Юлиями-Клавдиями (через родство через Марка Антония) и Аршакидами (через Пагора I).

В ходе рассмотрения нами был сделан следующий вывод. Несмотря на нахождение вдали от эпицентра территории римско-иранского пограничья Боспорское царство было органически встроено в его систему, в том числе на основе династических контактов между правящими на Боспоре династиями с правителями буферных государств римско-иранского пограничья.

1. Болтунова (Амиранашвили) А. И. Восстание Аникеты. // Вестник Древней истории, 1939, № 2.
2. Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2 т. / пер. Генкеля. — Репринт. Воспроизведение изд. 1900 г. — М.: Крон-Пресс (Академия), 1994.
3. Караваев А. Г. Потомки Марка Антония — правители восточных государств // Вестник МГПУ, Серия «Исторические науки» № 1 (11), 2013. С. 88-98.
4. Сапрыкин С. Ю. Аспург, царь Боспора. Древности Боспора. Т. 5. 2002. С. 207 — 224.
5. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002.
6. Тацит. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения / пер. А. С. Бобовича, Я. М. Воровского. — М.: Ладомир, 1993.

This article discusses the marriage and family ties between the Bosporus dynasty and the dynasties of the eastern states, the Roman-Parthian borderland in the middle of the 1st century. BC. — beginning of the 2nd century AD Relations are revealed not only with representatives of the buffer states, but also with representatives of the ruling dynasties of the main geopolitical players in the region of the Parthian dynasty Arshakids and the Roman dynasty Yuliev-Klavdiev.

Keywords: *Bosporus dynasty, dynastic ties, Roman-Iranian borderland.*

УДК 7. 032

Н. Л. Кучеревская

НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ В ГРЕЧЕСКОМ НЕКРОПОЛЕ: СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ

Религиозно-мифологические представления о загробной жизни нашли воплощение в памятниках погребальной культуры античного Боспора. Памятник, будь то могильный холм, надгробная статуя или стела, служит напоминанием о посмертной славе и отображает образ героизированного умершего.

Ключевые слова: *Боспор, погребальный культ, некрополь, надгробный памятник, стела, рельеф, сюжет.*

В окрестностях каждого города или селения, как в Греции, так и на Боспоре, был расположен некрополь. В соответствии с греческими обычаями на могилах ставились каменные надгробия. В основе обряда погребения лежат религиозно-мифологические представления о загробной жизни. Исполнение всех положенных ритуалов было обязательным, поскольку погребальный культ — важнейшая составная культуры и жизни античного человека. Погребальный обряд сочетает такие элементы, как устройство погребального сооружения, связанные с заботой о мертвом действия: применение гробов, различных подстилок и подсыпок, захоронение останков умершего, состав и характер сопутствующего инвентаря и, наконец — сооружение надгробного памятника.

В греческом некрополе надгробие выступает как знак над могилой, отмечающий захоронение. В этом отношении памятник выступает в роли ме-жевого знака. Его простейшая функция сводит-

ся к тому, чтобы не позволить разрушить или осквернить могилу [7, с. 219–224].

Самые ранние боспорские стелы V–IV вв. до н. э. имеют вид аскетичной каменной плиты с выгравированным на поверхности именем погребённого и его отца, на женских надгробиях указывается имя отца или мужа. Декор стел составляют розетки, венчающий гладкий или профилированный карниз и акротерии, самый ранний из которых представлен в лапидарной коллекции анфемием (КЛ-681), датированным VI в. до н. э. [3, с. 88–101].

Некоторые памятники сохранили следы раскраски — в углублениях букв, в элементах декора. Известны стелы с сюжетной росписью: Апфы, жены Афиней, Апатуриды — жены Фина, и стела с воином, совершающим ритуальное возлияние [17, с. 196–201].

В IV–III вв. до н. э. получает широкое распространение тип надгробной статуи-полуфигуры. Этот тип надгро-

бия принадлежит традиции в античном искусстве изображать богов, связанных с землёй и загробным миром, в виде полуфигур или бюстов, как бы выходящих из земли. Так, например, изображена на большом фризе Пергамского алтаря богиня земли — Гея, мать гигантов.

Большинство надгробий изготовлены из известняка, мраморные привозные памятники могли позволить себе не многие. Дешёвым вариантом надгробия являются антропоморфные изваяния, получившие наибольшее распространение в III — первой половине II вв. до н. э.

Помимо основной своей функции — обозначения места захоронения, они служили также апотропеями, не случайно антропоморфы часто находят во вторичном использовании — в качестве перекрытия могилы или жертвенника, известны случаи их обнаружения при раскопках боспорских городов. В дальнейшем их очертания стали воспроизводиться на месте акротериев в архитектурном обрамлении рельефных стел в первые века н. э. [12, с. 10].

Наиболее полное представление о религиозных верованиях, связанных с погребальным культом, дают сюжеты надгробных рельефов. Классификацию сюжетов из восьми групп предложила Т. А. Матковская [11, с. 114–136]: стоящая женщина в позе печали; стоящий мужчина в ораторской позе; сцена прощания; героизированная умершая женщина, сидящая в кресле; всадники; всадник и женщина, сидящая в кресле; воины (пешие); сцена загробной трапезы. Мы можем добавить к вышеперечисленным сюжетам геральдическую композиционную схему, включающую изображения сидящих в креслах друг против друга женщин и противостоящих изображений всадников.

Простейшая схема рельефа — изображение одного или двух, реже — нескольких персонажей, заключённое в эдикулу. Головы главных персонажей расположены на одном уровне, слуги с подношениями в руках изображены в гораздо меньшем масштабе, подчёркивая божественную сторону героизации. Этой же

идее подчинены изображения сидящей на троне обожествлённой умершей.

Взгляд умершего на надгробии устремлен прямо перед собой и всегда обращён к прохожему: некрополи тянулись вдоль дорог, и памятники устанавливались «лицом» к путнику, как бы обращаясь к нему, призывая к диалогу, на что прямо указывают тексты стихотворных эпитафий [6, №№ 122, 27, 128, 147; 1, с. 125–130].

На протяжении всего периода существования в боспорских некрополях стел с рельефами можно встретить сцену прощания, в которой покойный, перед тем как сойти в загробное царство, обменивается рукопожатием со своими близкими. Уходящий из «этого» мира расстается с живыми. Таким образом, «боспорские надгробные рельефы эпохи классики сосредоточены на теме прощания человека с жизнью, теме ухода» [15, с. 266].

Символом общей идеи героизации является образ героя-воина. В античности почётным долгом гражданина была всеобщая священная обязанность защищать свой полис с оружием в руках. Тем более это справедливо для жителей северопонтийских колоний, находящихся в окружении варварского племенного мира. Мужчина, если это полноправный член общества, в момент смерти приобщался к культу героев, восходящему к культу предков-родоначальников, и тем самым приобретал бессмертие в загробном мире.

В боспорском искусстве концепция героя-умершего ярче всего воплощена в образе всадника. Этот тип надгробий встречается с конца II в. до н. э., но получил особенное распространение в первые века н. э. Всадник на надгробии восседает на мерно ступающей лошади или предстоит восседающей на троне богине. Иногда всадник изображён в сопровождении конного оруженосца, или с пешим мальчиком-слугой. Геральдический тип композиции — два всадника, движущиеся навстречу друг другу, — возможно, заимствован боспорскими мастерами у синдо-меотских племен и выражает идею передачи власти от верховного бога царю.

Представления о боге или герое как всаднике появляется и занимает важное место в религии тех народов, у которых в реальной жизни всадниками были представители аристократии, обладавшей властью. Боспорская аристократия в первые века н. э. приобретает при усиливающемся влиянии сарматов ярко выраженный всаднический характер. Этим, видимо, и объясняется почитание местным населением героев и героизированных умерших в виде всадников [2, с. 53–56].

Излюбленным сюжетом боспорских надгробных рельефов была сцена загробной трапезы. В симпозиуме на надгробии присутствует и женщина, в отличие от реальных греческих пиров. Прислуживает мальчик-виночерпий. Сцена символизирует пир умерших в обществе богов и представления о рае, связанные с актами еды и питья.

В первые века н. э. стелы с рельефами — наиболее распространенный вид надгробий (они составляют не менее 70% всех стел). В I–II вв. н. э. на Боспоре получают распространение многоярусные стелы. Рельефные изображения выстраиваются одно над другим, образуя своеобразную иерархию образов. Каждый ярус имеет свой сюжет, не связанный с другими единой линией, но, вместе с тем, создающий единый смысловой план. Объединённые одним вертикальным створом, они выстраиваются в определенной последовательности [14, с. 357–386].

Во II–III вв. н. э. в боспорских некрополях устанавливаются изваяния львов, как правило, над могилами представителей боспорской знати, они должны были устрашать своим видом осквернителей могил [8, с. 160–164].

В это же время устраиваются захоронения в монументальных каменных саркофагах, которые служили местом погребения и надгробным памятником одновременно. В лапидарной коллекции хранятся три привозных мраморных саркофага колоссальных размеров с необработанными резным декором акротериями. И изваяния львов, и саркофаги изготовлены из проконнеского мрамора,

используемого скульпторами в конце II–III вв. н. э. Употребление их было распространено в боспорских некрополях в первые века нашей эры, когда усилилась тенденция разграбления могил.

Зависимость боспорского надгробного рельефа от аттических, малоазийских и других греческих образцов не подлежит сомнению. Как сюжеты надгробных рельефов, так и стиль их восходят к греческой надгробной скульптуре Малой Азии и северо-восточной части Балканского полуострова.

Так, одиночные и парные изображения стоящих фигур на стелах известны в Аттике и внутренних районах Малой Азии. Надгробия с подобными рельефными изображениями встречаются в городах Южного Причерноморья — Амиса, Синопы, Трапезунда [18, fig. 2/2, 7, 1/3; 9, с. 431, 433, рис. 46–48]. А. А. Масленников отмечает наибольшее сходство малоазийских памятников с боспорскими надгробиями [10, с. 134–135].

Распространённые на Боспоре рельефы с изображением загробного пира характерны для многих центров античного мира: Балканского полуострова, Малой Азии, Южного Причерноморья, Херсонеса [4, с. 157–158; 5, с. 122]. При этом от боспорских эти рельефы отличаются меньшей детализацией предметов и орнамента декора. То же можно сказать и о рельефах из Фракии, где преобладал мотив фракийского всадника.

Для Балкан и Греции больше свойственны портретные бюсты и фигуры. Рельефные изображения всадников, отдельных фигур, сцен трапезы на греческих надгробиях встречаются реже. Во внутренних районах Малой Азии: Фригии, Киликии в основном изображались стоящие в фас пары или отдельные фигуры. Часто на стелах помещали изображения сельскохозяйственных или ремесленных орудий, предметов обихода, инвентаря, оружия. Весьма распространён также сюжет трапезы по умершему. Встречаются сюжеты всадников в разных вариантах. В целом все эти рельефы не самая близкая аналогия боспорским. Они достаточно схема-

тичны, в отличие от боспорских, часто перегружены орнаментом декора, отличаются повышенной скученностью, ремесленным характером изготовления.

Многоярусные рельефы известны в Этрурии и Малой Азии. Малоазийские двухъярусные изображения имеют больше всего аналогий с боспорскими надгробиями. Причем сходство это как сюжетное, так и композиционное. Много общего и в декоре изображений. Рельефы из городов Южного Причерноморья наиболее близки по стилю и манере исполнения боспорским надгробиям. На них распространены изображения закутанных в плащ стоящих фигур со свитком в руке, сцен заgrabной трапезы, парных фигур мужчин и женщин, сидящей женщины и стоящего перед ней мужчины. Схема этих изображений проста и традиционна. Композиции, как правило, статичны. Отмеченная близость сюжетов на боспорских и малоазийских надгробиях естественна, принимая во внимание тесные торговые-политические связи этих двух районов Причерноморья [10, с. 134–135].

Сюжеты надгробных рельефов в античном мире несут в себе определённые религиозные воззрения, связанные с представлениями о загробном мире, о взаимодействии живых с мёртвыми, которых почитали как героев. Почитание могилы героя — основное проявление героизации умершего. Происхождение культа героя-умершего восходит к древнейшему культу предков, на почву которого переносятся черты культа эпических и мифологических героев. В результате умерший уподобляется герою эпоса. Успокоение души за вратами Аида и приобщение ее к душам других умерших оказывается заgrabным вариантом земной славы героя, естественно и обязательно снисходящей на него за его великие труды на земле.

Доблесть — арете — вот главная черта героя. Однако эпос на первое место все же ставит не столько военные подвиги, моральные качества, физическую силу, сколько божественность. Благородство происхождения делает

человека героем от рождения. Смерть как метафора рождения уравнивает всех: умерший получает божественные почести после смерти. Таким образом, не совершение поступков делает человека героем, но благородство рождения или смерть [13, с. 101–102].

Погребальным и надгробным памятником является также и могильный курган, служащий своеобразным ориентиром и символом славы и доблести. Достоинство прожитая жизнь, славная смерть, погребение с соблюдением обязательных ритуалов и, наконец, могильный холм возводят умершего в ранг героя, приобщают души умерших к хтоническим божествам.

Курган, представлявший собой конус, или усеченный конус, если на верхней срезанной площадке устанавливалось надгробие, в вертикальном сечении олицетворял образ Мировой горы, аналога Мирового дерева. Трёхчленная, вертикально проецируемая система представляет собой «образ, воплощающий универсальную концепцию мира» [16, с. 398] и олицетворяет единство общих бинарных смысловых противопоставлений: основные зоны вселенной — верх (небесное царство), середина (земля), низ (подземное царство); прошлое — настоящее — будущее; предки — нынешнее поколение — потомки и т. д.

Форма кургана, соотносимая с концепцией Мировой горы, являет собой трёхчленную модель мироздания. Курган как космологическая схема, основанная на противопоставлении «этого» и «иного» миров, служит организующим элементом, связующим верхний и нижний миры, в центре которого оказывается погребенный. Его срединное положение должно гарантировать новое рождение в момент смерти. В горизонтальной проекции круг, образуемый курганной насыпью, символизирует цикличность природных явлений и главную идею погребального культа — цикличность жизни и смерти, вечный переход бессмертной души из одного состояния в другое. Смерть, мыслившаяся как некое переходное состояние, означала начало

новой жизни. Воплощением этой идеи стал могильный курган, сама его форма.

Главное назначение надгробного памятника в греческом некрополе — обозначить место захоронения и сохранить память потомков: пока жива память об умершем, жив он сам. В более широком сакральном аспекте надгробный памятник сочетает в себе наглядное воплощение вертикального членения ми-

роздания и выполняет функции Мирового дерева, столба, главной из которых является упорядочивание, организация мирового и общественного устройства. Смерть члена социума воспринималась у всех народов древности как внесение хаоса, нарушение космического порядка. Надгробие призвано служить восполнением утраты и тем самым восстанавливать порядок мироздания.

1. Болтунова А. И. Надгробная эпитафия жены Дия // История и культура античного мира. М., 1977. С. 23–28.
2. Бритова. Н. Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Т. 12. 1948. С. 53–56.
3. Буйских А. В., Давыдова Л. И., Кучеревская Н. Л. Об одном редком типе погребальных стел из Северного Причерноморья // Древности Боспора. 18. М., 2014. С. 88–101.
4. Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.: Искусство, 1953. 180 с.
5. Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. — Киев: Мистецтво, 1961. 150 с.
6. Корпус Боспорских надписей. [Авт.-сост. Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов] / Ред. В. Струве. М.-Л.: Наука, 1965. 950 с.
7. Кучеревская Н. Л. Типы надгробных памятников античного Боспора и их хронологические рамки // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб., 2004. С. 219–224.
8. Кучеревская Н. Л., Федосеев Н. Ф. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 160–164.
9. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.-Л.: ИИМК РАН, 1956. 472 с.
10. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. / А. А. Масленников / [Отв. Ред. Г. А. Кошеленко]. — М.: Наука, 1990. — 232 с.
11. Матковская Т. А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983. С. 114–136.
12. Молева Н. В., Кучеревская Н. Л. Антропоморфные изваяния из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция / Под ред. Е. А. Молева. — Т. V. — Керчь: ООО «Соло-Рич», 2016. 252 с.: илл. — Текст рус., перев. англ. (Перевод вступ. статьи Л. В. Блиновой).
13. Савостина Е. А. Миф и культ героя // Жизнь мифа в античности. (Випперовские чтения — 1985). Ч. 2. М.: ГМИИ, 1988. С. 98–115.
14. Савостина Е. А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. 1992. Вып. 10. С. 357–386.
15. Савостина Е. А. Таманский рельеф в контексте традиций Боспора и Аттики // Таманский рельеф. М.: ГМИИ, 1999. С. 259–276.
16. Топоров В. Н. Дерево мировое // МНМ. — Т. 1. — М., 2000. — С. 398–406.
17. Федосеев Н. Ф., Кучеревская Н. Л. Расписная стела с воином из собрания Керченского лапидария (КЛ-1297) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 196–201.
18. Alexandrescu V. M. Les stèles funéraires de la Mésie inférieure / V. M. Alexandrescu // Dacia. 1975. № 19. S. 183–200.

Religious and mythological ideas about the afterlife were embodied in the monuments of the funerary culture of ancient Bosphorus. The monument, whether it is a grave hill, tombstone or stele, serves as a reminder of the posthumous glory and displays the image of the heroized deceased.

Keywords: Bosphorus, funeral cult, necropolis, tombstone, stele, relief, plot.

А. В. Кучеревская

К ВОПРОСУ О МУЗЕЕФИКАЦИИ БОСПОРСКОЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЗАГОРОДНОЙ УСАДЬБЫ

В статье рассматриваются вопросы перспективы Музеефикации памятника археологии Боспорская Загородная усадьба

Ключевые слова: Загородная усадьба, раскопки, музеефикация.

Загородная сельская усадьба эллинистического времени, является одним из немногих полностью исследованных поселений Боспора, носящих характер усадьбы. Она расположена в 2 км западнее городища Мирмекий и примерно в полукилометре севернее береговой черты Керченской бухты, у ранее располагавшейся здесь Карантинной слободки (ныне ул. Генерала Петрова, территория садово-огороднического кооператива «Войковец»).

Особое значение объекта заключалась в том, что до проведенных Боспорской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича в 1951-1956 гг. раскопок, памятник этот был неизвестен и никогда не исследовался. Считалось, что территория, с обеих сторон от проходившего здесь Карантинного шоссе (ныне ул. Кирова) — огромный, соединившийся между собой в древности, пантикапейский и мирмекийский некрополь, что подтверждали проводившиеся здесь в XIX — XX вв. раскопки.

Поселение было открыто случайно осенью 1950 г, во время прокладки

водопровода. Первые наблюдения произвели сотрудники Керченского музея, сразу же, как только выявились признаки нового археологического памятника. Обследование показало, что на некотором протяжении траншея прошла через развалины какого-то сооружения, несомненно античной эпохи. Культурный слой, обнаружившийся в траншее, изобиловал обломками огромного количества черепиц, залегавших на глубинах около 1 м, перемешанных с древесными углями и золой, что говорило о наличии остатков пожарища. Среди материалов, обнаруженных во время прокопки траншеи, глиняный светильник и ряд фрагментов сосудов указывали на эллинистический период. Этому же соответствовали и типы черепиц, составляющих практически главное содержание культурного слоя. Последовавшие плановые раскопки подтвердили эту предварительную датировку.

На площади 1700 кв. м. был выявлен обширный архитектурный комплекс, состоящий из построек различного назначения и примыкающих к ним мощеных

дворов. По предположению В. Ф. Гайдукевича, весь комплекс, занимающий достаточно большую площадь, с запада на восток около 55 метров и примерно столько же с севера на юг — представлял собой большую загородную сельскую усадьбу [Гайдукевич, 1981. С. 561].

Раскопанный комплекс представлял собой практически однослойный памятник [Гайдукевич, 1981. С. 58]. Дальнейшие раскопки показали что изменения планировки и перестройки происходили на протяжении всего периода его функционирования, но при этом не менялись горизонты вымосток дворов. Стабильными были и уровни полов в помещениях.

Таким образом, первоначально усадьба занимала небольшую площадь, а затем была значительно расширена. По времени постройки весь комплекс был условно разделён на 3 части. Возможно, максимальных размеров усадьба достигла в результате двух или трёх перестроек, происходивших в течение сравнительно короткого периода, расширяясь, предположительно с запада на восток с рубежа IV-III вв. до середины III века до н. э.

Постройки просуществовали до первой половины I в до н. э., при этом, если первоначально комплекс расширялся и процветал, то со второй половины II в. до н. э. он постепенно деградировал и разрушался.

В результате проведенных в 1951-56 гг. раскопок были обнаружены жилые и хозяйственные каменные сооружения, размещённые по сторонам вымощенных плитами дворов, снабжённых водоотводными каналами.

Усадьба возникла как ядро крупного земельного надела на рубеже III-IV вв. до н. э. в эпоху активного освоения боспорскими греками обширных плодородных равнин Европейского Боспора для пашенного земледелия: экспорт хлеба был основой местной экономики. Центром усадьбы был мощёный дворик, вокруг которого группировались помещения жилого и хозяйственного назначения. Постройки имели черепичные крыши и даже систему во-

достоков и канализации. Открытие ордерных частей архитектурных деталей говорит о том, что усадьба имела перистильный дворик дорийского ордера. Вполне вероятно, что владельцем усадьбы был кто-то из представителей местной боспорской знати, не исключено, что и царской фамилии.

Усадьба неоднократно перестраивалась, однако историческое ядро оставалось неизменным: появлялись новые группы помещений и хозяйственные комплексы, отражающие частичную перепрофилировку её экономической жизни.

Центральные помещения, где жили хозяева усадьбы, выделяются богатой отделкой — наличием стен, покрытых полихромной штукатуркой: помещение «Г» усадьбы № 1, помещение «И» усадьбы № 3 которые были, вероятно, ойкосом, соединяющим в себе парадный зал, столовую и помещение для мужчин. На основе огромного количества фрагментов расписной штукатурки Е. Г. Кастанаян восстановила общую систему росписи стен. Роспись состояла из фриза и гладких панелей, а также из подражания облицовке из квадров разноцветного мрамора. Такого рода стенная роспись была популярна в III — II вв. до н. э. во всем Средиземноморье. На фрагментах штукатурки также встречались различные граффити в виде греческих букв и рисунков.

На территории усадьбы были найдены многочисленные вещевые находки — разнообразная посуда эллинистического времени, в том числе фрагменты веретёнообразных бальзамариев, мегарских чаш, глиняная ойнохоя с пятистрочным клеймом коллегии агораномов, множественные находки терракот, пирамидальные ткацкие грузила с клеймами, фрагменты кровельной черепицы с клеймами Сатириона (около 300 шт., полных и во фрагментах), хозяйственные орудия, пантикапейские и фанагорийские медные монеты конца III — начала II вв. до н. э., колхидский пифос с остатками зерен пшеницы. В одном из помещений некогда находился ткацкий станок — обнаружены остатки древесной золы и 40 ткацких грузил (одно из них с клеймом в виде А).

Основой хозяйства усадьбы являлось виноделие: здесь открыты три винодельни. Из них лучше всего сохранилась винодельня У1 в северо-западной части усадьбы. Это по мнению В. Ф. Гайдукевича показывало, что хозяйство усадьбы имело ярко выраженный винодельческий характер и хозяева усадьбы были владельцами обширных виноградников, расположенных вокруг усадьбы. Масштабы раскопанных давлений дают возможность определить ежегодную производительность примерно в 50 тысяч литров виноградного вина.

Замечательны находки греческого импорта, в т. ч. и высокохудожественные керамические изделия, фрагменты синопских и родосских амфор с клеймами, колхидский пифос для зерна, обилие монет, найденных в помещениях и на вымостках полов и дворов, говорит о том, что хозяйство усадьбы имело выраженный товарный характер.

В то же время, являясь центром семейных владений, усадьба стала местом отдыха и развлечений своих хозяев, которые проводили значительную часть своего времени. Здесь же отправлялся культ и производились захоронения в прилегающем сельском некрополе.

Таким образом, памятник представляет собой небольшой по объему, но очень интересный и достойный для музеефикации объект. Первая попытка музеефикации Загородной усадьбы была предпринята в середине 1990-х годов, когда в 1996 г между КГИКЗ и садоводческим товариществом «Войковец» был заклю-

чен Договор о совместной деятельности «... исходя из обоюдного стремления к сохранению и музеефикации уникального памятника археологии...» на 1997 год.

В 1996-98 гг. с участием правления садоводческого товарищества «Войковец», на территории которого в настоящий момент находится памятник, был предложен проект музеефикации Загородной усадьбы. В разработке проекта активное участие принимал председатель правления В. Н. Романец. Для поддержания санитарного состояния памятника предусматривалось ввести штатную единицу сторожа-смотрителя (с долевого оплатой — 0,5 ст — КГИКЗ, 0,5 с. — кооператив «Войковец»).

Администрации КГИКЗ предлагалось заключить договор с Институтом Археологии РАН о создании отряда для зачистки и консервации территории Загородной усадьбы на 1997-98 гг. или добиться получения Открытого листа на сотрудника заповедника-археолога на право зачистки памятника.

Необходимо было разработать эскизный проект декоративной ограды вокруг памятника, решить вопрос о поэтапности выноса огородов из охранной зоны памятника и произвести подсыпку отдельных участков дороги на территории садоводческого кооператива «Войковец», обеспечивающих подъезд к памятнику.

Кроме этого предполагалась постройка легкого выставочного павильона на территории правления садоводческого товарищества с размещением там экспозиции по истории усадьбы.

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. (Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат). Л., 1981. 136 с.

2. Горончаровский В. А. Сосуд из сельской усадьбы близ Мирмекия // КСИА, № 174, 1974. 1983. С. 66-69

3. Кастанаян Е. Г. Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантикапея (Опыт реконструкции) // КСИА, № 116, 1969. С. 45-48.

4. Зинько В. Н. Некрополь сельского поселения близ Мирмекия // Боспорские исследования, III. Симферополь, 2003. С. 168-197

The article deals with the issues of perspective The preservation of archaeological monument of the Bosphorus Country estate.

Keywords: Country house, the excavations, the museumification.

УДК 904 (470)"08/09"

В. В. Майко

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В XXI веке

Рубеж прошедшего и нынешнего столетий можно считать началом нового этапа в изучении салтово-маяцких памятников Керченского полуострова. Исходя из этого, в работе проанализировано изучение археологических объектов этой части полуострова за прошедшие 17 лет. Сделан вывод о том, что для рассмотрения всех аспектов материальной культуры жителей данной части Таврики получены новые данные. Они позволяют по новому представить характер жилой, хозяйственной, фортификационной и культовой застройки, погребальный обряд, керамический комплекс, предметы вооружения и быта.

Ключевые слова: Керченский полуостров, салтово-маяцкая культура Крыма, история изучения.

Среди всех регионов Крыма, Керченский полуостров, в силу географических условий, наиболее насыщен памятниками, относимыми к крымскому варианту салтово-маяцкой археологической культуры.

За прошедшие 17 лет текущего столетия в изучении этого региона Таврики были достигнуты определенные результаты. Практически во всех вопросах исследования данной проблематики получены новые материалы и сделаны интересные выводы, требующие, по крайней мере, предварительного обобщения.

Все анализируемые работы, несмотря на то, что многие из них носят комплексный характер, распределены по основным составляющим материальной культуры.

Археологические источники, связанные с ранним периодом уже оседлых носителей салтово-маяцкой культуры Крыма, получены были, прежде всего, благодаря раскопкам А. И. Айбабина жилых кварталов на территории самого Боспора [40, р. 31-65]. На основании немногочисленных комплексов и археологического материала был сделан вывод о том, что салтовцы, перешедшие к оседлости в городах, очень быстро восприняли приемы провинциально-византийского домостроительства и другие особенности материальной культуры греческого населения приморских городов. Специально рассматривался и керамический комплекс данного периода, особенно лепная и подправленная на гончарном круге кухонная посуда. К сожалению, при практически пол-

ном отсутствии датирующих находок тяжело однозначно определить хронологические рамки данного периода развития салтово-маяцкой культуры полуострова. В целом, в том числе и на основании нумизматического материала, они были определены, как рубеж VII/VIII — первая половина VIII вв. Важно отметить, что подобные материалы были получены не только при раскопках городских горизонтов Боспора [1, с. 168-185], но и сельских памятников Керченского полуострова [3, с. 17-23; 4, с. 334-348]. Таким образом, несмотря на дискуссионность предположения и отсутствия достаточного количества археологических источников, можно говорить о масштабном заселении полуострова салтовцами уже на рубеже VII/VIII вв. и их быстром переходе к оседлости.

Рассмотрение вопросов, связанных с памятниками оседлого населения крымского варианта салтово-маяцкой культуры начнем с работ, посвященных проблемам жилой и хозяйственной застройки, а так же в целом планировке поселений. Значительное внимание этим аспектам уделил Л. Ю. Пономарев. На примере проанализированных комплексов объектов Керченского полуострова ученый значительно расширил и скорректировал существовавшую до недавнего времени типологию. Исследователь выделил 8 типов жилых сооружений, среди которых отметил не учтенные в предшествующих типологиях однокамерные и двухкамерные дома с округлой в плане пристройкой и многокамерные дома со смежными помещениями [26, с. 186-209]. Значительно были дополнены наши сведения об однокамерных жилищах и отдельно рассмотрены подобные варианты построек с хозяйственной пристройкой [32, с. 131-139].

Впервые на основании практически всех исследованных домов-пятистенков Керченского полуострова Л. Ю. Пономареву удалось выделить общие и индивидуальные черты присущие этому типу салтовских сооружений [31,

с. 440-461]. Среди них были отмечены прямоугольная форма, северо-восточная — юго-западная ориентация, высчитаны чаще всего встречающиеся размеры, наличие одного или двух отопительных сооружений в жилых помещениях и временного отопительного сооружения — в хозяйственных. Важным явился вывод ученого о существовании в жилых помещениях такого же временного отопительного сооружения представлявшего собой пристроенный к стене каменный ящик, сооруженный из поставленных на ребро плит известняка.

Особого внимания заслуживает выделение на примере Кыз-Аульского и Илуратского некрополей античного времени такой категории построек, как жилища, устроенные в античных склепах [26, с. 186-209]. Последние справедливо трактуются, прежде всего, как загоны для мелкого рогатого скота и убежища скотоводов. Подробно опубликованный, совместно с Н. Ф. Федосеевым, археологический материал из этого типа сооружений [38, с. 491-525; 39, с. 82-132] свидетельствует, тем не менее, о длительном, а не сезонном их использовании.

Отдельно следует проанализировать вопрос о существовании на территории салтово-маяцких памятников Керченского полуострова юртообразных построек и полуземлянок. К ранней дате полуземлянок склоняется и Л. Ю. Пономарев, выделяя среди них бесстолбовые и каркасно-столбовые полуземлянки с неукрепленными бортами и полуземлянки, котлован которых по периметру обложен камнем [26, с. 186-209; 27, с. 65-78].

Впервые Л. Ю. Пономаревым на примере памятников Керченского полуострова был выделен такой интересный элемент поселенческой инфраструктуры, как зольники, расположенные среди жилых построек, на дневной поверхности и чаще всего без какого-либо ограждения. Ученым были проанализированы точки зрения об их хозяйственно-бытовой и сокращальной атрибуции и верно

сделан вывод о том, что в настоящее время для решения вопроса доказательной базы явно недостаточно [29, с. 52-54].

Значительный шаг вперед сделан в осмыслении погребального обряда населения оставившего памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры.

Наиболее значимым итогом анализа явился вывод о биритуальности практически всех, даже наиболее ранних городских некрополей. Стало совершенно очевидным, что на площади некрополей в один хронологический период, не образуя отдельных скоплений, сосуществуют не только два типа грунтовых погребений, но и плитовые могилы, погребения с элементами плитовой могилы, каменные и земляные склепы. Данные наблюдения полностью подтверждают не только городские некрополи, но и могильники сельских поселений.

Вторым важным выводом можно считать тот факт, что, согласно анализу погребального инвентаря, к середине IX в., благодаря успешной христианизации местного населения, городские и даже сельские некрополи состоят уже преимущественно из плитовых могил. Указанные некрополи Керченского полуострова, в частности у поселка Эльтиген и поселения Героевка-2, в том числе на основании собственных раскопок были проанализированы в работах Л. Ю. Пономарева [23, с. 445-475; 25, с. 287-295] и обобщены в отдельной публикации [21, с. 97-106]. Ученым были впервые отмечены такие характерные элементы плитовой могилы салтовского населения, как полукруглые ниши, вырубленные с внутренней стороны стенки у черепа захороненных. На примере раскопок городского некрополя Боспора в районе Босфорского переулка А. И. Айбабиным и Э. А. Хайрединовой было убедительно доказано, что процесс христианизации городского населения шел быстрее и уже к середине VIII в. основная масса погребальных сооружений данного могильника представляла собой классические пли-

товые могилы с ярко выраженной христианской символикой [2, с. 354-378].

Наряду с этим на протяжении всего периода существования салтово-маяцкой культуры Крыма в погребальном обряде ощущались и языческие влияния. Последние наиболее ярко проявились на раскопанном в 2015 г. некрополе Конрат на территории Керченского полуострова [17, с. 294-309]. К христианским чертам погребений данного могильника можно отнести саму конструкцию классической плитовой могилы. К языческим — разнообразный и редчайший для Таврики состав погребального инвентаря, наличие специально сделанных для него боковых ниш, кости жертвенных животных на месте полукруглой арки, обряд тризны, специально изготовленную для погребения лепную посуду.

Следует сказать, что для решения проблемы религиозного синкретизма салтовцев Крыма в текущем столетии, помимо указанного выше некрополя Конрат, были получены новые интереснейшие материалы. Речь идет, прежде всего, о комплексах, полученных при раскопках средневековых поселений на месте античных городищ Артезиан и Белинское на территории Керченского полуострова, расположенных в прямой видимости один от другого. Здесь, прежде всего, наиболее ярко проявился обряд совместного погребения людей и жертвенных животных. В центральной части поселения на месте городища Артезиан Н. И. Винокуровым и Л. Ю. Пономаревым было выделено два условных культовых комплекса. В состав одного из них «южного» входило совместное захоронение в каменном ящике подростка и частей туши быка и, что наиболее важно, два жертвоприношения, состоявших из расчлененных останков людей и животных. В составе другого «юго-восточного культового комплекса» было исследовано захоронение в хозяйственной яме расчлененных останков подростков и домашних собак [6, с. 18-22; 7, с. 266-300; 8, с. 44-

50; 9, с. 208-211]. Исследователями была высказана обоснованная точка зрения о связи комплексов с земледельческим и скотоводческим культурами плодородия.

Материалы склепа № 23 некрополя городища «Белинское» дают уникальную возможность подтвердить существование у салтовцев Крыма языческих верований, связанных с культом домашних животных, при совершении которых производилось перезахоронение некоторых костей погребенных с принесением в жертву частей расчлененных туш животных [18, с. 348-363].

С другой стороны на том же поселении Белинское присутствуют находки, говорящие о высокой степени христианизации проживавшего там населения. Об этом свидетельствуют не только многочисленные кресты, в том числе и архаичные христианские надгробья, но и находка первого для всей салтово-маяцкой археологической культуры штампа для просфор [19, с. 320-329]. Второй штамп был обнаружен в 2017 г. при раскопках горизонтов салтово-маяцкого времени поселения Биели на территории Керченского полуострова [18, с. 84-88].

В течение анализируемого периода исследователями уделялось значительное внимание и керамическому комплексу салтово-маяцких памятников Керченского полуострова. Прежде всего, следует упомянуть монографическую работу, посвященную городищу Тиритака [14, 328 с.] хазарского времени, в которой В. Е. Науменко в виде отдельных глав впервые подробно проанализировал все составляющие керамического комплекса этого памятника [22, с. 32-64].

Значительное внимание было уделено специалистами и кухонной керамике, являющейся «визитной карточкой» крымского варианта салтово-маяцкой культуры. В частности, тщательный анализ кухонной посуды, в том числе с точки зрения разнообразия формовочных масс, памятников Керченского полуострова, опубликован в спе-

циальной работе Л. Ю. Пономарева [33, с. 239-276].

Таким образом, на сегодняшний день подробно рассмотрена морфология и технология изготовления кухонных горшков, встреченные на них орнаментальные мотивы, основные типы клейм, выделены новые, ранее не проанализированные формы. В качестве последних следует, конечно же, упомянуть т. н. маслобойки и миски, специально собранные и опубликованные Л. Ю. Пономаревым и И. А. Пономаревой [37, с. 453-464]. Тем не менее, исходя из огромного разнообразия форм, единой для полуострова типологии, так, пока, и не создано.

В течение рассматриваемого периода значительное внимание уделялось анализу организации сельского хозяйства, основных ремесел, промыслов салтовцев Крыма и связанным с этим категориям археологических предметов. Этой проблеме на примере памятников Керченского полуострова были посвящены статьи Л. Ю. Пономарева [28, с. 67-78, 130-132; 36, с. 235-267]. Все предметы, в зависимости от функционального назначения, были разделены ученым на сельскохозяйственные орудия, орудия животноводства и рыболовства, изделия и находки, связанные с прядением и ткачеством, орудия универсального назначения и бытовые предметы. Учитывая дискуссионный характер многих изделий, а также небольшое количество исследованных на Керченском полуострове салтово-маяцких комплексов, приведенный обзор хозяйственно-бытовых и культовых находок имеет предварительный характер.

В текущем столетии материалы раскопок салтовских памятников Керченского полуострова публиковались наиболее активно. Помимо раскопок Боспора [40, с. 31-65], Артезиана [5, с. 46-53] и Белинского [19, с. 320-329; 20, с. 98-104; 16, с. 348-363], уже упоминавшихся выше, важное значение, особенно для выделения ранних горизонтов первой половины — середины

VIII в., имело введение в научный оборот материалов выявленного в 2009-2010 гг. на северо-восточной оконечности Керченского полуострова поселения Завал-Восточное [3, с. 17-23; 4, с. 334-348]. Не менее интересными оказались и результаты введения в научный оборот материалов поселения Осовины, расположенного на побережье Азовского моря. В частности был отмечен факт использования салтовцами построек предшествующего позднеантичного времени [13, с. 183-196].

Значительное внимание уделялось и известному комплексу памятников салтово-маяцкой культуры, расположенному близ пос. Героевское. Были проанализированы разведочные работы, произведенные в 1962 г. на этом эталонном памятнике А. В. Гадло, в результате которых в окрестностях пос. Эльтиген В. Н. Зинько и Л. Ю. Пономареву удалось выделить и локализовать целый ряд отдельных античных и раннесредневековых поселений [10, с. 147-158; 15, с. 435-471]. Помимо этого на основании архивных данных были подробно рассмотрены раннесредневековые горизонты поселения Героевка-2 [11, с. 236-268] и Героевка-3 [35, с. 376-399]. Напомним, что в течение рассматриваемого периода были полностью опубликованы материалы раскопок жилых комплексов на площади двух склепов античного некрополя Кыз-Аул [38, с. 491-525; 39, с. 82-132].

В отдельный блок можно выделить работы связанные с обобщением данных о салтово-маяцкой культуре Керченского полуострова и статьи, посвященные общей проблематике этой археологической культуры полуострова с попыткой анализа истори-

ческой ситуации, сложившейся в это время в Крыму.

В нескольких работах были проанализированы все известные к настоящему времени салтовские памятники всего Керченского полуострова [12, с. 406-429; 30, с. 384-391; 34, с. 135-159], и, подробно, его южной части [24, с. 343-378]. В целом выводы исследователей сводятся к тому, что большинство салтово-маяцких памятников располагалось в восточной его части, явно тяготея к Боспору и пролежавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. Несколько десятков поселений обнаружено в северо-западной части полуострова, преимущественно на побережье Азовского моря. Юго-западная часть полуострова, как и в античное время, оставалась практически не заселенной. В целом на сегодняшний день на археологическую карту Керченского полуострова нанесено свыше 200 салтово-маяцких поселений. Принадлежащих им могильников открыто на порядок меньше, поскольку в отличие от поселений они не имеют каких-либо признаков на дневной поверхности. В целом на сегодняшний день на Керченском полуострове выявлено 19 салтово-маяцких плитовых и плитово-грунтовых могильников второй половины VIII — первой половины X вв. Они составляют большинство раскопанных на территории средневековой Таврики погребальных памятников «хазарского» периода.

Таким образом, изучение салтово-маяцкой археологической культуры Керченского полуострова на протяжении текущего столетия активно продолжалось, что позволяет говорить о необходимости нового обобщающего труда.

1. Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 168-185.
2. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Плитовые могилы с высеченными крестами // БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 354-378.
3. Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. К изучению раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал-Восточное) // Международная археологическая конференция XIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский

и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации». Керчь, 2012. С. 17-23.

4. Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.) // ИАКр. 2015. Т. II. С. 334-348.

5. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // ТС. № 7 (2015). 2015. С. 46-53.

6. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // Lauea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков, 2015. С. 18-22.

7. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК, 2015, № 3. С. 266-300.

8. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // ТС. № 10 (2016). 2016. С. 44-50.

9. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. 2016. № 1. С. 184-232.

10. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. 2001. Вып. I. С. 147-158.

11. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген // БИ. 2005. Вып. X. С. 236-268.

12. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 406-429.

13. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 183-196.

14. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь-Керчь, 2009. 328 с.

15. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 435-471.

16. Зубарев С. В., Майко В. В., Ярцев И. Б. Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища Белинское // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 348-363.

17. Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкий могильник Конрат на Керченском полуострове (по материалам раскопок 2015 г.) // ИАКр. Т. VII. Симферополь, 2018. С. 294-309.

18. Майко В. В., Белик Ю. Л. Просфорный штамп из раскопок средневекового поселения Биели // ТС. № 16. Симферополь. 2018. С. 84-88.

19. Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. 2016. Т. 20. С. 320-329.

20. Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // ТС. 2016. № 10 (2016). С. 98-104.

21. Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие некрополи восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Салтово-маяцкая археологическая культура: проблемы та дослідження. Вип. 3. Харків, 2013. С. 97-106.

22. Науменко В. Е. Пифосы, высокогорлы кувшины, амфоры, столовая керамика // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь-Керчь, 2009. С. 32-64.

23. Пономарев Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. 2004. Вып. V. С. 445-475.

24. Пономарев Л. Ю. К археологической карте памятников VIII — первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 343-378.

25. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения. Керчь, 2011. С. 287-295.

26. Пономарев Л. Ю. Жилища восточного Крыма эпохи хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. Т. V. 2012. С. 186-209.

27. Пономарев Л. Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. Т. V. 2012. С. 65-78.

28. Пономарев Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцкая археологическая культура: проблемы та дослідження. Т. 2. Харків, 2012. С. 67-78, 130-132.

29. Пономарев Л. Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012. С. 52-54.

30. Пономарев Л. Ю. Степи Керченского полуострова во второй половине X-XIII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. XIV. Боспорские чтения. Керчь, 2013. С. 384-391.

31. Пономарев Л. Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // 'Ρωμαίος. Т. 2. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013. С. 440-461.

32. Пономарев Л. Ю. Жилые однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // ТС. 2014. Т. 6 (2014). С. 131-139.

33. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Донецк, 2014. С. 239-276.

34. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // ХА. 2014. Т. 12. С. 135-159.

35. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло 1963 г.) // ИАКр. 2014. Т. I. С. 376-399.

36. Пономарев Л. Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // ИАКр. 2016. Т. III. С. 235-267.

37. Пономарев Л. Ю., Пономарева И. А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Т. IV. Киев-Судак, 2010. С. 453-464.

38. Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. 2012. Т. 16. С. 491-525.

39. Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кызаульского некрополя (Крым) // ИАКр. 2017. Т. V. С. 82-132.

40. Aibabin A. I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Ed. par C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 31-65.

The turn of last and these centuries can be considered the beginning of a new stage in studying the saltovo-mayaki monuments of the Kerch Peninsula. Proceeding from it, in work studying of archaeological objects of this part of the peninsula for last 17 years is analyzed. The conclusion is drawn that for consideration of all aspects of material culture of inhabitants of this part of Taurika new data are obtained. They allow on new to present the nature of the housing, economic, fortification and cult estate, a funeral ceremony, a ceramic complex, objects of arms and life.

Keywords: Kerch Peninsula, saltovo-mayaki culture of the Crimea, history of studying.

И. В. Рукавишникова, Д. В. Бейлин, М. Ю. Меньшиков

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА, ИССЛЕДОВАННЫЕ В ХОДЕ РАБОТ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТРАССЫ «ТАВРИДА» В 2017 г.

Статья обобщает результат работ по исследованию курганных насыпей Керченского полуострова при строительстве трассы «Таврида», раскопанных в 2017 г. Всего было исследовано больше 20 объектов, относящихся хронологически к бронзовому веку, раннему железному веку, содержащие комплексы античной традиции, первых вв. н. э., средневековья, нового времени. Курганные насыпи имели разные конструкции: сформированные над античными сооружениями, перекрывавшие каменные конструкции бронзового века, представляющие собой скальные холмы, и земляные насыпи над углубленными погребениями. Эти исследования внесли большой вклад в изучение погребальных памятников Керченского полуострова.

Ключевые слова: Курганные насыпи, склепы, погребения, бронзовый век, ранний железный век, античная традиция.

В процессе исследований территории Ленинского района и города Керчи при строительстве трассы «Таврида» в 2017 г. отрядом Крымской новострочной экспедиции были раскопаны и полностью изучены 25 курганов — объектов погребальных традиций населения, проживающего в разные эпохи на территории Восточного Крыма.

Это курганы могильников Цементная Слободка, Нижний Солнечный 1, курган Госпитальный, курганы Лесной 1 и 2, курганы курганной группы Александровские скалы 1 и курганной группы Александровские скалы 2, курганные группы Фонтан 1, 2, 3, группы из 3-х курганов (Ивановка Северная), курган у с. Горностаевка (Султановка), курган Луговое западное 1 у

с. Луговое, курганная группа Ленинское Северовосточное, курган 2 курганной группы Ак-монайская (рис. 1).

Исследовались памятники, находящиеся в долине реки Джарджава, где построены авто и железнодорожные подъезды к Крымскому мосту, а также вдоль существовавшей трассы Керчь — Феодосия по всему Ленинскому району.

Памятники, с погребально-поминальными и поселенческими комплексами в них, можно разделить по культурно-хронологическому признаку. Это погребальные памятники, относящиеся к бронзовому веку, погребения и комплексы античной традиции, могильники начала I тыс. н. э., варварские погребения раннего железного века, средневековые

Рис. 1. Карта-схема расположения исследованных курганов в 2017 г. в г. Керчь и в Ленинском районе

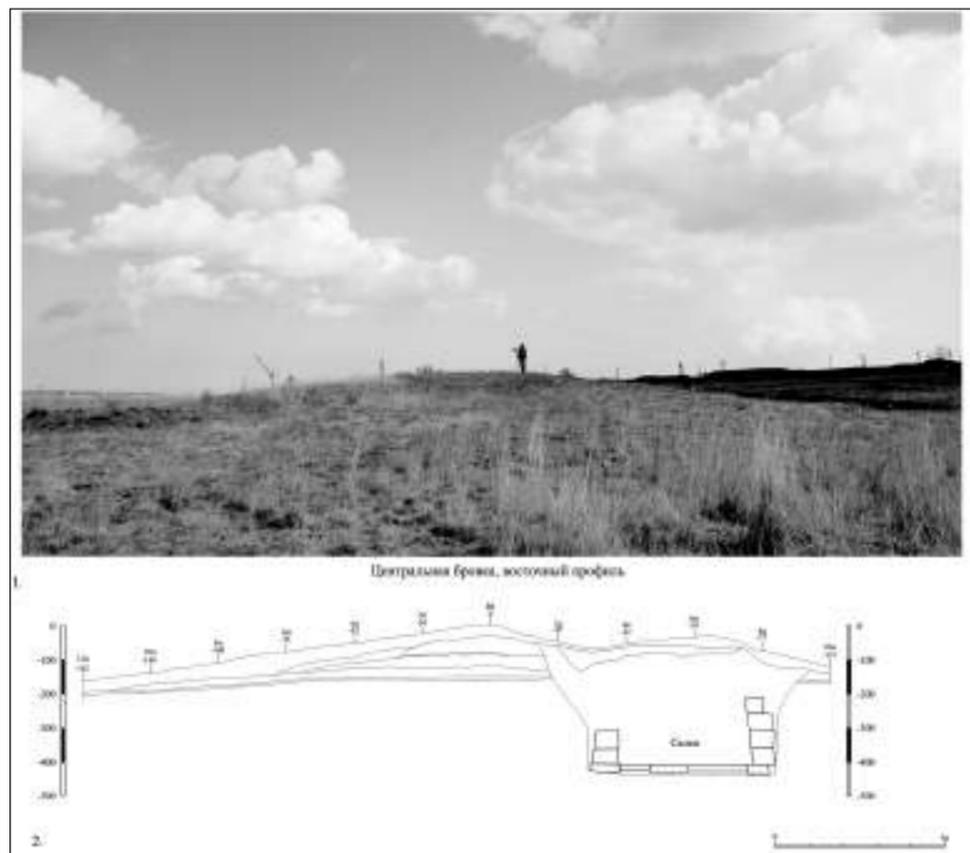

Рис. 2. 1. Вид с запада на земляную насыпь кургана 4 курганной группы Цементная слободка 1; 2. Разрез насыпи кургана и камеры каменного подкурганного склепа

погребения кочевников, поселенческие структуры XIX в. Так, например, в ходе исследования насыпей курганов могильника Нижний Солнечный 1 в черте г. Керчь были зафиксированы строительные горизонты регулярного летнего военного лагеря крепости «Керчь», существовавшего с 60-х гг. XIX в. Следы временных строений, использовавшихся сезонно, были найдены в насыпях трех курганов, а также предметы вооружения и быта солдат и офицеров русской армии [11, с. 276-284].

Памятники, исследованные в черте г. Керчь:

Курганная группа «Цементная Слободка 1» является частью обширного курганного некрополя Пантикапея и боспорской знати IV-III вв. до н. э. [9, с. 171-190]. Склеп, углубленный в материк, над которым была возведена

земляная насыпь **кургана 4**, относился по типу к склепам с уступчатым сводом конца IV в. до н. э. (рис. 2). В насыпь, также были впущены погребения IV-III вв. до н. э. и рубежа эр. Она была сильно повреждена в последующие века. Силами экспедиции удалось полностью восстановить склеп на музейной территории, разобрав его по блокам, используя схемы, созданные при точных архитектурных обмерах.

Курган «Госпитальный» замыкал курганную группу «Цементная слободка» и был доминирующим курганным сооружением, благодаря семиметровой земляной насыпи, нарушенной многочисленными ограблениями [8, с. 151-171]. Первоначальная насыпь была сооружена в IV в. до н. э. над двумя могилами в каменных ящиках с плитовыми перекрытиями, впущенных в

Рис. 3. Вид с юга на разрезы земляной насыпи кургана «Госпитальный» и каменный склеп

материк рядом друг с другом на одном уровне и ориентированными по линии запад-восток. В конце IV века до н. э. к ранней насыпи кургана была пристроена грандиозная каменная гробница — античный склеп с 20-метровым коридором-дромосом. Склеп наземный был перекрыт сводом с уступчатым перекрытием, а внутренняя поверхность его стен были покрыты двуслойной известковой штукатуркой. Лишь одно погребение юного человека в каменном ящике было не тронуту грабителями, тогда как грандиозный склеп был пуст и сильно разрушен в процессе выборки камня после ограбления. В дромосе склепа были зафиксированы следы жилища, устроенного там не ранее VI в. н. э. Два впускных погребения I-II вв. н. э. были совершены в западной поле насыпи. Несмотря на огромные траншеи, воронки и грабительские мины, структура, по которой можно реконструировать возведение насыпи, была зафиксирована по нескольким стратиграфическим разрезам (рис. 3). Она досыпалась в процессе возведения стен склепа и укреплялась слоями суглинка по двум — трём ярусам. Основанием насыпи был первоначальный курган, насыпанный незадолго до строительства склепа.

Другие раскопанные насыпи в черте г. Керчь были **курганы Лесной I и Лесной II** [7, с. 137-151]. Это были земляные курганы, возведенные в античное время, судя по посвячительным и ри-

туальным комплексам IV вв, но не содержащими основных погребений. Нами было изучено лишь впускное погребение двух воинов с оружием I в. н. э. Курганные насыпи были возведены вблизи грандиозных гробниц курганного могильника Юз-оба.

Рядом с античным некрополем «Цементная слободка 1» были исследованы земляные насыпи **могильника «Нижний Солнечный 1»**. Оказалось, что насыпи были аккумулярованы культурным слоем и остатками временных построек военно-полевого лагеря Крепости «Керчь» XIX-начала XX в. Возможно, при планировании лагеря, были использованы остатки насыпи вокруг ограбленного погребения эпохи бронзы [11, с. 276-284].

Следующие курганы, которые были исследованы на Керченском полуострове вдоль трассы «Таврида», можно проанализировать по группам с разными конструкциями насыпей (рис. 4-8):

1. Классические земляные курганы, в основном возведенные в бронзовом веке, с подкурганскими и впускными грунтовыми захоронениями и каменными конструкциями (рис. 6).

2. Природные всхолмления, скальные останцы с впускными погребениями, которые на разных этапах истории человечества воспринимались как курганские насыпи (рис. 4,5).

3. Древние каменные ритуальные конструкции, возведенные на поверх-

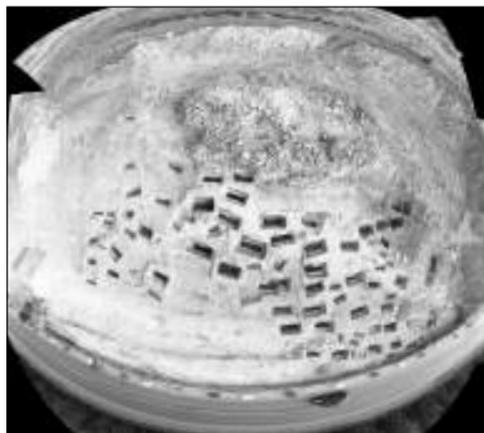

Рис. 4. Панорама кургана 2 курганной группы Александровские скалы 1 — участка некрополя I-II вв. н.э.

Рис. 5. Вид с запада на разрезы насыпи кургана 1 курганной группы Александровские скалы 2 на скальном останце

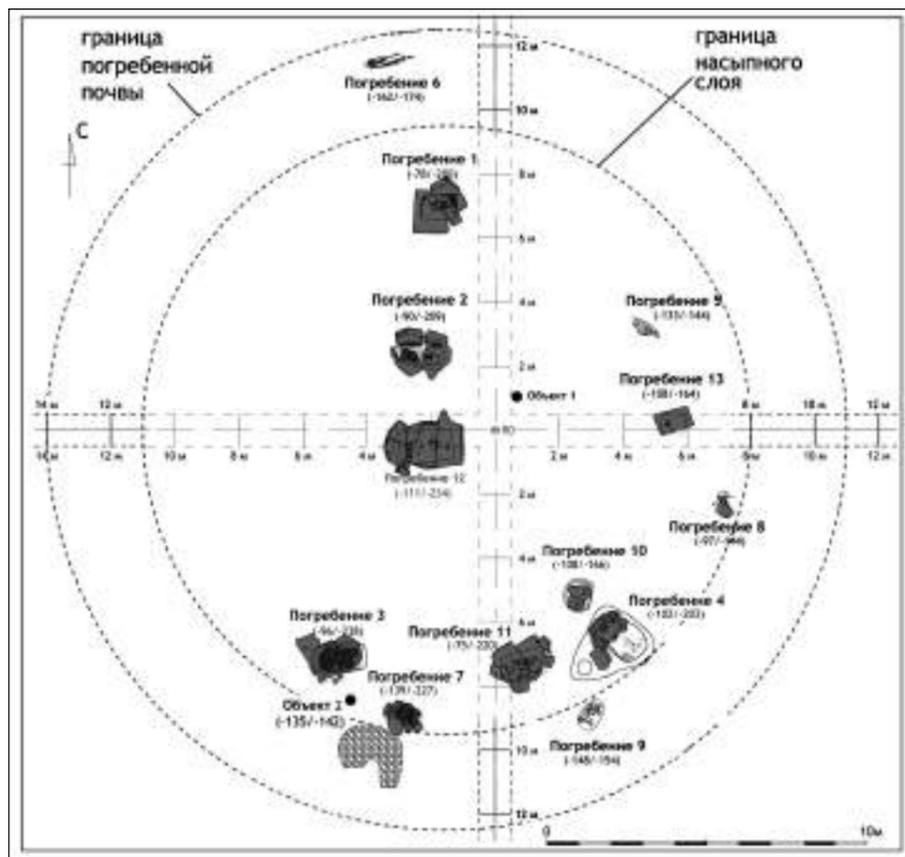
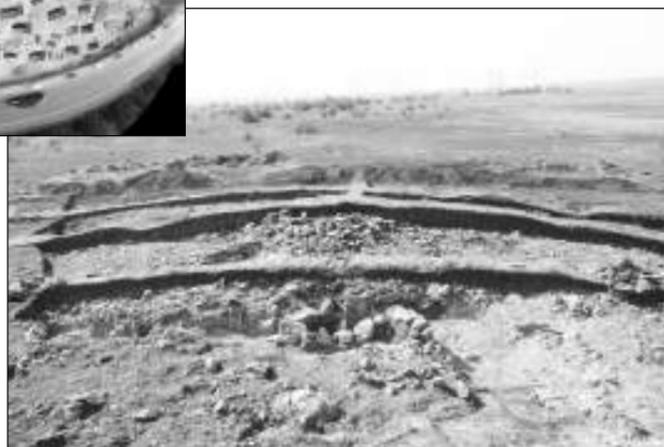

Рис. 6. План кургана 2 курганной группы Ак-Монайская 1

Рис. 7. Вид сверху на каменную конструкцию кургана 3 курганной группы Фонтан 1

ности и впоследствии перекрытые земляными насыпями (рис. 7-8).

Яркими и насыщенными древними объектами были курганы 1 и 2 курганной группы «Александровские скалы 1», расположенной в 10-10,4 км к юго-западу от г. Керчи вблизи укрепленного поселения римского времени — «Городище 11 км» [2, с. 20-32]. Курган 1 представлял собой невысокую, разрушенную полотном и кюветом асфальтированной дороги Керчь-Феодосия земляную насыпь, которая являлась частью курганной насыпи, возведенной над погребениями эпохи бронзы, совершенных в катакомбах. Исследованные четыре катакомбы были

сооружены в слое мергеля и в плотном песчанике. Положение скелетов и их пространственная ориентация были различны, однако, практически все имели на костях следы охры.

Курган 2 (рис. 4) представлял собой скалистый массив, на вершине которого при расчистке дернового слоя был зачищен развал каменной конструкции, сложенной из необработанных известняковых камней. Под ним в центре была выявлена частично сохранившаяся могильная яма овальных очертаний, где были найдены кости человека. Фрагменты гераклейских и хиосских амфор, найденные при разрушенном комплексе, вне всякого сомнения относились к этому погребению, которое следует датировать IV в. до н. э.

В процессе археологического изучения курганов и их прикурганного пространства было открыто два участка некрополя римского времени (I-II вв. н. э.), где был выявлен и исследован 251 археологический комплекс, представленный погребениями и тризнами, связанными с ними [2, с. 20-32].

Археологические раскопки проводились на курганах 1 и 3 «Курганной группы «Александровские скалы 2», расположенной в 1,8 км юго-западнее курганной группы «Александровские скалы 1».

Основанием кургана 1 являлся массив сильно выветренных руинированных рифовых верхнемиоценовых мшанковых известняков, залегающий на пачке морских глин с прослоями рыхлых известняков (рис. 5). Пространство между мшанковых известняков заполнено элювием и суглинками. Сверху скальный массив перекрыт дерном и слоем слабо гумусированного суглинка. На теле насыпи отчетливо просматривались следы заплывших траншей

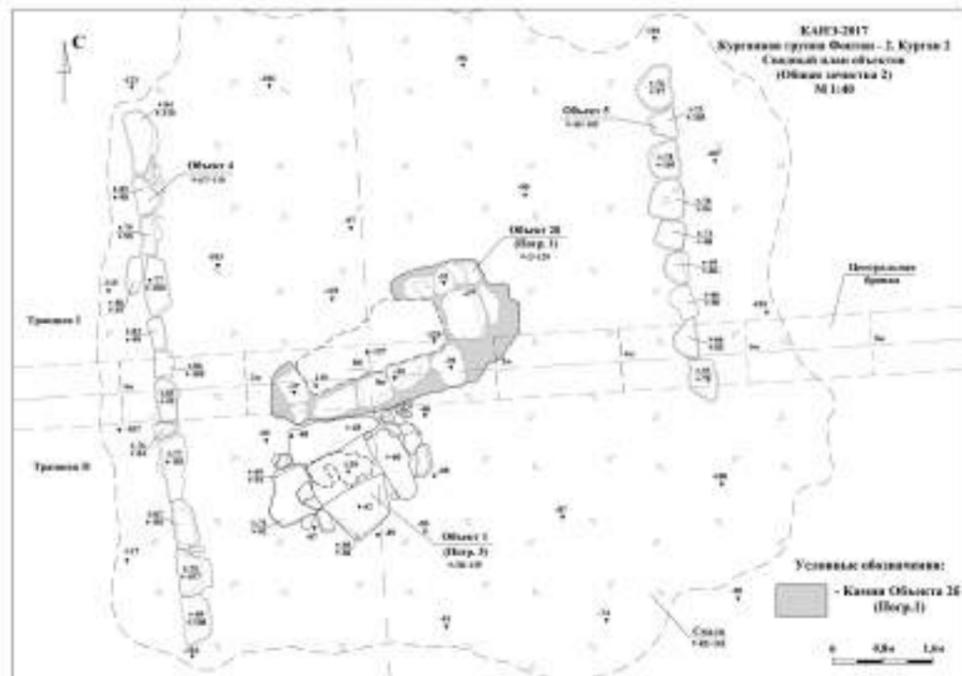

Рис. 8. Вид сверху и план каменной конструкции кургана 2 курганной группы Фонтан 2

окопов и блиндажей времен Великой Отечественной войны, которые опоясывали курган с севера, востока и запада. В результате проведенных археологических раскопок кургана 1 было выявлено 9 погребений разных эпох, начиная с позднего этапа ямной — раннего этапа Каменской культуры Восточного Крыма, совершенных в простых грунтовых могилах. Было выявлено каменное кольцевое сооружение в центре, сложенное из необработанных камней. В её центре располагались остатки каменного ящика, сложенного из тщательно обработанных известняковых плит III-II вв. до н. э. Ниже каменного ящика был зачищен скелет человека, зафиксированный в скорченном положении на левом боку головой на восток.

Курган 3 представлял собой грунтовую насыпь диаметром 20-30 м, практически полностью уничтоженную систематической распахкой. В процессе археологического исследования кургана было выявлено три погребения первой половине II тыс. до н. э., совершенных в грунтовых могилах овальной в плане формы. Все выявленные погребения были сконцентрированы в западной части курганной насыпи.

Курган «Султановка» (курган № 1062, уч. № 1239) представлял собой природный скальный останец, который покрыт небольшим слоем почвы, который в верхней центральной части имел мощность до 25 см, а в районе подошвы до 60 см. На наиболее хорошо сохранившейся северо-восточной части холма удалось расчистить остатки кромлеха, который практически полностью был утрачен на других участках [10, с. 190]. Кромлех состоял из камней размерами до 35-40 см, которые лежали в один-три ряда. Реконструируемый диаметр кромлеха по внутреннему краю — до 23-24 м, по внешнему — до 28-29 м. С севера прослежено ответвление кладки, возможно выполнявшее функцию вымощенного камнем прохода к кургану и центральному погребению. Кромлех, вероятно, связан с самым ранним центральным погребением эпохи поздней бронзы.

В античное время холм также использовался для совершения погребений и ритуальных действий. С этим периодом связаны многочисленные фрагменты амфор, вероятно, использованные для тризны и обнаруженные на камнях кромлеха эпохи бронзы; два погребения №1 и №3.

Земляные насыпи перекрывали комплексы курганов Луговое Западное 1, курган 3, Ленинское Северо-восточное 1 [6, с. 204-212; 10, с. 190-201].

Курганная группа «**Луговое западное 1**», **курган 3** — это полностью распаханый земляной курган, включающий 5 погребений, содержащих костные останки людей и одно скопление костей человека, возможно разрушенное и перемещенное еще в древности. Наиболее раннее погребение, вероятно, относится к Ямной культурно-исторической общности. Погребение с бронзовым втульчатым наконечником стрелы относилось к раннему железному веку. Самое позднее погребение относится к позднему средневековью без предметов погребального обряда.

В насыпи **кургана «Ленинское Северо-восточное 1»** и под ней, было изучено и зафиксировано семь погребений, относящихся к различным эпохам. Наиболее раннее погребение, выявленное при раскопках кургана, вероятно, относится к бронзовому веку и может быть связано с Ямной культурно-исторической общностью. С этим погребением связано создание первой курганной насыпи, которая фиксируется в виде слоя серо-коричневого суглинка и перекрывает выброс материкового суглинка, прослеженный в стратиграфическом профиле. Следующий этап формирования насыпи, вероятно, связан с поздним бронзовым веком. Эта вторая генерация насыпи представлена слоем светло-коричневого суглинка. В ходе хозяйственной деятельности в XX столетия верхушка кургана была распахана. Самое позднее сохранившееся погребение №5 является впускным и относится к середине I тыс. до н. э. В насыпи прослеживались остатки каменного панциря.

Земляной, частично сложенной из дерново-суглинистых блоков была насыпь кургана 2 курганной группы «Ак-Монайская 1» (рис. 6) на территории Батальненского сельского поселения Ленинского района Республики Крым [1, с. 36-56]. В процессе археологического исследования кургана было выявлено тринадцать погребений, совершенных в грунтовых могилах с каменными перекрытиями и в некоторых случаях без. Несмотря на некоторые конструктивные различия погребений (ямы с заплечиками, простые ямы), они относятся к рубежу позднеямной и раннекатакомбной культур начала — первой трети II тыс. до н. э. Одно из погребений (погребение №6) являлось впускным и не относилось к основному ядру погребений эпохи бронзы. Оно может быть датировано временем не ранее начала V в. до н. э. на что указывает погребальный инвентарь.

Исследованный курган 1 курганной группы «Фонтан 2» представлял собой сложную грунтово-каменную структуру, в основании которой лежит каменная наземная конструкция, близкая по форме тем, что были прослежены в соседних курганах [5, с. 115]. Наиболее ранний этап существования памятника представлен объектами 1 и 2 (остатками каменной конструкции подквадратной в плане формы, сложенной ортостатной кладкой) и центральным панцирем, большая часть которого была разрушена более поздними впускными погребениями. От центрального панциря сохранились лишь крупные камни периферии в северо-западной части и небольшое количество камней внутренней забутовки. Ни одного погребения с этим периодом функционирования памятника связать нельзя. На следующем этапе в панцирь были впущены погребения, которые на основании инвентаря можно отнести к финалу бронзового века. Вероятно, в этот период была сформирована курганная земляная насыпь над каменной конструкцией.

Всего в кургане было исследовано восемь погребений. Все погребения могут быть уверенно отнесены к финалу

бронзового века. Часть погребальных сооружений была разрушена.

Курган 2 (рис. 8) — это сложный комплекс разновременных погребальных сооружений, выполненных в различных стилях и имеющих свои архитектурные особенности. Наиболее ранним является вырубленное в скале погребение 3, которое имело сложную конструкцию из массивных плит и было окружено камнями кромлеха, может датироваться финалом бронзового века. Следующим по времени погребальным комплексом является склеп V-IV вв. до н. э. В склепе было исследовано коллективное захоронение, состоящее из останков не менее 10 индивидов. Характерные находки (бронзовые наконечники стрел, зеркало) позволяют датировать данный склеп скифским временем. Чрезвычайно интересным оказалось самое позднее погребение 2 в кургане, которое предварительно датируется концом XII — нач. XIII вв. н. э. Оно было впущено в курган, при этом был частично разобран склеп скифского времени. Помимо интересной архитектуры, связанной с погребением и достаточно яркого погребального инвентаря, особый интерес вызывает способ умерщвления погребенного воина. В тело было забито железное тесло, которое, возможно, послужило инструментом жестокой казни.

Наиболее ранней конструкцией кургана 5 этой группы является наземное каменное сооружение в виде прямоугольника, примыкающее с севера к скальному выходу и окруженное двумя рядами вертикальных каменных стел. Позднее, в каменный панцирь внутри ограды были впущены погребения 1 и 2, которые на основе обряда и инвентаря можно отнести к финалу бронзового века. На финальном этапе, вероятно, в середине I тыс. до н. э. в центре комплекса было сооружено впускное погребение 3 в виде каменного ящика, заполнение которого позднее было разграблено.

Наибольший интерес в рамках данной работы представляют курган 3 Курганной группы «Фонтан 1», а также курган «Курган Ивановка», или кур-

ган 1 группы из трех курганов (№ 984, уч. № 3266)».

Выявленные памятники, несмотря на яркую архитектуру, имеют очень бедный сопроводительный инвентарь. Все исследованные памятники неоднократно были переиспользованы для совершения более поздних погребений вплоть до Нового времени. В связи с этим построение даже относительной хронологии данной группы объектов является непростой задачей. Относительная хронология позволяет выделить три предварительных широких этапа формирования этих сооружений в эпоху бронзы.

С первым этапом связаны подквадратные сооружения, обнаруженные в кургане 3 Курганной группы «Фонтан 1», кургане 5 Курганной группы «Фонтан 2» и кургане «Курган Ивановка группа из трех курганов (№ 984, уч. № 3266, курган 1)» (далее курган Ивановка). Возможно к этому же этапу относятся остатки ортостатных конструкций в кургане 1 Курганная группа «Фонтан 2».

Несмотря на то, что земляная насыпь кургана 3 курганной группы «Фонтан 1» была полностью распахана, большинство крупных камней, из которых состояла архитектура памятника, не были перемещены [5, с. 114-127].

Всего на памятнике с уверенностью можно выделить не менее четырех этапов формирования надмогильного сооружения.

К первому этапу относится строительство подквадратной ограды и П-образной конструкции из вертикально стоящих камней на предварительно выровненной площадке (рис. 7). С этим этапом нельзя уверенно связать ни одного погребения. Конструкция с вертикально стоящими камнями, судя по всему, находилась длительное время не перекрытой насыпью и являлась наземным архитектурным сооружением. Об этом говорит деформация расположения плит, их смещение, которые было бы невозможно, будь конструкция перекрыта насыпью. Вероятно, конструкция располагалась на небольшом всхолмлении, возможно антропогенного происхождения.

На следующем этапе в каменный панцирь было впущено одно погребение и, возможно, сформирован рядом кенотаф. После чего все пространство было перекрыто невысокой земляной насыпью, вокруг которой был выложен кромлех.

На третьем этапе в финале бронзового века в земляную насыпь было впущено три погребения. В процессе выкапывания могильных ям были пробиты не только слой земляной насыпи второго этапа, но и частично разрушен каменный панцирь под ней. Камни панциря вынимались и складывались на древнюю дневную поверхность по периметру могильной ямы.

На четвертом этапе к существовавшему кургану с кольцевым кромлехом были с юга пристроены две параллельных каменных полосы постелистой кладкой в один-два ряда камней, между которыми было совершено два средневековых погребения. Всего в ходе исследования было изучено 8 погребений.

Курган №1 из группы из 3-х курганов («Ивановка») [5, с. 114-127] представлял собой сложный комплекс разновременных погребальных сооружений, выполненных в различных стилях и имеющих свои архитектурные особенности. Памятник является погребальным комплексом бронзового века с впускным средневековым погребением. В основании кургана, также как и в случаях с памятниками курганная группа «Фонтан 1» курган 3 и курганная группа «Фонтан 2» курган 5, лежит каменная подквадратная наземная ортостатная конструкция, в центральной части которой располагался каменный панцирь. Конструкция панциря сохранилась лишь частично — с запада и юга хорошо прослеживаются крупные камни внешнего контура, представленные плоскими блоками из рванного камня размером до 80×80 см, внутреннее пространство было заполнено менее крупными камнями размерами до 30-40 см. Восточная и северная часть панциря разрушены, предполагаемая центральная часть сохранилась нетронутой. Признаков погребения непосредственно под камнями

панциря не выявлено. В северо-восточную часть панциря впушен каменный ящик — кенотаф, который, является самым ранним погребением на данном памятнике, но совершенным, безусловно, уже после того, как была сооружена подквадратная конструкция с центральным каменным панцирем.

Таким образом, выборка курганов Керченского полуострова, исследованные в этом проекте достаточно репрезентативна для понимания разнообразия

конструкций курганных насыпей этой территории для разных эпох. Все курганные насыпи, в основном, созданы в бронзовом веке, исключая античные гробницы и крупные насыпи «скифской погребальной традиции». Разнообразие объектов бронзового века связано с разного рода каменными конструкциями и их назначением. Степные курганы, содержащие лишь погребальные комплексы, перекрывались земляными насыпями, сложенными из дерново-суглинистых блоков.

1. Бейлин Д. В., Кислый А. Е., Рукавишников И. В. Курган эпохи бронзы на Ак-Монайском перешейке в Восточном Крыму: стереоскопия археологического времени и пространства. Древности Боспора. Т. 23. М. 2018. С. 36-56.

2. Бейлин Д. В., Рукавишников И. В. Александровские скалы 1 — курганный комплекс и античный некрополь (Республика Крым, Ленинский район). Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М. 2018. С. 20-32.

3. Кислый А. Е., 1993. Кромлехи и каменные оградки срубной культуры на Керченском полуострове. // Древности степного Причерноморья и Крыма. / Под редакцией: Тоцев Г. Н., Шаповалов Г. И., Михайлов Б. Д. Запорожье: Коммунар. Т. IV. 272 с.

4. Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тоцев Г. Н., 1994. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо— Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.). Запорожье: КФ ИА НАНУ; ЗГУ. 121 с.

5. Меньшиков М. Ю., Рукавишников И. В. Курганы Керченского полуострова с каменной архитектурой. По результатам спасательных археологических работ в 2017 г. Древности Боспора. Т. 23. М. 2018. С. 114-127.

6. Меньшиков М. Ю., Рукавишников И. В., Резниченко И. А., Юнкин Ж. А., Горболь Н. Ю. Курганы курганных групп Фонтан 1 и 2, Ленинское Северо-восточное 1 (Республика Крым, Ленинский район). Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М. 2018. С. 204-212.

7. Рукавишников И. В., Бейлин Д. В. Курганы "Лесной I-II" в окрестностях г. Керчи. Древности Боспора. Т. 23. М. 2018. С. 137-151.

8. Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Курган "Госпитальный" в Керчи (предварительное сообщение). Древности Боспора. Т. 23. М. 2018. С. 151-171.

9. Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Исследования кургана 4 курганной группы "Цементная слободка 1" в Керчи. Древности Боспора. Т. 23. М. 2018. С. 171-190.

10. Рукавишников И. В., Меньшиков М. Ю., Резниченко И. А., Горболь Н. Ю. Скифские памятники Ленинского района, исследованные по трассе "Таврида". Древности Боспора. Т. 23. М. 2018. С. 190-201.

11. Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Белик Ю. Л., Гаспарович С. Г. Курганный комплекс Нижний Солнечный I (Республика Крым, Ленинский район). Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М. 2018. С. 276-284.

The article summarizes the result of studies of the mounds of the Kerch Peninsula during the construction of the Tavrida track excavated in 2017. In total, more than 20 objects were studied chronologically from the Bronze Age, the Early Iron Age, containing complexes of the ancient tradition of the first centuries. AD, the Middle Ages, modern times. The mound mounds had different designs: formed over ancient structures, overlapping stone structures of the Bronze Age, representing rocky hills, and earthen mounds over deep burials. These studies made a great contribution to the study of funerary monuments of the Kerch Peninsula.

Keywords: Mounds, crypts, burials, Bronze Age, Early Iron Age, ancient tradition.

УДК 9;904

О. Ю. Соколова

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАСКОПОК НА ЮЖНОМ СКЛОНЕ НИМФЕЙСКОГО ПЛАТО (1972 — 2018)

В статье подводятся краткие итоги раскопок на южном склоне нимфейского плато в период с 1972 по 2018 годы.

Ключевые слова: Нимфей, святилище морских богов, система оборонительных сооружений, винодельни, гончарные речки.

Руины боспорского города Нимфея прослеживаются на северо-восточной окраине пос. Эльтиген (Героевское), г. Керчь (Республика Крым) [17, с. 178 — 181]. Его основание относится исследователями к 580–560 гг. до н. э. [18, с. 33]. Первые раскопки на территории города и его некрополя были осуществлены еще в XIX в. [22, с. VIII — XXX; 23, с. 220 — 245, 259, 261 — 263; 24, с. XXXIV — XXXV, LXVI — LXVII; 25, с. XIV — XVI, 101 — 102, 105 — 111, 119], а планомерное систематическое изучение памятника началось в 1939 г. археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и продолжается по настоящее время [42, с. 147 — 166; 43; 12, с. 61 — 79; 47, р. 298 — 301; 48, р. 121 — 126].

В 1972 г., в связи с планируемой застройкой участка к югу от городища, Н. Л. Грач были начаты исследования на южном склоне нимфейского плато — участки "К" и "М" [8, с. 272 — 273]. В результате многолетних работ удалось выявить разновременные

сооружения, охватывающие период от второй половины VI в. до н. э. по III в. н. э. (илл. 1)

В юго-восточной части участка в шурфе был выявлен фасад стены, высотой 80 см, сложенной из небольших плоских плиток с забутовкой между ними. По характеру кладки она относится к архаическому времени, а керамический материал позволяет датировать её концом VI — V вв. до н. э. Это свидетельствует о том, что данная часть города могла быть освоена еще в эпоху поздней архаики [9, с. 91 — 92; 12, с. 68].

В северной части исследуемого участка строительные остатки фрагментарны, что связано с многочисленными позднейшими перестройками. Здесь представлены фрагменты вымосток улицы и двора, отдельные части стен, система водостоков, колодец-водосборник с каменной обкладкой стен, которые можно датировать второй половиной V — IV вв. до н. э. [38, с. 16 — 19]. Особого внимания заслуживает

Илл. 1. Нимфей. Вид участка "М". Фото с квадрокоптера.
Оператор Нестеров А. В.

находка в кладке стены электровой монеты — статера г. Кизика, датируемого 410 — 330 гг. до н. э. [41, с. 71 — 72].

В IV в. до н. э. на южном склоне нимфейского плато начинает возводиться монументальный архитектурный ансамбль. В западной части этого комплекса расположен большой двор,

который с севера ограничен подпорными стенами (илл. 2), располагающимися вдоль древнего естественного склона плато, а вглубь террасы врезано помещение, разделённое на две части стеной с дверным проёмом. Возможно, при его строительстве был использован небольшой овраг, проре-

Илл. 2. Нимфей. Западная часть участка "М". Вид с юга.
Фотограф — С. В. Покровский.

завший склон. Помещение ориентировано по оси север-юг с некоторым смещением к западу. Площадь южной части помещения составляет около 25 кв. м. Восточная и западная его стены одновременно служат подпорными стенами террасы. Кладка их однолицевая, двухслойная, постелистая. Основанием восточной стены на высоту около 0,6 м от уровня пола служила подтесанная скала. С южной стороны в стене расположен дверной проем, оформленный кладкой из тщательно обработанных блоков известняка. Пол помещения — желтая материковая глина. В глиняном полу расчищено углубление, диаметр которого 1,58 м, а глубина — около 0,3 м. На полу и, частично, в углублении найдены архитектурные детали, предназначенные для отделки внутренних интерьеров — барабаны колонн с известковой облицовкой поверхности, четыре маленькие капители дорического ордера и капитель пилястры с росписью в виде ов, которые нанесены красной, синей и желтой красками. Основная масса находок из

слоя, перекрывавшего пол, датируется IV — III вв. до н. э., с включением материалов V в. до н. э. [29, с. 17 — 20].

Северная часть помещения отделена от южной стеной с дверным проёмом. Длина южного фасада этой стены на уровне пола составляет 4,78 м, северного — 3,75 м, сохранившаяся высота — 4,2 м, толщина — 0,75 — 0,8 м. Кладка стены двухслойная, по южному фасаду на высоту 2,2 м от уровня пола состоит из квадров и крупных кусков известняка, выше — иррегулярная, с попытками выдержать рядность, из квадров и кусков известняка, подтесанных по фасаду, разного размера. Кладка верхней части стены, высотой около 0,5 м, двухлицевая. Кладка северного фасада иррегулярная, из необработанных камней известняка разного размера. Нижняя часть северного фасада стены, на высоту до 1,5 — 1,6 м, что соответствует высоте дверного проема, представляет собой массив глины с бутовым камнем. Выше идет кладка из бутового камня на глине.

На расстоянии 1,3 м от западного угла стены расположен дверной про-

ём, шириной 1,17 м и высотой 1,5 м, оформленный кладкой из тщательно обработанных блоков известняка. В дверном проеме было зафиксировано два уровня порога. Нижний уровень представлял собой слой щебенки, толщиной 1,5 — 2,0 см, который прослеживался к югу от дверного проема. Следующий уровень — это слой плотно утрамбованной желтой глины, толщиной 5,0 — 6,0 см, который не выходил за пределы дверного проема, а в восточной его части были зафиксированы следы белой обмазки и пятно красной краски.

Западная стена северной части помещения представляет собой подтесанный вертикально слой материковой глины, восточная — на высоту до 1 м от пола — подтесанная скала, над которой прослеживается слой материковой глины, подтесанный вертикально. В процессе расчистки этого помещения никаких следов кладок, оформлявших восточную и западную его стены, не зафиксировано. Северная стена помещения не выявлена.

Различия в характере кладки стены, которая делит помещение на две части, позволяет высказать предположение, по крайней мере, о трех строительных периодах существования этой стены. По-видимому, третий строительный период связан с тем, что северная часть помещения прекращает свое существование, замуровывается дверной проём, а помещение засыпают.

В небольшом углублении около северного фасада стены с дверным проёмом был расчищен скелет собаки. По мнению Н. В. Молевой на Боспоре культовые захоронения собак являются жертвоприношениями хтоническим богам [19, с. 62].

А в юго-западном углу северной части помещения стояла амфора Гераклеи Понтийской, датированная концом 350 — 340 гг. до н. э. [21, с. 163 № НР. 64].

Засыпь в северной части помещения представляла собой чередующиеся слои светлого и серого суглинка, желтой материковой глины с тонкими

прослойками зеленой глины и золистого грунта. В слоях желтой глины находок не было, в остальных слоях найдено довольно значительное количество керамики. При этом следует отметить, что почти не фиксируются хронологические различия между материалами из верхних и нижних слоев засыпи. Преобладает, как обычно, амфорный материал, представленный изделиями разных центров производства. Многочисленны изделия Гераклеи, Фасоса, а также Хиоса с колпачковыми ножками. Представлены также изделия Лесбоса, хиосские позднепухлогорлые и с «перехватом», амфоры типа Муригиоль, Менде, единичны фрагменты синопских амфор, представленные самыми ранними типами. Можно отметить большое количество клейм, граффити и дипинти. Преобладают гераклейские клейма (36 экз.), среди которых самыми ранними являются клейма фабрикантов Архелая, Дионисия I, Сотера и Архестрата, деятельность которых приходится на конец V — начало IV в. до н. э. [15, с. 429], а основная масса гераклейских клейм относится ко времени от рубежа 80 — 70-х гг. до 50-х гг. IV в. до н. э. Это клейма магистратов Молосса, Стифона, Ликона, Керкина [20, с. 125; 15, с. 429]. Следующие по численности — фасосские клейма (18 экз.), датирующиеся в пределах 370–330 гг. до н. э. Клейма других центров немногочисленны: два мендейских клейма в виде отдельных букв, которые встречаются на ручках амфор типа «портичелло» датируемых первыми двумя десятилетиями IV в. до н. э. [20, с. 92], интересно клеймо на стенке хиосской амфоры, представляющее собой оттиск геммы с изображением пальметты.

Среди находок можно также отметить расписную и чернолаковую аттическую керамику, представленную фрагментами краснофигурных кратеров, рыбных блюдец, тонкостенных сосудов с сохранившейся росписью в виде ов, лекифов. Особенно интере-

сен фрагмент краснофигурного килика, который по аналогиям, найденным при раскопках Елизаветовского городища [2, с. 243, тб. XXXV, 15] и на некрополе Панское I [7, с. 41 — 45], можно датировать самым началом IV в. до н. э.

На основании датировки находок из засыпи северной части помещения можно высказать предположение, что она прекращает своё существование в середине — третьей четверти IV в. до н. э. [40, с. 15 — 16]. Функциональное назначение данного сооружения выявить пока не удалось.

С запада двор ограничен древним естественным склоном плато, представляющим собой массив жёлтой материковой глины, который был подрублен, а затем при помощи насыпного грунта приспособлен под ряды сидений (театрон). Выявлено 4 ряда сидений, которые открыты частично и уходят в западный борт раскопа. Ряды соединяются узкими лесенками-проходами. На плитах двух средних рядов выбиты буквы АΓΩ [35]. По центру расположена лестница, уходящая в западный борт участка, которая делит всё сооружение театрона на две половины [33, с. 245, илл. 5 — 6].

В северо-западной части комплекса зафиксированы стены из бутового камня, впущенные в насыпь искусственной террасы, которые предназначались для её внутреннего армирования, чтобы предохранить террасу от разрушения. Находки керамики в этих напластованиях немногочисленны. Они позволяют отнести возведение этого сооружения к рубежу V — IV вв. до н. э. или первой четверти IV в. до н. э. [40, с. 14 — 15; 44, с. 123 — 126, рис. 1-2]. Вдоль нижнего ряда театрона выявлен слой щебёночной вымостки, а далее к востоку расположена площадка, ограниченная с севера и юга параллельными стенами и двумя парадными входами — пропилеями. Комплекс архитектурных деталей, найденных в северной части площади, в совокупности с зафиксиро-

ванными *in situ* деталями позволили дать реконструкцию данного сооружения. Основание представлено двумя парами баз пилонов и колонн, расположенных по оси друг к другу, которые оформляют небольшой проём в стене, длиной 5,5 м. Анализ планировочной ситуации вокруг сооружения свидетельствует о том, что наиболее вероятная композиция главного фасада пропилона, определяемая положением двух его колонн, это двухколонный портик. Особенностью композиции является отсутствие общего стереобата здания, а проход между основаниями колонн и пилонов был грунтовый, с использованием щебёнки. Ширина портика в осях равна 3,05 м, общая высота от уровня вымостки до конька — 5,8 м [28, с. 85 — 88; 36, с. 66 — 69]. Все элементы, выполненные из местного камня — известняка, являются изделиями местных камнеобрабатывающих мастерских и свидетельствуют о высоком уровне мастерства их изготовителей. Поверхность большинства деталей покрыта специальным известковым раствором с добавлением мраморной крошки и тщательно отшлифована, создавая впечатление того, что они изготовлены из мрамора, а часть их была ярко раскрашена [27, с. 143 — 147]. Прекрасно сохранившаяся надпись на архитраве свидетельствует о принадлежности всего комплекса архитектурных деталей парадному входу — пропилеям [31, с. 368 — 373]. Палеографические особенности, а также упоминание в тексте имени и титулатуры боспорского царя Левкона, сына Сатира I, позволяют датировать надпись рубежом первой и второй четверти IV в. до н. э. [37, с. 99 — 121]. На расстоянии 18,75 м к югу от северных пропилей расположен аналогичное сооружение. От него сохранились основания двух пилонов и колонны, а также найден один из облицовочных блоков пилона [34, с. 206]. В кладке одной из стен эллинистического комплекса был обнаружен

фрагмент плиты, интерпретированный Е. В. Власовой как часть церемониального алтаря. В средней части этой плиты сохранилась часть надписи, представляющая собой окончание титулатуры Левкона I: ...δαν]δαριῶν καὶ ψεῦδο[v] [4, с. 133 — 137; 13, с. 13 № 10]. Сопоставление размеров и профилировки данной плиты с найденным архитравом, позволило прийти к выводу о том, что данный фрагмент является частью второго архитрава, который, вероятно, украшал фасад южных пропилей [37, с. 118]. За линией южных пропилей выявлен мощный водосток, который пересекает территорию двора по направлению с юго-запада на северо-восток. Северо-восточный конец водостока упирается в подпорную стену террасы, а продолжением его является жёлоб, который пронизывает кладку стены, толщиной 2,5 м. Большой двор расположен на террасе, которая также оформлена подпорной стеной. Усилия по выявлению её подошвы в настоящее время не увенчались успехом, хотя глубина шурфов достигает от 3 до 5 м. В одном из шурфов на уровне около 3,5 м от выявленного верха стены кладка образует уступ, шириной 15 — 20 см. На этом уровне прослеживается слой щебенки и плоских камней, толщиной 10 — 15 см и шириной до 50 см. Возможно, это уровень дневной поверхности на момент сооружения подпорной стены. В слое, который перекрывает нижнюю часть стены, представлен материал V — IV вв. до н. э. В кладке стены над уступом прослеживаются следы разрушений, которые могут свидетельствовать о землетрясении значительной силы: отдельные участки стены имеют наклон в разные стороны, а крупные камни сдвинуты с места [17, с. 111 — 138].

В центральной части комплекса расположен высокий цоколь из рустованных блоков, который оформляет террасу. С восточной и западной стороны расположены лестницы, со-

единяющие между собой террасы. У подножия восточной лестницы, ведущей вдоль каменного цоколя наверх, находится площадка, сложенная из тщательно обработанных монументальных плит известняка, на которую можно подняться по ступеням, окружающим её с трёх сторон. В двух плитах, примыкающих непосредственно к юго-восточному углу каменного цоколя, прослеживаются пазы, предназначенные для крепления каких-то крупных архитектурных деталей. Возможно, здесь находился алтарь. В западной части террасы находилось здание, помещения которого располагались на двух уровнях, соединявшихся лестничными маршами. Дверные проёмы, соединявшие между собой помещения первого этажа, были оформлены квадратной кладкой.

Различия в характере кладки отдельных участков стен этого сооружения позволяют говорить о перестройках, которым оно подвергалось. Для построек, относящихся ко времени строительства данного комплекса, характерно использование штучного камня, а в дальнейшем применяется камень разных размеров и качества обработки, а также отдельные архитектурные детали от разрушенных сооружений.

Центральное помещение, пол которого был вымощен крупными, тщательно пригнанными друг к другу плитами, располагалось на верхней террасе. Вход в него находился с северной стороны, о чём свидетельствуют сохранившиеся плиты порога. В северо-восточном углу вымостки выявлено устье цистерны, глубиной 3 м, которая была соединена трубами с цистерной № 2 по принципу сообщающихся сосудов [12, с. 77]. Материал из цистерны № 1 свидетельствует о том, что она была засыпана около середины III в. до н. э., вероятно, после разрушения комплекса [32, с. 175 — 185]. Вторая цистерна функционировала еще около столетия, т. к. была включена в систему новой застройки этой территории [11, с. 61; 12, с. 77]. В южной части

здания находилось помещение, стены которого были покрыты штукатуркой. Фрагменты её обнаружены на полу первого этажа, куда она обвалилась со стен в результате какой-то катастрофы. Площадь восстановленной поверхности облицовки составляет около 18 кв. м. Поверхность штукатурки расписана горизонтальными полосами жёлтого и красного цвета, разделёнными орнаментальными поясами. Вертикальные желобки прорезают поверхность штукатурки, имитируя квадратную кладку. Значительная часть поверхности стены испещрена разнообразными рисунками и надписями [10, с. 81 — 82; 6, с. 23 — 30; 5, с. 31 — 36; 45, с. 159 — 163]. Многочисленные изображения кораблей, среди которых особо выделяется рисунок большого корабля — триеры, на носу которого процарапано название «IZIZ», и надписи позволили Н. Л. Грачу интерпретировать весь строительный ансамбль как морское святилище, связанное с Афродитой в её ипостаси покровительницы моряков, а изображения корабля "Изида" на штукатурке — с фактом стоянки этого судна в гавани Нимфея [10, с. 82, 84, 86; 46]. В развале штукатурки было найдено большое количество фрагментов черепицы, преимущественно, боспорского производства, от перекрытия крыши, в том числе фрагмент синопской черепицы с клеймом с эмблемой «орел на дельфине», а также фрагмент мраморного алтаря, который датируется концом IV в. до н. э. [13, с. 24 № 14].

После гибели святилища на верхней террасе возводятся два винодельческих комплекса рассчитанных на товарный сбыт вина [11; 12, с. 77]. Обе винодельни изначально имели по одной давяльной площадке и по одной цистерне. Их конструкция и белый цемянковый раствор, покрывавший стены и дно давяльных площадок и цистерн, свидетельствуют о строительстве виноделен во второй половине, скорее, ближе к концу III в. до н. э. При возведении винодельни № 1 были

использованы элементы разрушенного святилища. Винодельня № 2 погибла в результате пожара и больше не восстанавливалась. Винодельня № 1 просуществовала до середины II до н. э. Она была перестроена, добавлена вторая давяльная площадка, а для слива виноградного сула с неё было использовано основание алтаря, через который проложили желоб [26, с. 218 — 220; 3, с. 28, рис. 22,1 — 2; 23, 1 — 2]. В конце II в. до н. э. в северо-восточной части исследованного участка функционировала гончарная мастерская. Была расчищена топочная камера гончарной печи, но из-за отсутствия бракованных изделий, к сожалению, мы не можем сказать, что именно в ней обжигали [30, с. 140 — 144].

Появление производственных сооружений на месте городского культа свидетельствует о значительных изменениях, произошедших в экономической и хозяйственной жизни города в середине III в. до н. э. [12, с. 77]. Первыми веками н. э. датируются частично сохранившиеся комплексы усадеб, включающие остатки фундаментов стен зданий, каменных вымосток дворов с пифосами и многочисленными хозяйственными ямами, которые выявлены в верхних напластованиях на исследуемом участке. В кладке одной из вымосток был использован фрагмент верхней части надгробия I в. н. э. [38, с. 16 — 19].

Следует отметить наличие в этом районе города ещё одной гончарной печи, которая датируется третьей четвертью — концом I в. н. э. Сохранился под обжигательной камеры с продухами, местами разрушенный позднейшими постройками. Его диаметр около 1,8 м [39, с. 15; 40, с. 17].

В ходе исследований на южном склоне нимфейского плато выявлено использование отдельных элементов архитектурного комплекса эллинистического времени при формировании фортификационной системы Нимфея. В частности, подпорные стены террас в более позднее время неодно-

кратно подвергалась реконструкции и использовались при возведении второй, третьей и четвертой куртин оборонительных сооружений. Составной частью исследуемой оборонительной системы является оборонительная башня. При её строительстве была произведена подтепка скалы и подрубка материковой глины в виде площадки, которая служила внутренним заполнением основания башни, а также использовались в качестве фундамента при возведении внутренних стен. Система оборонительных сооружений в этой части города прекращает своё существование вероятно, около середины — третьей четверти II в. н. э. Об этом свидетельствует развал гончарной печи, который перекрыл третью куртину оборонительной стены. Среди обломков саманных кирпичей и золы и рядом с развалом печи найдены фрагменты амфор со светлой обмазкой, валикообразным венчиком, массивными круглыми в сечении ручками, датирующиеся концом II — первой половиной III вв. н. э. [14, тб. XXXV, рис. 84,а и б — тип 84; 1, с. 48 — тип 6.30]. Отдельные фрагменты имели трещины, вздутия и т. д. — явные следы производственно-го брака [29, с. 18].

На исследуемом участке южного склона нимфейского плато на глубине 0,6 м от дневной поверхности было расчищено погребение юноши (определение научного сотрудника МАЭ А. Громова). На безымянном пальце правой руки было надето железное

кольцо. Погребальное сооружение представляло собой каменный ящик из вертикально стоящих небольших плит известняка с плитовым перекрытием. По аналогии с ранее открытыми на городище захоронениями его можно отнести к периоду раннего средневековья. Интересен факт, что следы поселения этого времени зафиксированы на территории нимфейского грунтового некрополя.

Таким образом, можно отметить, что южный склон нимфейского плато был освоен жителями города уже к концу VI в. до н. э. А в IV в. до н. э. здесь проводятся грандиозные инженерные работы, идёт создание монументального архитектурного ансамбля, оформлявшего вход в город со стороны гавани. Используется крутой естественный склон, при этом осуществляется специальная подрубка материковой глины, а затем поверхность склона выравнивается при помощи насыпного грунта. Для предохранения террасы от разрушения используются подпорные стены и её внутренние конструкции в виде стен из бутового камня с сырцовыми надстройками. Без сомнения, строители ансамбля, расположенного на террасах склона, предусмотрели эффектный обзор с моря. Без сомнения, строители ансамбля, расположенного на террасах склона, предусмотрели эффектный обзор со стороны гавани и “кораблей, следовавших в Боспор Киммерийский на пути к царской столице Пантикапею и далее — в Меотиду” [10, с. 81].

1. Абрамов А. П. Античные амфоры. Хронологические признаки // БС. 1993. № 3. С. 4–135.
2. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: ЛО "Наука", 1980. 268 с.
3. Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М., 1999. 191 с.
4. Власова Е. В. Фрагмент посвятельной надписи из Нимфея // *Nupurboreus*. СПб.: 1994/1995. Vol. I, fasc. 2. С. 133 — 137.
5. Гавриленко Л. С. Исследования античной фрески из Нимфея III в. до н. э. // Реставрационный сборник. СПб.: 1997. С. 31 — 36.
6. Гаген Л. П. Реставрация античной фрески из Нимфея III в. до н. э. // Реставрационный сборник. СПб.: 1997. С. 23 — 30.

7. Горбунова К. С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М.: "Наука", 1977. С. 41 — 45.
8. Грач Н. Л. Нимфейская экспедиция // АО 1972. М.: 1973. С. 272 — 273.
9. Грач Н. Л. Полевой сезон 1980 г. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 1982. Вып. XLVII. С. 91-92.
10. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее (предварительное сообщение) // ВДИ. 1984. № 1. С. 81 — 98.
11. Грач Н. Л. Полевой сезон 1985–1986 гг. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 1988. Вып. LIII.
12. Грач Н. Л. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: 1989. С. 61 — 79.
13. Древний город Нимфей. Каталог выставки. Борисовская С. П. (ред.). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1999. 138 с.
14. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
15. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.
16. Качарава Д. Д., Квиркелия Г. Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991. С. 178 — 181.
17. Корженков А. М., Ларьков А. С., Овсоченко А. Н., Соколова О. Ю. Следы сильных землетрясений в руинах боспорского города Нимфея // БИ. Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь, Керченская городская типография, 2018. Вып. XXXVII. С. 111 — 138.
18. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация на Боспоре // Причерноморье VII — V вв. до н. э.: письменные источники и археология. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани — 1987. Тбилиси: "Мецни-ереба", 1990. С. 30 — 47.
19. Молева Н. В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Боспорское царство как историко-культурный феномен. ТД. СПб.: 1998. С. 60 — 62.
20. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1999. 679 с.
21. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. Н., Федосеев Н. Ф., Чурекова Е. Б. Амфоры VI — II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов: типография "Новый проект", 2016. 222 с.
22. ОАК за 1876 год. СПб.: 1879. С. VIII — XXX.
23. ОАК за 1877 год. СПб.: 1880. С. 220 — 245, 259, 261 — 263.
24. ОАК за 1878 — 79 год. СПб.: 1881. С. XXXIV — XXXV, LXVI — LXVII.
25. ОАК за 1880 год. СПб.: 1882. С. XIV — XVI, 101 — 102, 105 — 111, 119.
26. Соколова О. Ю. Новые винодельческие комплексы эллинистического времени из Нимфея // Проблемы античной культуры. ТД Крымской научной конференции. Симферополь: 1988. С. 218 — 220.
27. Соколова О. Ю. Новые находки из Нимфея // Боспор и античный мир. Нижний Новгород: 1997. С. 143 — 147.
28. Соколова О. Ю. К вопросу о памятниках ионийского ордера из Нимфея // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. ТД. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1998. С. 85 — 88.
29. Соколова О. Ю. Исследования Нимфея в 1999 году // ОАС ГЭ за 1999 г. ТД. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2000. С. 17 — 20.
30. Соколова О. Ю. О керамическом производстве в Нимфее // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь: 2001. С. 140 — 144.
31. Соколова О. Ю. Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 368 — 373.
32. Соколова О. Ю. Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 года) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сб. статей. К шестидесятилетию М. Б. Пиотровского. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. С. 175 — 185.
33. Соколова О. Ю. Нимфейская экспедиция в 2015 г. // АСГЭ. СПб.: 2017. Вып. 41: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 238 — 247.
34. Соколова О. Ю. Архитектурный комплекс на южном склоне нимфейского плато // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 1. Отв. ред.-сост.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 202 — 208.
35. Соколова О. Ю., Буйских А. В. Исследования Нимфея // Археологічні дослідження в Україні — 2010. Гл. ред. Козак Д. Н. Київ, Полтава: ІА НАН України. 2011. С. 313 — 314.

36. Соколова О. Ю., Долинская Н. В. Нимфейский пропилон. Вопросы реконструкции и датировки // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции (27–29 июля 2001). Керчь: 2001. С. 66 — 69.
37. Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hesperoboreus*. СПб.: 2002. Vol. 8, fasc. 1. С. 99 — 121.
38. Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. Работы Нимфейской экспедиции // ОАС ГЭ за 1998 г. ТД. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1999. С. 16 — 19.
39. Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. Нимфейская экспедиция в 2000 г. // ОАС ГЭ за 2000 г. ТД. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 14 — 16.
40. Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. Исследования Нимфея в 2001 г. // ОАС за 2001 год. ТД. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002. С. 14 — 17.
41. Терещенко А. Е. Электрический кизикин из Нимфея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. ТД. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1999. С. 71 — 72.
42. Худяк М. М. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. // ТОАМ. 1945. Т. I. С. 147 — 166.
43. Худяк М. М. Из истории Нимфея VI — III вв. до н. э. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962.
44. Чистов Д. Е. Система искусственных террас на южном склоне Нимфейского плато // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. I. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 123 — 126.
45. Gagen L. P., Gavrilenko L. S. The study and restoration of antique fresco from Nymphaeum (Northern Prichernomorje, 3rd cent. B. C.) // Fifth International restorer seminar. Budapest: 1985. Vol. I. S. 159 — 163.
46. Grac N. Das Neul en tdeckes Fresce aus Hellenistischer zeit in Nymphaeum on dei Kertsch // *Scythika*. Munchen: 1987. S. 46 — 65.
47. Sokolova Olga Y. Nymphaeum archaeological expedition of State Hermitage Museum // *Hesperoboreus*. СПб.: 2005. Vol. 11, fasc. 2. P. 298 — 301.
48. Sokolova Olga Y. The Nymphaion expedition of the State Hermitage Museum (2006–2013) // *Hesperoboreus*. СПб.: 2015. Vol. 21, fasc. 1. P. 121 — 126.

The article summarizes the results of excavations on the southern slope of the nymphaion plateau in the period from 1972 to 2018.

Keywords: *Nymphaeum, sanctuary of the sea gods, a system of fortifications, wineries, pottery kiln.*

УДК 9 (902)

А. А. Супренков

УЗУНЛАРСКИЙ ВАЛ: К ХРОНОЛОГИИ СООРУЖЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2015-2017 ГГ¹.

В статье представлены результаты работ на Узунларском валу в Восточном Крыму в 2015-2017 гг. В ней рассматривается археологический материал, найденный в их процессе, и делаются некоторые предположения относительно хронологии памятника.

Ключевые слова: *Узунларский вал, археологический материал, хронология.*

Узунларский вал — самый протяжённый и наилучшим образом сохранившийся среди валов Восточного Крыма и, по-видимому, вообще самый крупный памятник археологии юга России. История его исследований подробно изложена в монографии А. А. Масленникова [13], а также в сокращённом виде, но с учётом новейших работ, публиковалась нами ранее [16, с. 26-37]. Вал простирается от Азовского моря на севере до Узунларского озера на юге. Его длина, по некоторым подсчётам, может достигать 40 км, совокупная ширина рва и основания вала — 35-40 м, а высота от дна рва до вершины насыпи — до 8 м. С конца XVIII в. этим объектом интересовались Ж. Ромм, П. С. Паллас, П. Сумароков, И. Релли, И. Стемковский, И. Бларамберг, Д. де Монтперо, А. Демидов, А. Ашик, Е. Мюральт, А. Фабр, Ю. Ю. Марти, В. Ф. Гайдукевич, В. Д. Блаватский, Р. В. Шмидт,

К. Э. Гриневиц, Н. И. Сокольский, Б. С. Мосейчук, А. А. Масленников, С. Г. Колтухов. Несмотря на этот внушительный список географов, историков и археологов, точек зрения относительно хронологии Узунларского вала, не так много. Ю. Ю. Марти на основании изучения объектов вблизи линии вала полагал, что первоначальная насыпь возникла ещё в эпоху до присоединения Феодосии при Левконе I [12, с. 48, 89]. Такого же мнения придерживался и Р. В. Шмидт [22, с. 278]. Н. И. Сокольский считал, что Узунларский вал мог быть ещё более древним и возник в до-греческую, киммерийскую эпоху [18, с. 94]. В. Ф. Гайдукевич предлагал более раннюю датировку вала — конец V в. до н. э. [4, с. 94]. В новейшее время, по результатам охранно-спасательных работ начала XXI в. С. Г. Колтухов, А. А. Труфанов и В. Б. Ужинцев предложили несколько более позднюю датировку — IV — первое десятилетие III вв. до н. э. [8, с. 180]. Наконец, на

¹ Выполнено в рамках научно-исследовательской работы АААА-А18-118011-790092-5.

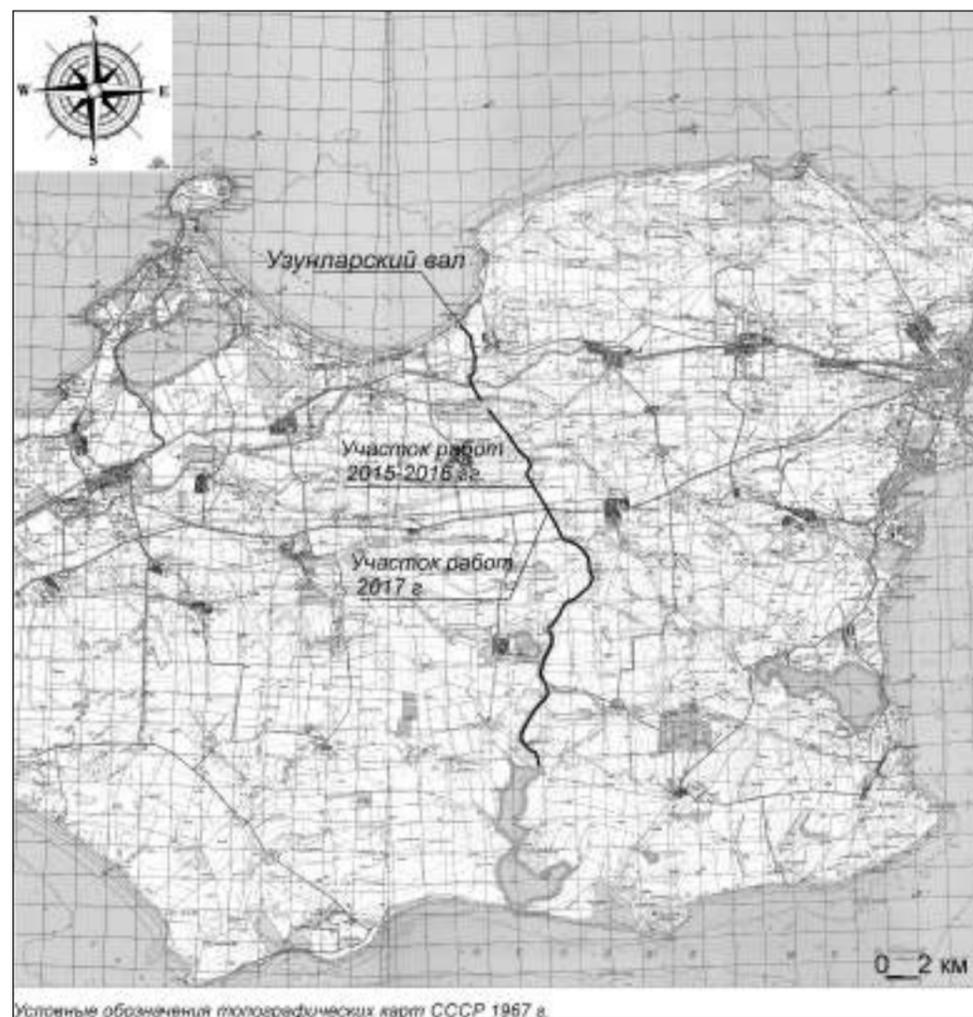

Рис. 1. Географическая карта Керченского полуострова с обозначением Узунларского вала и участков работ 2015-2018 гг.

основании многолетних комплексных исследований, проводимых на Узунларском валу Восточно-Крымской экспедицией её руководитель А. А. Масленников пришёл к выводу, что вал возник «либо в IV, либо в начале III в. до н. э.» [13, с. 208], отдавая предпочтение второму варианту.

В ходе разведок 2015 г. отрядом экспедиции Института Археологии РАН под нашим руководством был обследован участок вала к северу от шоссе Керчь-Феодосия и западу от посёлка Горностаевка. Здесь в линии вала находился видимый проезд шириной около 20 м, а в 30 м к востоку от него большой курган ($d \pm 40$ м, $h \pm 4$ м) с грабитель-

ским шурфом на вершине с керамикой античного времени в отвале. Год спустя на этом участке был заложен большой раскоп (более 8 000 кв. м.), включивший в себя линию рва-вала, упомянутый курган, прикурганное пространство и весь участок между земляными сооружениями.

В результате проведённых работ здесь было исследовано более 70-и археологических объектов различного типа и хронологических периодов (рис. 2). Среди них ров, вал и курган, основание каменной башни на вершине кургана (рис. 2.1), множество углублённых в материк объектов, среди которых выделялся «П-образный ров» (рис. 2.2.),

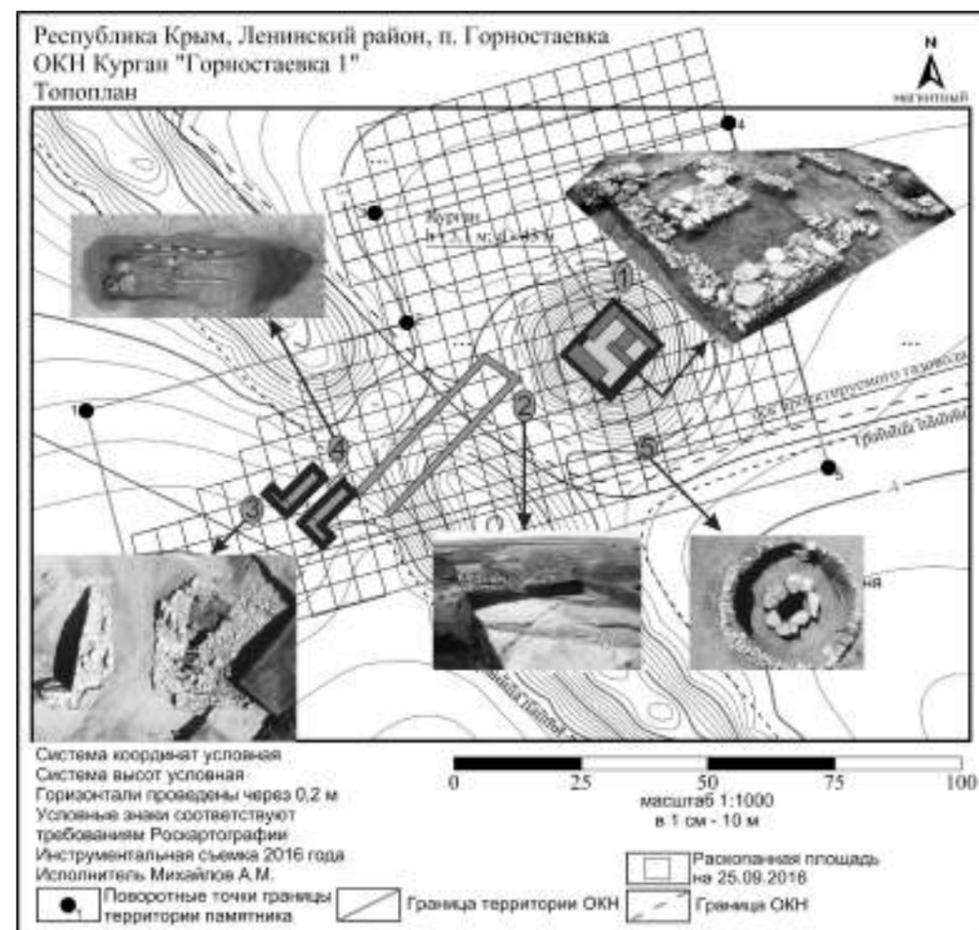

Рис. 2. Узунларский вал. План раскопа 2016 г. с указанием отдельных археологических объектов. 1. Фундамент башни на вершине кургана. 2. «П-образный» ров. 3. Каменный ров через мост, т.н. «Боспорские ворота». 4. Погребение 4.5. Каменная обкладка погребения под центральной насыпью

огораживающий проезд через ров-вал первого строительного периода, каменный мост через ров второго строительного периода — т.н. «Боспорские ворота» (рис. 2.3) и несколько погребений, среди которых выделим погребение 4 (рис. 2.4), выявленное между опорами моста, а также захоронение под курганной насыпью с двойной каменной обкладкой (рис. 2.5), увы, ограбленное [19, с. 230-257].

Обратимся к хронологии выявленных объектов. Археологический материал на памятнике был представлен многочисленными находками от классической до позднесредневековой эпох. В процентном соотношении он

был распределён следующим образом: находки V в. до н. э. — 2,5%; IV в. до н. э. — 13%; III-II вв. до н. э. — 11%; I в. до н. э. — 18%; I в. н. э. — 22,5%; II-III н. э. — 20%; IV-VI вв. н. э. — 1%; VII-IX вв. — 7%; Средние века — Новое время — 3,5%.

Первая группа материала была представлена небольшим числом находок. К указанному времени могут относиться три трёхгранных бронзовых наконечника стрел V-IV вв. до н. э. [15, табл. 8: 3, 4], найденные у северного подножия курганной насыпи и на склоне вала. Этим же столетием могут датироваться несколько амфорных фрагментов. Среди них две ручки пухло-

горлых хиосских амфор², одна из них — первой половины — третьей четверти V в. до н. э., вторая — первой половины V в. до н. э. Ручка хиосской амфоры конического типа датировалась концом V — третьей четвертью IV в. до н. э.; ножка хиосской амфоры развитого пухлогорлого варианта относилась ко второй четверти V в. до н. э. венчик и ножка хиосских амфор прямогорлого варианта ботрос — к четвёртой четверти V в. до н. э., венчик мендейской амфоры на рюмкообразной ножке варианта раннего/портучелло — к концу V — первой четверти IV в. до н. э., ручка амфоры круга Фасоса — к середине — концу этого столетия. Был также найден и венчик лесбосской амфоры первой половины V в.

Относительно первой группы следует отметить, во-первых, её малочисленность, во-вторых, происхождение предметов, датирующихся V в. до н. э. в основном из около курганного пространства. Возможно, их наличие связано в каком-то погребением, впущенным в насыпь кургана, вероятно, ещё более раннего³.

Что же касается IV в. до н. э., то этот материал представлен уже существенным числом находок (рис. 3). Они происходили из слоя на вершине кургана, на котором стояли стены «башни», из заполнения «П-образного» рва, из нескольких хозяйственных ям вокруг кургана и частично из заполнения самого Узунларского рва. Очевидно, что данные постройки возникли в это время.

Разберём этот материал подробнее.

Он представлен 11-ю индивидуальными находками и 60-ю датируемыми фрагментами керамики. Среди коллекционных предметов «узкую» датировку имел ольвийский борисфен⁴ 310-270 гг. до н. э. [7]. Массовый материал был представлен импортными амфорами из Синопы, Гераклеи, Хиоса, Фасоса, Икоса, Менды, Косса, Аканфа,

² Определение массового материала С. А. Кононовой.

³ Традиционно подобные сооружения считаются относящимися ещё к эпохе бронзы [1, с. 56].

⁴ Определение монет П. П. Гецко.

Эрифр (рис. 3). Среди синопских встречался «пифоидный» и «конический» типы 2-3-ей четвертей IV в. до н. э. до н. э. Среди гераклейских — фрагменты типа I A и I-A-2 также 2-3-ей четвертей IV в. до н. э., пифоидного типа 1-ой четверти IV в. до н. э. и конического типа 2-ой трети IV в. до н. э. Среди хиосских — ножка 1-ой четверти IV в. до н. э.; фасосских — коническо-биконический тип 2-3-ей четвертей IV в. до н. э. Фрагменты амфор Икоса также датировались 2-3-ей четвертями и серединой IV в. до н. э. Среди фрагментов амфор Менды встречался тип на рюмкообразной ножке 2-3-ей четвертей IV в. до н. э.; Косса — тип II той же датировки. Попадались единичные обломки амфор Аканфа и Эрифр.

Таким образом, более половины датирующихся фрагментов относились ко 2-3-ей четвертям IV в. до н. э. К некоторым хронологическим выводам вернёмся чуть позже.

В следующий хронологический период наблюдается сокращение числа находок, особенно заметное во II в. до н. э. Артефакты этого периода представлены пантикапейским медный тетрахаком 220-210 гг. до н. э. [2, № 145], двумя фрагментами косских двустольных амфорных ручек с клеймами и двумя ручками синопских амфор с клеймами датирующихся 285-275 гг. до н. э.⁵

Массовой материал данной хронологической группы представлен фрагментами импортных амфор из Синопы, Косса, Родоса, Гераклеи, Эрифр.

Эти находки происходили из слоя на вершине кургана, хозяйственных ям и из заполнения рва. Отметим практически полное отсутствие родосских амфорных клейм и т. н. мегарских чаш, характерных для II в. до н. э.

В следующий период происходит заметный рост числа находок, начало которого пришлось на 2-ую половину I в. до н. э.

Индивидуальные находки этого времени представлены восьмью монетами

⁵ Определение керамических клейм Е. В. Болонкиной.

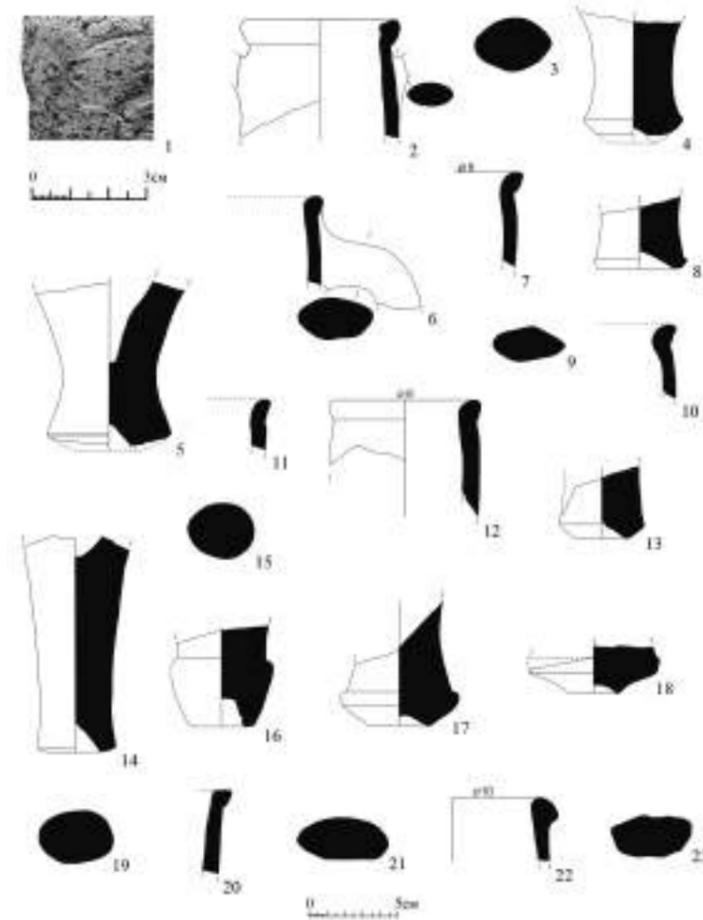

Рис. 3. Узунларский вал. Археологический материал IV в. до н.э. из раскопов 2016-2017 гг.

1. Ручка амфоры с верхним прилепом. Синопа, клеймо астинома Бория-1 (IV C — по И. Гарлану; 307-300 гг. до н.э. по Н. Ф. Федосееву); подъемный материал.
2. Фрагмент горла светлоглиняной амфоры. Синопа, конический тип, вариант I-A/B (1/2 IV в. до н.э.);
3. Ручка светлоглиняной амфоры. Синопа (IV в. до н.э.);
4. Ножка светлоглиняной амфоры. Синопа, конический тип, вариант I-B (2/4 IV в. до н.э.);
5. Ножка светлоглиняной амфоры. Синопа, конический тип, вариант I-A (1/3 IV в. до н.э.);
6. Фрагмент горла амфоры. Гераклея (IV в. до н.э.);
7. Венчик красноглиняной амфоры. Гераклея, пифоидный тип (1/4 IV в. до н.э.);
8. Ножка красноглиняной амфоры. Гераклея, пифоидный тип, (1/4 IV в. до н.э.);
9. Ручка красноглиняной амфоры. Гераклея (IV в. до н.э.);
10. Венчик красноглиняной амфоры. Гераклея, тип I-A, вариант I-A-2 (70-40-е гг. IV в. до н.э.);
11. Венчик красноглиняной амфоры. Гераклея, тип I-A, вариант I-A-2 (3/4 IV в. до н.э.);
12. Венчик красноглиняной амфоры. Гераклея, вариант I-A-2 (70-40-е гг. IV в. до н.э.);
13. Ножка красноглиняной амфоры. Гераклея, вариант I-A-2 (70-40-е гг. IV в. до н.э.);
14. Ножка красноглиняной амфоры. Гераклея, конический тип, вариант II-2 (70 — 30-е гг. IV в. до н.э.);
15. Ручка красноглиняной амфоры. Хиос, конический тип (IV в. до н.э.);
16. Ножка красноглиняной амфоры. Хиос, конический тип, вариант с колпачковой ножкой (1/4 IV в. до н.э.);
17. Ножка красноглиняной амфоры. Фасос, коническо-биконический тип, биконический вариант, развитая серия (2/4 — 3/4 IV в. до н.э.);
18. Ножка красноглиняной амфоры. Фасос, коническо-биконический тип, биконический вариант, развитая серия (2/4 — 3/4 IV в. до н.э.);
19. Ручка красноглиняной амфоры. Икос (2/4 — 3/4 IV в. до н.э.);
20. Венчик красноглиняной амфоры. Менда, тип на рюмкообразной ножке, мелитопольский вариант (2/4 — 3/4 IV в. до н.э.);
21. Ручка красноглиняной амфоры. Менда (1/4 — 3/4 IV в. до н.э.);
22. Венчик красноглиняной амфоры. Кос, тип II (2/4 — 3/4 IV в. до н.э.);
23. Ручка красноглиняной амфоры. Аканф (IV в. до н.э.).

и бронзовой фибулой, а также профилем сероглиняного двуручного кубка второй половины I в. до н. э. — I в. н. э. Медные пантикапейские оболы датируются двумя достаточно узкими периодами: 70-63 г. до н. э. [2, № 214] и 50-48 г. до н. э. [2, № 224], на каждый приходится по три монеты. Среди других монет — два медных халка Диоскуриады 105-90 г. до н. э. [21, рис. 1]. Бронзовая пластинчатая фибула датировалась концом I в. до н. э. — I в. н. э. [1, табл. 4-6].

Отдельно скажем о женском погребении (4), обнаруженном на восточном склоне Узунларского рва непосредственно между опор «моста». Погребальный инвентарь позволил В. В. Кропотову датировать его второй половиной I в. до н. э. [10, с. 281-287].

Датируемый массовый материал был в основном представлен фрагментами импортных амфор, среди которых Гераклея, Синопа и Колхида.

Большая часть вышеуказанных находок происходила из слоёв «башни» на вершине кургана. Среди других участков — заполнение П-образного рва, прикурганное пространство и ряд хозяйственных ям, а также котлован на северо-востоке раскопа.

Рост числа археологических находок в этот период легко объясняется исторически и археологически и соответствует времени возведения башни на вершине кургана и расширением рва, которое читалось стратиграфически. Эти события относятся ко времени правления Асандра, что находит отклик в письменных источниках [Strabo., VII, 4, 3], и было неоднократно доказано археологически [13, с. 208; 14, с. 141-170].

В I в. н. э. наблюдается ещё более интенсивный рост числа археологических находок на памятнике. Датированный материал представлен 15-ю индивидуальными находками и многочисленным массовым материалом. В первую категорию вошли: бронзовая лучковая подвязная фибула I в. н. э. [2, табл. 9:2] и керамическое

грузило усечено-пирамидальной формы, фрагмент лепного сапожкового светильника и лепное пряслице округлой биконической формы. Все эти находки датируются I-II в. н. э.

Массовый материал представлен, как и в предыдущем периоде, фрагментами амфор Гераклеи, Синопы и Колхиды.

Что касается столовой посуды этого времени, то были найдены венчик красноглиняного кувшина, каннелированная ручка кувшина с широкой датой I-III в. н. э. Отдельно упомянем два венчика и донце краснолаковых кубков понтийской сигиллаты А, форма 31 конца I — первой половины II в. н. э. [5].

Наибольшая концентрация находок вновь отмечена в границах объекта «башня» и на пространстве вокруг него, включая территорию, примыкающую к курганной насыпи. Много материала было найдено в заполнении Узунларского рва и П-образного рва, а также в ряде хозяйственных ям.

В следующем хронологическом периоде значительное число материала на памятнике сохраняется в первой половине II в. н. э., далее намечается его спад, особенно заметный в III в. н. э. К примеру, количество амфорного материала в первой половине III в. н. э., по отношению к первой половине II в. н. э., сокращается более чем в десять раз. Среди индивидуальных находок римский двойной денарий белого металла 249-251 гг. н. э. и бронзовая одночленная лучковая фибула первой — третьей четверти II в. н. э. [9, с. 75, 333]. Керамический материал представлен в основном поздними типами гераклеяских амфор. Находки локализованы главным образом снова на вершине кургана и на около курганном пространстве. Значительная их часть приходится на заполнение Узунларского рва.

Позднеантичный период представлен на памятнике весьма незначительно. Среди амфор этого времени фрагмент горла и венчик типа LR 1B второй четверти VI — первой половины VII в.

н. э. [17, с. 73]; колхидская ножка типа Kx 1D2 второй половины IV — середины VI в. н. э. [3, рис. 8]; ручка типа 96/97 по Зеест IV в. н. э. [16, рис. 6. 16], ручка амфоры типа «тиритацкой» второй половины IV — середины VI в. н. э. и ножка того же времени. [5, 103].

Этот материал был найден в основном в верхних слоях заполнения Узунларского рва. Отметим, что позднеантичный материал встречался нашими предшественниками и ранее на участках вала поблизости, и связывался ими с последней по времени реконструкции этого сооружения [11, с. 380-388].

Что касается находок салтово-маяцкого и средневекового времени, то очевидно, что этот материал появился вблизи линии вала намного позднее времени его возведения, но может свидетельствовать о том, что проезд античного времени использовался и в последующие эпохи.

В 2017 г. работы на Узунларском валу велись непосредственно к югу и северу от шоссе Феодосия-Керчь, южнее раскопа 2016 г. В их результате было получено несколько разрезов рва-вала, опубликованных нами ранее [20, с. 380-388]. Полученный археологический материал был малочисленным — всего 15 датируемых фрагментов керамики. Среди них были эллинистические находки⁶ — фрагменты фасосских и гераклеяских амфор IV-III вв. до н. э., находки I в. до н. э. — II в. н. э. — гераклеяские амфоры типа С I по Внукову середины I в. до н. э. — первой трети II в. н. э. и типа С по Шелову II в. н. э. Два фрагмента относились к позднеантичному периоду — конец IV — VII вв. н. э. В количественном отношении данный материал был распределён практически поровну и происходил в основном из верхнего горизонта рва⁷. В целом, этот

материал не «выпадал» из групп находок, выявленных в ходе работ 2016 г.

Вернёмся к ранней группе материала, которая хотя и косвенно, может говорить о времени сооружения Узунларского вала и объектов вблизи него. Многочисленные находки, выявленные в ходе работ 2016 г. приводят нас на вторую-третью четверть IV в. до н. э. Этим временем, напомним, датируются «П-образный» ров, огораживающий первый проезд, какая-то несохранившаяся постройка на вершине кургана, и ряд хозяйственных ям. Примерно на начало второй половины IV в. до н. э. указывает и анализ естественнонаучных данных, произведённый ранее А. А. Масленниковым [13, с. 230], хотя сам исследователь склонялся к более поздней датировке сооружения. В историческом контексте это время соответствует периоду роста и расцвета сельских поселений Восточного Крыма, которое имело место после присоединения Феодосии Левконом I (366-364 гг. до н. э.) и достигло наивысшего развития при Перисаде I. С деятельностью последнего правителя, по нашей гипотезе, и связано сооружение Узунларского вала, хотя мы и не имеем на этот счёт каких-либо прямых исторических указаний, за исключением очень пространного свидетельства Демосфена о войне Перисады со скифами [Dem., XXXIV, 8, 36], которая должна была иметь место до 328 г. до н. э.

В заключении отметим, что вопрос о датировке таких сооружений, как земляные рвы и валы крайне сложен при практически полном «молчании» письменных источников. Не исключено, что будущие исследования на Узунларском валу полностью поменяют предложенную нами сегодня точку зрения.

⁶ Определение А. В. Смокотиной.

⁷ В ходе работ 2017 г. ров не удалось выбрать полностью из-за высокого горизонта грунтовых вод на данном участке.

1. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
2. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986.
3. Внуков С. Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА № 4. М., 2012. с. 5-15.
4. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л., Изд-во Академии наук СССР, 1949. с. 71.
5. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь, 2010.
6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА № 83. М., 1960.
7. Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев.: Наукова думка, 1988.
8. Колтухов С. Г., Труфанов А. А., Ужинцев В. Б. Новые материалы к строительной истории Узунларского вала // Древности Боспора 6. М.: Институт археологии РАН, 2006. с. 176-184.
9. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев.: АДЕФ-Украина, 2010.
10. Кропотов В. В., Супренков А. А. Погребение I в. до н. э. на Узунларском валу // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения. Керчь, 2017. с. 281-287.
11. Ланцов С. Б., Голенко В. К. О западной границе Боспора в IV в. до н. э. // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. Спб., 1999. с. 177-181.
12. Марти Ю. Ю. Сто лет Керченскому музею. Керчь, 1926.
13. Масленников А. А., Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К., 2003.
14. Масленников А. А. Ещё одна башня у Узунларского вала // Древности Боспора 22. М.: Институт археологии РАН, 2018. с. 141-170.
15. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Д 1-4. М.: Наука, 1964.
16. Прокопенко С. Н., Супренков А. А., 2018. Валы Европейского Боспора: к истории изучения Акмонайского, Узунларского, Тиритакского и Вала Безкровного // Классическая и византийская традиция. Сборник материалов XII научной конференции. Белгород: Издательский дом Белгород. НИУ «БелГУ», 2018. с. 26-37.
17. Смокотина А. В. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ Вып. 19. Симферополь, 2014. с. 68-87.
18. Сокольский Н. И. Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА XXVII. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. с. 91-107.
19. Супренков А. А. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // Древности Боспора 23. М.: Институт археологии РАН, 2018. с. 230-257.
20. Супренков А. А., Требухина Н. Ю. Валы Тиритакский и Узунларский (Аккосов) (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. с. 380-388.
21. Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического // ВДИ 4 (191). М.: Наука, 1989. с. 91-96.
22. Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов // СА VII. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. с. 268-280.

Résumé: cet article présente les résultats des recherches de l'auteur sur le rempart Ouzounlarsky en Crimée Orientale en 2015-2017. On étudie le matériel archéologique reçu et fait quelques propositions concernant la chronologie de cet objet.

Mots-clé: rempart Ouzounlarsky, matériel archéologique, chronologie.

УДК 9:904

А. Е. Терещенко

ХЕРСОНЕС — ПАНТИКАПЕЙ: НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Сюжетное сходство в трёх монетных сериях херсонесской и пантикапейской чеканки было отмечено достаточно давно. В предлагаемой работе этот список дополнен ещё тремя монетными типами из эмиссий данных полисов. Как представляется, объяснение этих совпадений лежит только через понимание семантики монетных сюжетов. В статье рассматриваются все имеющиеся на сегодняшний день толкования образов в указанных сериях. Весьма любопытно, что все эти выпуски приходятся на IV — самое начало III вв. до н. э. Предполагается, что подобная переключка монетных сюжетов говорит о том, что многие образы сакрального мира воспринимались населением этих государств в едином ключе. Обуславливалось это не только общностью их происхождения как эллинов, но и самой ситуацией на территории их новой родины.

Ключевые слова: Херсонес, Пантикапей, монетная чеканка, монетные сюжеты.

Уже достаточно давно отечественные исследователи отмечали сюжетное сходство отдельных монетных выпусков херсонесской и пантикапейской чеканки. Среди таких сюжетов:

1) изображение шкуры с головы льва [1, с. 21; см. табл. I, 1, 1a]¹. Датировка: Херсонес, припл. конец 60-х — конец 50-х гг. IV в. до н. э. [17, с. 30, № 34]; Пантикапей, м. б. 340–335 гг. до н. э. [11, с. 120].

Здесь нельзя не отметить неожиданное и, честно говоря, несколько обескураживающее мнение С. А. Коваленко: «На пантикапейских монетах, в отличие

от херсонесских, представлена именно морда льва, о чём свидетельствует изображение зубов верхней челюсти» [6, с. 56]. На наш взгляд, данный аргумент, мягко говоря, не состоятелен²: если принимать в расчёт детали подобного рода, то реверсный сюжет херсонесских дихалков гораздо больше подходит под определение «изображение головы живого зверя». Подтверждением тому — чётко проработанные валики на переносице, обозначающие складки, которые появляются у крупных кошачьих при оскале. Всё это прекрасно видно на реверсном рисунке пантикапейских триоболов (табл. I, 2a). Шкура оскалится

¹ Фотографии монет взяты с сайтов: «Монеты Боспора. Каталог архив» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bosporan-kingdom.com>; «Монеты Тавриды» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tauriscoins.ru/>, остальные — с аукционных сайтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.coinarchives.com>; <http://www.wildwinds.com> и <https://www.acsearch.info>.

² Кстати, на хорошо сохранившихся экземплярах боспорских монет первой половины третьей четверти V в. до н. э. с изображением шкуры с головы льва, благодаря тщательной проработке рисунка, также прекрасно видны клыки (см. табл. I, 9).

не может, *ergo* — на монетах Херсонеса изображена голова живого льва!

Конечно, подобного рода версии не более чем упражнения в остроумии, в действительности же и на пантикапейских, и на херсонесских монетах этого типа изображён львиный скальп, хотя и с некоторыми особенностями, не свойственными обычному охотничьему трофею.

2) Сцена «лев, терзающий быка» на медных херсонесских халках и «лев, терзающий лань / оленя (?)» на серебряных триоболах Пантикапея [9, с. 80–81; см. табл. I, 3, 3a]. Датировка: Херсонес, третья четверть IV в. до н. э. [17, с. 33, № 72]; Пантикапей, м. б. 346–340 гг. до н. э. [11, с. 118–120].

3) Сюжет «бегущий лев с копьем в пасти», который Е. Я. Туровский считает прямым заимствованием с боспорских триоболов типа «голова сатира — стоящий лев с копьем» [16, с. 441; см. табл. I, 5, 5a]. Датировка: Херсонес, 325–320 гг. до н. э. [17, с. 33, № 79]; Пантикапей, м. б. 357–355 гг. до н. э. [11, с. 114].

Вместе с тем, как совершенно справедливо заметил Е. Я. Туровский, заимствования происходят только в сюжете, а «в конкретных чертах их воплощения штемпеля херсонесских резчиков самобытны и оригинальны» [16, с. 441]³.

Однако помимо указанных случаев, определённая (иногда абсолютная) тождественность реверсных рисунков присутствует ещё в нескольких местах:

4) «голова оскалившегося льва в профиль» (табл. I, 2, 2a). Датировка: Херсонес, третья четверть IV в. до н. э. [17, с. 30–31, № 37–51]; Пантикапей, м. б. 387 или 384–378 гг. до н. э. [11, с. 110].

5) «орлиноголовый грифон» (табл. I, 4, 4a). Датировка: Херсонес, 325–320 гг. до н. э. [17, с. 33, № 77]; Пантикапей, м. б. 327–319 гг. до н. э. [12, с. 331].

6) «протома пегаса» (табл. I, 6, 6a). Датировка: Херсонес, ок. 300–275 гг.

³ Хотя данный пассаж посвящён тетрахакам типа «квадрига — коленопреклонённый воин» [16, с. 442, рис. 1, 4a, б], на наш взгляд, эта характеристика применима ко всей херсонесской чеканке.

до н. э. [17, с. 36, № 115]; Пантикапей, м. б. 327–319 гг. до н. э. [12, с. 331].

Чрезвычайно любопытно, что среди достаточно обильной и разнообразной чеканки полисов Северного Причерноморья столь явная общность типологии наблюдается лишь в эмиссиях Херсонеса и Пантикапея, при этом выпуск практически всех указанных серий приходится исключительно на IV в. до н. э.

Объяснение этих совпадений лежит только через понимание семантики указанных монетных сюжетов, а это чрезвычайно трудная задача⁴. К настоящему моменту более-менее подробная попытка толкования образов была предпринята только по отношению к монетам с изображением льва, нападающего на травоядное животное. Напомним, что помимо Херсонеса и Пантикапея, данный сюжет присутствует также на монетах Киркенитиды (табл. I, 7), выпуск которых приходится на третью четверть IV в. до н. э.⁵

Совершенно очевидно, что перед нами сцена так называемого «благотерзания», в основе которого, как представляется, лежит идея сакральности верховной власти. Особо отметим, что наибольшее распространение этот сюжет получил в монетном деле малоазийских государств и тех немногих греческих полисов, которые располагались по границам эллинского мира. [9, с. 77, 81].

Относительно появления монет этого вида в Херсонесе, Пантикапее и Киркенитиде предполагалось, что их выпуск был сделан в ознаменование избавления от опасности, коей виделось передвижение скифов Атея из Нижнего Побужья в Добруджу в 352–345 гг. до н. э. Весьма показательно, что в эмиссии всех упомянутых полисов сцена терзания не фиксируется нигде, кроме этого краткого эпизода. Т. о. еще больше подчеркивается экстраординарность данного типа [11, с. 119–120].

⁴ Этот вопрос ещё очень слабо освещён даже в отношении пантикапейской чеканки.

⁵ Ок. середины IV в. до н. э. [5, с. 245, табл. XXXVIII, 15]; 350–325 гг. до н. э. [8, с. 102, № 419]; 330–320 гг. до н. э. [2, с. 115, № 407; 4, с. 98, № 604].

1. Херсонес. Дихалк, медь. Конец 60 — конец 50-х гг. IV в. до н. э.

1a. Пантикапей. Триобол. серебро. 340–335 гг. до н. э.

2. Херсонес. Халк, медь. Третья четверть IV в. до н. э.

2a. Пантикапей. Триобол. серебро. 387 (или 384)–378 гг. до н. э.

3. Херсонес. Халк, медь. Третья четверть IV в. до н. э.

3a. Пантикапей. Триобол. серебро. 346–340 гг. до н. э.

4. Херсонес. Обол, медь. 325–320 гг. до н. э.

4a. Пантикапей. Тетрахакал, медь. 327–319 гг. до н. э.

5. Херсонес. Дихалк, медь. 325–320 гг. до н. э.

5a. Пантикапей. Триобол. серебро. 357–355 гг. до н. э.

6. Херсонес. Халк, медь.
Ок. 300–275 гг. до н. э.

6а. Пантикапей. Дихалк, медь.
327–319 гг. до н. э.

7. Керчинитида. Тетрахалк, медь.
Третья четверть IV в. до н. э.

8. Пантикапей. Диобол, серебро. Конец второй — начало третьей четверти V в. до н. э. (м. б., 455–450 гг. до н. э.).

9. Пантикапей. Диобол, серебро.
Первая половина третьей четверти V в. до н. э. (м. б., 446–444 гг. до н. э.).

10. Самос. Медь. 394–365 гг. до н. э.

11. Пантикапей. Пентобол, серебро.
Ок. 215 — ок. 210 гг. до н. э.

12. Херсонес. Диобол, серебро.
Ок. 275–265 гг. до н. э.

Шкура с головы льва в фас. Относительно этого сюжета были высказаны следующие мнения⁶.

На Боспоре этот образ впервые встречается на монетах так называемых «аполлонийских» серий (табл. I, 8,

⁶ Рассмотрение сюжетов проводится не в хронологическом порядке, но по степени разработки темы.

9), выпускавшихся с конца второй по середину третьей четверти V в. до н. э. [13, с. 45]. Он был интерпретирован как символ хтонической ипостаси Аполлона — Аполлона Гиперборейского, связанного с потусторонним миром [10, с. 125]. Соответственно, подобного вида рисунок на монетах IV в. до н. э. (табл. I, 2а) также можно считать ука-

занием на культ Аполлона Гиперборейского [10, с. 146].

Что касается херсонесских монет данного типа, то, как считает С. А. Коваленко, их прототипом послужили монеты Самоса, выпускавшиеся в 394–365 гг. до н. э. [20, № 2298]. Причину использования самосского монетного типа автор видит в том, что херсонеситы, следуя примеру своей метрополии — Гераклеи Понтийской, — могли оказывать какую-то помощь самосцам, пострадавшим от афинской агрессии. Учитывая коммеморативный характер херсонесских монет, их чеканку следует расценивать прежде всего как демонстрацию симпатии по отношению к жителям Самоса [6, с. 57, 61–62].

Не исключено, что версия, предложенная С. А. Коваленко, близка к истине. Однако гипотеза о признании и призвании чужих богов (ведь именно в таком ракурсе следует понимать заимствование иноземной монетной типологии), в основе которой лежит такое эфемерное, с точки зрения государственной политики, понятие, как «симпатия», не выдерживает никакой критики. Наиболее вероятно, что символика данного сюжета полностью соответствовала религиозным воззрениям и традициям, существовавшим в Херсонесе в середине IV в. до н. э. Однако для нас остаётся загадкой, что конкретно стоит за этим образом.

Орлиноголовый грифон. Грифон у греков был издавна связан с представлениями о загробном мире. «Видимо, потому, что эти чудовища обитали в потусторонней области гипербореев, которая считалась священной страной Аполлона, мифотворческая фантазия греков связала грифонов с Аполлоном» [15, с. 163]. В целом нет никаких сомнений, что перед нами символ Аполлона — правда, не вполне понятно, в какой именно ипостаси, поскольку на Боспоре олицетворением Аполлона Гиперборейского, скорее всего, был львиноголовый грифон, изображаемый на золотых пантикапейских статерах.

Кроме того, и орлиноголовые, и львиноголовые экземпляры являются также органической частью в иконографии змееногого божества, которое было воплощением Великой богини в Северном Причерноморье, что является бесспорным свидетельством их служебной роли по отношению к этой богине [15, с. 164–165].

Отражение культа Аполлона видят в орлиноголовом грифоне Е. Я. Туровский и С. Г. Демьянчук. Учитывая, что в Херсонесе был популярен культ «божественной троицы» — Артемиды, Аполлона и их матери Латоны, присутствие на херсонесских дихалках изображений Девы⁷ и аполлонийской символики (табл. I, 4) выглядит совершенно естественным [18, с. 122–123].

Иной точки зрения придерживается И. Ю. Шауб. По мнению уважаемого исследователя, херсонесская *Парфенос* — это симбиоз греческой Артемиды, являющейся ипостасью Великой эгейской богини, близкой к Великой матери богов — Кибеле, и мрачной таврской богини-Девы, родственной Великой причерноморской богине [19, с. 263–265]. Следовательно, орлиноголовый грифон на херсонесских монетах мог представлять собой атрибут Девы [19, с. 268].

Ещё раз обратим внимание, что использование образа этого чудовища в чеканке *обоих* полисов приходится на рубеж 3-й — 4-й четверти IV в. до н. э. Затем, после некоторого перерыва, грифон ещё дважды появляется в херсонесской эмиссии: на серебре, датированном 275–265 гг. до н. э. [17, с. 40, № 196, 197; см. табл. I, 12] и медных дихалках последней четверти III в. до н. э. [17, с. 43, № 164, 167, 169; см. табл. I, 13]. Пантикапейские же монетарии обращаются к образу грифона только один раз, в конце III в. до н. э.⁸, при оформлении серебряных пентоболов (см. табл. I, 11).

Протома Пегаса. Пантикапейские медные дихалки с изображением этого мифологического существа (табл. I, 6а)

⁷ Дева (Παρθένος) — одна из эпитез Артемиды.
⁸ Ок. 215–210 гг. до н. э. [7, № 134].

13. Херсонес. Дихалк, медь. Последняя четверть III в. до н.э.

14. Пантикапей. Тетробол, серебро. Ок. 212 г. до н.э.

15. Пантикапей. Диобол, серебро. Ок. 205–195 гг. до н.э.

16. Пантикапей. Тетартеморий, серебро. 432/431–429/428 гг. до н.э.

17. Пантикапей. Диобол, серебро. 432/431–429/428 гг. до н.э.

18. Пантикапей. Гемидрахма, серебро. 378–372/1 гг. до н.э.

19. Пантикапей. Гемидрахма, серебро. 372/1–362/1 гг. до н.э.

20. Пантикапей. Гемидрахма, серебро. 364–361 гг. до н.э.

21. Пантикапей. Гемидрахма, серебро. 361–358 гг. до н.э.

22. Пантикапей. Гексадрахма, серебро. 355–354 гг. до н.э.

чеканились, как уже говорилось выше, предположительно, в период между 327–319 гг. до н. э. Особо отметим, что они составляют единую серию с тетраалками с протомой орлиноголового грифона (табл. I, 4a). С учётом общей аполлонийско-дионисийской направленности пантикапейской типологии было предложено видеть в изображении протомы Пегаса указание на новую для пантикапейской эмиссии IV в. до н. э. ипостась божества — Аполлона Мусагета [10, с. 149]. Эта гипотеза находит некоторое подтверждение в облике серебряных диоболов типа «Аполлон — лира» [10, с. 160], чеканившихся в конце III — начале IV вв. до н. э.⁹

Гораздо сложнее определить божество, которое символизирует крылатый конь, на херсонесских монетах, поскольку отсутствие каких-либо дополнительных дифферентов чрезвычайно затрудняет прояснение этого вопроса¹⁰. С одной стороны, это фантастическое существо, как правило, включают в круг аполлонийской символики. С другой — «партнёрами» Пегаса на всём протяжении истории чеканки греческих полисов выступали многие божества греческого пантеона, в том числе и Геракл [10, с. 149], который занимал ключевую позицию в пантеоне херсонеситов.

Голова оскалившегося льва в профиль. Для пантикапейской чеканки этот образ не нов. Впервые он появляется на серебряных тетартемориях ещё на рубеже 30-х / 20-х гг. V в. до н. э. [14, с. 342, 347; см. табл. I, 15]. Поскольку эти монетки входили в серию, на старших номиналах которой присутствует изображение Аполлона (табл. I, 17),

вполне логичным будет предположить, что «голова льва в профиль» также имеет непосредственное отношение к аполлонийскому культу.

Рисунки на херсонесской меди типа «голова оскалившегося льва в профиль — звезда», в свою очередь, были истолкованы как «наиболее распространённые атрибуты Аполлона, отражавшие его солярные свойства» [18, с. 122].

На общем фоне несколько особняком стоит рисунок «лев с копьём в пасти». Если все перечисленные выше изображения являются символами, то фигура льва с копьём, на наш взгляд, не что иное, как эмблема — во всяком случае, в пантикапейской чеканке. В монетном деле Пантикапея первой половины V в. до н. э. мы встречаем множество изображений львов в разных «геральдических» позах (см. табл. I, 15). Монеты с рисунками подобного рода чеканились с начала 70-х по середину 50-х гг. до н. э. [11, с. 111–114]: т. е. нет ни малейшего сомнения, что перед нами «говорящая эмблема правителя» — Левкона I [3, с. 57]. Чрезвычайно любопытно и показательно, что впоследствии ни один боспорский правитель, даже Левкон II, не прибегал к «львиной» тематике для оформления своей эмиссии, что, скорее всего, свидетельствует о величии Левкона I в глазах его потомков.

На херсонесской же меди аналогичная композиция в начале последней четверти IV в. до н. э. вновь ставит в тупик. Если присутствие этого образа в пантикапейской типологии вполне объяснимо, то понимание смыслового значения, вложенного в этот образ херсонесскими монетариями, весьма затруднительно.

Е. Я. Туровский и С. Г. Демьянчук, учитывая насыщенность херсонесской чеканки IV в. до н. э. аполлонийской символикой, предлагают и в этом сюжете видеть атрибутику культа Аполлона [18, с. 122–123]. Однако такая трактовка представляется чрезмерно поверхностной, несмотря на то, что иного объяснения этому феномену мы пока дать не состоянии.

⁹ Ок. 212 г. до н. э. [7, № 130; см. табл. I, 14] и ок. 205–195 гг. до н. э. [7, № 139; см. табл. I, 15].

¹⁰ Прибавим к этому крайнюю малочисленность данного типа, что указывает на кратковременность и экстраординарность выпуска. Поскольку доступные нам фотографии, в виду отсутствия хорошо сохранившихся экземпляров, не дают чёткой картины (табл. I, 6a), считаем необходимым представить описание этих монеток: Av. XEP. Протома пегаса влево. Rv. Стоящий анфас воин с копьём и щитом, слева надпись АΓΑΣ.

В заключение нашего краткого обзора считаем необходимым сказать следующее:

Подобная переключка монетных сюжетов, на наш взгляд, достаточно однозначно говорит о том, что, невзирая на разницу в политическом устройстве Херсонеса и Пантикапея и различия в

их культовой практике, мировосприятие жителей этих государств было сходно и многие образы, в т. ч. сакральные, понимались ими в едином ключе. Это было обусловлено не только общностью их эллинского происхождения, но и самой ситуацией на территории их новой родины.

1. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977. 202 с.
2. Анохин В. А. Монеты городов северо-западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.
3. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 250 с.
4. Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011. 328 с.
5. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА № 16. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 308 с.
6. Коваленко С. А. К хронологии двух групп монет Херсонеса Таврического // Монеты и медали. Вып. 2. 2004. С. 56–69.
7. Мельников О. Н. Датировка основных типов монет Боспора времени от Евмела до Перисада III. Дополнение к статье «Функциональное отклонение монетной системы Боспора III в. до н. э.». 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://coins.ucoz.ru/load/melnikov_o_n_datirovka_osnovnykh_tipov_monet_bospora_vremeni_ot_evmela_do_perisada_iii/5-1-0-2570.
8. Станиславский И. М. Античные монеты Северного Причерноморья VI–I вв. до н. э. М.: [б. и.], 2003. 241 с.
9. Терещенко А. Е. Мотив «терзания» в пантикапейской чеканке // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. 2011. С. 76–82.
10. Терещенко А. Е. Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи // Stratum plus. № 6. 2012. С. 119–170.
11. Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. № 2. 2013. С. 102–127.
12. Терещенко А. Е. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV — конца III вв. до н. э. // ДБ. № 17. 2013. С. 325–344.
13. Терещенко А. Е. «Аполлонийская» чеканка на Боспоре Киммерийском. В поисках эмитента // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. 2013. С. 44–52.
14. Терещенко А. Е. О новом монетном типе и пантикапейской чеканке второй половины V в. до н. э. // ПИФК. № 3. 2017. С. 334–352.
15. Терещенко А. Е., Шауб И. Ю. Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. 9. 2017. С. 153–168.
16. Туровский Е. Я. О монетном искусстве античного Херсонеса // ПИФК. № 3. 2017. С. 438–449.
17. Туровский Е. Я. Монеты античного Херсонеса: каталог-определитель. Севастополь: ИП Бондаренко, 2018. 106 с.
18. Туровский Е. Я., Демьянчук С. Г. Изображение богов и героев на монетах античного Херсонеса // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. 2001. С. 121–125.
19. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
20. Sylloge Nummorum Graecorum. Deutschland. Sammlung v. Aulock: Ionien. Berlin: Gebrüder Mann Verlag, 1960. №№ 1768–2333.

Similarity in the image of three monetary series of Chersonesus and Panticapaeum coinage was marked a while ago. This paper provides three more monetary types of these cities mintage in addition to the list known before. The only way to understand these similarity is interpretation of the image semantics. All the interpretations known up to date are under consideration in the issued. It is worth mentioning that all the types presented date back to 4th — early 3rd century BC. The fact of this likeness proves the way of understanding of sacral imagery in these cities of the Northern Black Sea shore to be common, or, at least, close to one another. Not only the same Hellenic origin, but also the whole situation of their habitation area caused this phenomenon.

Keywords: Chersonesus, Panticapaeum, Bosporan coinage, images on coins.

УДК 502.8

Т. В. Умрихина

ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена процессу сохранения культурного наследия в Восточном Крыму в связи с возвращением Республики Крым в состав России. На примере многолетнего опыта Восточно-Крымского музея-заповедника автор демонстрирует ключевые проблемы формирования эффективной системы охраны памятников в регионе, а также алгоритмы их преодоления. Акцентируется внимание на необходимости широкой координации усилий по сохранению культурного наследия на федеральном уровне и флагманской роли музеев-заповедников Крыма в деле претворения охраняемых правовых механизмов в жизнь.

Ключевые слова: Республика Крым, Восточный Крым, Восточно-Крымский музей-заповедник, объект культурного наследия, охрана памятников, федеральное законодательство.

18 марта 2019 года исполнилось пять лет, как Крым вернулся в состав России. Это событие ознаменовало начало так называемого «переходного периода» в современной истории «Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника». Ввиду особо сложившейся политической ситуации вокруг всего Крымского полуострова, была острая необходимость урегулирования законодательных актов, связанных с сохранением объектов культурного наследия, расположенных на территории Крыма, в связи с тем, что в силу объективных причин, органы охраны историко-культурного наследия Республики на протяжении четверти века не имели возможности подробного ознакомления с достижениями в этой области в субъектах Российской Федерации. Затруднены были и контакты крымских и российских коллег в обла-

сти использования новейших методик в области выявления, исследования и сохранения объектов историко-культурного наследия. Для урегулирования этих вопросов, Государственной Думой Российской Федерации 12 февраля 2015 года был принят Федеральный Закон № 9-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹.

¹ Федеральный закон от 12 февраля 2015 г. № 9-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Принятие вышеуказанного Закона, с одной стороны, стало важной вехой в деле сохранения объектов культурного наследия и прямо относит к действующему Федеральному закону от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» №73-ФЗ², с другой стороны, вызывает ряд спорных, порой проблемных моментов в деле охраны объектов культурного наследия.

Именно поэтому, на территории всего Крымского полуострова сложилась очень непростая, требующая порой волевого решения, ситуация, когда одна законодательная система Украины противоречит Российской и отсутствуют точки соприкосновения. Однако, несмотря на сложность законодательной базы в области охраны объектов культурного наследия, на территории Восточного Крыма всё-таки наблюдается положительная тенденция в преобразовании методов и способов охраны объектов культурного наследия различных.

Именно особенности формирующейся государственной политической системы Крыма в области сохранения объектов культурного наследия, входящих в состав «Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника» являются достижениями и некоторыми проблемами, о которых будет сказано ниже.

Стоит отметить, что специальных исследований по вопросу охраны объектов историко-культурного наследия на территории Восточного Крыма нет. Этим и объясняется особый интерес и актуальность данной проблематики.

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» является одним из старейших музеев на территории Российской Федерации. Беря во внимание современную историю музея, хочется

² Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 №73-ФЗ.

отметить уникальность объектов, которые сегодня входят в его состав: от объектов археологии, памятников архитектуры до монументальных фортификационных сооружений. Всего на балансе музея-заповедника находится двадцать два объекта культурного наследия, из которых тринадцать являются памятниками федерального значения.

По данным 1990 года, состояние памятников истории и культуры почти на 80% оцениваются как неудовлетворительное, а около 70% из этого числа нуждались в срочных мерах по их спасению и сохранению³. Распад Советского Союза и последующие четверть века нахождения в составе Украины стали катализатором ухудшения состояния памятников абсолютно всех типов. Из-за отсутствия должного финансирования, а также коррупционная составляющая лишь наносили непоправимый ущерб историко-культурному, градостроительному достоянию Восточного Крыма.

Бездумная раздача земельных участков, на которых находятся объекты археологического наследия, привела в конечном итоге к варварскому разрушению памятников археологии. Предоставление в частную аренду территории Комплекса сооружений Керченской крепости с каждым годом ухудшало состояние объектов, а нахождение уникального памятника османского фортификационного зодчества — Крепости Ени-Кале в оперативном управлении городской администрации привело состояние сооружений крепости к аварийному состоянию.

С момента возвращения в состав России, «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» взял на себя выполнение миссии по разработке мероприятий по сохранению и использованию объектов историко-культурного наследия, а также управления территориями античных памятников в Восточном Крыму.

Безусловно, оформление правоустанавливающих документов на объекты

³ Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.

культурного наследия в «переходный период» — трудоёмкая работа, требующая скрупулёзного анализа каждого памятника, учесть особенности его расположения, степень сохранности, и конечно же обеспечение его охраны и сохранности. Спустя пять лет, музей-заповедник может подводить некоторые итоги той колоссальной работы по оформлению необходимой документации по каждому из объектов.

Ввиду особенности переходного периода, «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», руководствуется, пожалуй, единственной во всём Восточном Крыму, научно-проектной документацией, выполненной Научно-исследовательским институтом памятниковоохранных исследований Министерства культуры Украины, утверждённый Приказом Министерства культуры и туризма Украины⁴. Благодаря детальной проработке особенности города Керчь и его округа, удалось установить границы и режимы использования зон охраны памятников и исторических ареалов, а разработанный Историко-культурный градостроительный опорный план был утверждён в составе Генерального плана города⁵.

Однако, несмотря на разработанный и утверждённый украинский план, памятники истории и культуры в российском правовом поле, так или остаются без гарантированной защиты. Именно по этой причине, определение границ территории, разработка проектов предмета охраны и зон с особым режимом использования земель стали первоочередным вектором, по которому начал свою работу музей-заповедник.

Разработаны зоны с особыми условиями использования территорий в отношении двадцати одного объекта культурного наследия ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»⁶. В Единый Госу-

⁴ Историко-містобудівні дослідження Керчі. Київ, 2011.

⁵ Решение 11 сессии Керченского городского совета 6 созыва от 29.07.2011.

⁶ Приняты Постановлением Совета Министров Республики Крым от 27 ноября 2017 г.

дарственный реестр недвижимости Республики Крым внесены сведения о зонах с особыми условиями использования с присвоением учетных номеров. Соответственно, это накладывает ограничения на хозяйственную, строительную и иную деятельность в границах территорий, что является защитной мерой в отношении ОКН.

На сегодняшний день, благодаря оперативной работе музея, разработаны и утверждены границы территории, предмет охраны, разработаны охранные зоны на одиннадцать объектов культурного наследия, находящихся в оперативном управлении заповедника.

Все проекты разрабатывались в строгом соответствии российского законодательства. Объекты культурного наследия «Крепость Ени-Кале», «Древний город Нимфей», «Дом Месаксудии», «Мелек-Чесменский курган» и «Царский курган», «Античный каменный склеп «Склеп Деметры», «Комплекс сооружений Керченской крепости», «Мемориальный комплекс «Аджимушкай» уже имеют установленные границы территории, предмет охраны, разработаны зоны с особыми режимами использования земель. Такая же работа проведена на объектах культурного наследия регионального значения: «Картинная галерея», «Пританей». В работе находятся выявленный объект археологического наследия «Городище Артезиан», а также военно-исторические памятники «Мотобот» и «Госпиталь».

Объект культурного наследия — это правовые отношения в части земельного участка, на котором он расположен и необходимость получения учреждением правоустанавливающего документа на земельный участок в правовом поле РФ. Нами выполнен большой объем правовой, организационной работы, финансовых затрат, материально-технических, по вынесению в натуре земельных участков музея-заповедника, получению актов землепользования, маркированию территорий.

№ 629 и Постановлением Совета Министров Республики Крым от 19 июля 2018 г. №347.

В настоящее время мы имеем право оперативного управления на объекты культурного наследия в своем составе, а также свидетельства о постоянном бессрочном пользовании на земельные участки, на которых они расположены, их оформлено — 24 (из 32).

Однако процесс оформления земельных участков затрудняется по нескольким причинам:

1. Территории земельных участков нередко содержат участки нескольких собственников (Городище и некрополь «Илурат»);

2. Некоторые участки, в связи со своей конфигурацией, попадают в границы разных сельских поселений, вследствие чего оформление затягивается;

3. В исключительных случаях, происходит наложение границ земельных участков, вследствие чего мы вынуждены проводить перераспределение площади участков («Архитектурно-археологический комплекс «Древний город Пантикапей»). А кроме того, как на Артезиане — украинские государственные акты на частную собственность самого памятника.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации являются объектами недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия). Нами осуществлен процесс регистрации права собственности Республики Крым, регистрации оперативного управления за ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» основных 207 (более 300) объектов недвижимого имущества, они внесены в Реестр имущества Республики Крым, получены выписки из Единого государственного реестра недвижимости.

Осуществляя контроль состояния объектов культурного наследия, нами налажена круглосуточная охрана всех видов: физическая, кнопка, объездчики всех объектов, зданий и сооружений в составе учреждения.

Проводя разработку предложений в ежегодные и долгосрочные про-

граммы сохранения данных объектов культурного наследия, мы можем проинформировать, что в настоящее время идут две Федеральные целевые программы на объектах Комплекса сооружений Керченской крепости и «Мемориальный комплекс Аджимушкай». Реализация программ Федеральной целевой программы — это решение вопросов реставрации комплексов зданий и сооружений, а также проведение благоустройства и создания инфраструктуры.

Особым достижением стоит отметить подготовку пакета документов для включения в Федеральную целевую программу на следующий год «Античного каменного склепа — «Склепа Деметры», и это являлось бы достойной оценкой значимости памятника, который в 2020 году отмечает 125-летний юбилей.

В Комплексе сооружений Керченской крепости 28 августа 2019 г. завершена программа по полному разминированию ее территории — 203 га, что является одним из главных вопросов её дальнейшего развития. В течение 2015 — 2019 гг. специалистами «Центра спасательных операций особого риска «Лидер» МЧС РФ произведена очистка более 200 га территории и объектов, около 20 га прибрежной акватории; обнаружено, обезврежено и уничтожено свыше 100 тыс. взрывоопасных предметов. В составе группы работали высококвалифицированные специалисты — это пиротехники, водолазы, альпинисты, кинологи, специалисты робототехнического управления.

Для эффективного выполнения ответственной задачи на территории Крепости Керчь был развернут палаточный городок, который оснащен всем необходимым для жизнеобеспечения пиротехников МЧС России, которые с честью выполнили свою задачу.

На этой территории нами создана и действует постоянная волонтерская археологическая экспедиция, которая вносит существенный вклад в работы по очистке внутренних помещений зда-

ний и сооружений и подготовке к открытию новых объектов показа.

«Античный каменный склеп «Склеп Деметры» — уникальный памятник античной монументальной фресковой живописи. Необходимо отметить, что в последние годы деятельность по спасению и сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Античный склеп — «Склеп Деметры» активизировалась.

По ходатайству музея-заповедника, в план научно-исследовательской работы Государственного научно-исследовательского института реставрации (г. Москва) включена тема «Исследование причин и разработка программы устранения аварийной ситуации в античных склепах г. Керчь, (Республика Крым)». Организован удаленный мониторинг температурно-влажностного режима внутри камеры склепа. Создана система мониторинга параметров тепло-влажностного режима с передачей данных по радиоканалу в центральный блок системы, в роли которого используется персональный компьютер. Возможности программного обеспечения EksisVisualLab позволяют осуществлять накопление данных, формирование и отправку по электронной почте регулярных отчетов и аварийных сигналов.

Область применения планируемых результатов — устранение аварийной ситуации в склепе Деметры.

Впервые за последние десятилетия Заповедником был проведен комплекс мероприятий по реставрации и консервации объекта культурного наследия регионального значения, визитной карточки города, да и Крыма — «Пританея».

В сотрудничестве с Институтом Археологии РАН подготовлены документы для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного (археологического) наследия «Поселение «Манитра». Это пример объединения

усилий академических институтов и музейных учреждений в интересах изучения и сохранения археологического наследия страны.

Здесь уместно выразить величайшее почтение руководителю Федерального Агентства железнодорожного транспорта — Владимиру Юрьевичу Чепец — обращение Заповедника о содействии в деле спасения уникального объекта культурного наследия, открытого в Восточном Крыму, «Поселение «Манитра» ему было направлено 04.10.2018 г., а ответ о рассмотрении вопроса о смещении трассы в обход выявленного объекта археологического наследия был получен 12.10.2018 г.

Однако, несмотря на ряд очевидных достижений в области охраны и сохранения объектов культурного наследия, стоит отметить и те трудности, с которыми сталкивается музей-заповедник.

В первую очередь следует сказать, что решение правовых вопросов по объектам культурного наследия всегда имеет долгосрочный характер и, не смотря на значительные усилия, не всегда приносит положительный результат ввиду неотрегулированной правовой базы, отсутствия взаимодействия между государственными структурами и правоохранительными органами. Тем не менее, в этом году прекращены арендные отношения на Крепости Керчь. А это шестнадцать лет требований в судебном порядке расторжения аренды на памятнике федерального значения с арендатором, который нанес существенный ущерб используемому строению.

Прекращено использование арендатором перспективного здания в центральной части города, ул. Театральная, 37.

Благодаря усилиям Заповедника и Николая Игоревича Винокурова удалось остановить варварское разрушение уникального объекта культурного наследия «Городище Артезиан», которое попало под ковш добытчиков песка. В настоящее время работы по выработке карьера полностью оставлены.

Существуют проблемы, связанные с бюрократическим аппаратом, по ряду

причин, а также проблемы, связанные с финансированием проектов. Существует проблема неисполнения требований законодательства РФ в части нарушений на объектах культурного наследия, правоохранными органами, государственными структурами, в том числе по охране культурного наследия, либо исполнение их казённо и формально. Как следствие — нарушения на землях историко-культурной значимости, территориях непосредственной прилегающих к объектам заповедника.

И с этим в своей повседневной работе мы сталкиваемся регулярно. Перечислю лишь несколько примеров:

1. Сооружение объекта капитального строительства в зоне дренажных сооружений в границах зоны с особой архитектурно-планировочной организацией территории объекта культурного наследия федерального значения «Античный каменный склеп — «Склеп Деметры». Нагрузка на грунт, подключенные к зданию коммуникации могут повлечь повышение уровня грунтовых вод и поступление их в помещения «Античного каменного склепа «Склеп Деметры».

2. Как известно, Керчь в X — XII вв. носила название русского города Корчева, летописного города, в наследство от которого сохранился единственный и древнейший действующий православный храм на территории России классического восточно-византийского образца — Храм усекновения главы Иоанна Предтечи, сооружённый в VIII в.

Имея высокую значимость, Храм ныне пребывает в плачевном состоянии: вокруг него сконцентрирована современная застройка с расположением точек развлекательного досуга. Разработанный и утверждённый Историко-архитектурный опорный план города Керчи, не предусматривает реконструкции территории вокруг Храма, той исторической среды, которая вплоть до начала 2000-х гг. являлась архитектурной и культурной доминантой, визитной карточкой города.

В непосредственном приближении к Храму в пер. Димитрова, 4 владельцем

кафе, строится многоэтажное здание, которое выше колокольни и в целом существенно искажает видовое восприятие памятников федерального значения исторического центра г. Керчи.

По высоте с ним соревнуется многофункциональное здание, ул. Адмиралтейская, 1, построенное в 100 м береговой зоне, в непосредственной близости охранной зоны средневекового города Корчева и памятника византийской архитектуры церковь Иоанна Предтечи.

Строительство современных многоэтажных «коробок» по указанным адресам полностью закрывают видовое раскрытие, как с моря, так и с различных видовых точек города. Действия музея — заповедника и активных жителей города, к сожалению, на сегодняшний день не привели к успеху.

3. Нарушением законодательства является частная застройка на муниципальных землях г. Керчи по ул. Рубежной в непосредственной близости к Археологическому комплексу «Древний город Нимфей».

4. Нарушено законодательство при проведении первоочередных противооползневых работ на юго-восточном склоне горы Митридат. Проведенные работы по бурению (в настоящее время остановленные) с установкой анкерных стержней на значительной территории с глубиной залегания культурного слоя до 10 м. являются нарушением норм и правил Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ.

В сложном положении находится и территория Древнейшего города России, столицы Боспорского царства Пантикапея — ведётся активная застройка многоэтажными частными особняками вершины горы Митридат.

5. В перечне проблем в очередной раз придется упомянуть вопрос проведения поисковых работ на территории Аджимушкайских каменоломен, который нельзя признать полностью решенным на законодательном уровне. Да, нам удалось добиться археологиче-

ского сопровождения за проведением работ, который осуществляет заповедник, и даже сдачу находок по результатам 2018 года, но по-прежнему ООД «Поисковое движение России» под руководством Е. М. Цунаевой и В. В. Симонова без согласования с заповедником проводит свои работы в охранной зоне объекта культурного наследия федерального значения «Мемориальный комплекс Аджимушкай», прикрываясь разрешением Министерства обороны, но нарушая 73-ФЗ. По-прежнему, используется тяжёлая техника при вскрышных работах, как следствие — изменение ландшафта памятника, угроза проникновения на территорию подземного музея обороны Аджимушкайских каменоломен.

Отсутствие взаимодействия музейных учреждений, органов государственной власти в части сохранения археологического наследия способно породить комплекс правовых проблем на объектах археологического наследия. В их числе следует отнести:

— неурегулированность отношений между органами исполнительной власти — федеральной, субъектов РФ, местного самоуправления — в управлении музеями-заповедниками и их территориями;

— отсутствие у музеев-заповедников реальных прав контроля над деятельностью хозяйствующих субъектов, юридических и физических лиц на территориях музеев-заповедников;

— отсутствие правовой базы развития производственной и предпринимательской деятельности как основы самофинансирования деятельности музеев-заповедников.

Законодательная база не должна быть статичной. Она примет внесение своеобразных изменений, которые способствовали бы улучшению положения в части соблюдения правового режима в границах территорий и зон охраны музеев-заповедников.

Но, какими бы продуманными и даже хитроумными, порой мудрыми, не были законы, исключительно бук-

вой закона мы никогда не достигнем результата в деле сохранения наследия. Все решают люди. И тому примеры:

Уже упомянутая мной работа над сохранением выявленного объекта археологического наследия «Поселение «Манитра» — результат объединения усилий людей, исследователей, академических институтов и музейных учреждений.

Задуманный по предложению главы Российской академии наук Александра Сергеева и вице-президента Николая Макарова музейный кластер, и как показало время — Манитра стала в некотором роде одним из векторов в реализации возможностей кластера.

Совет по формированию и реализации научно-технической политики Крыма обратился к президенту РФ с предложением о создании специальной федеральной программы по финансированию музейно-исследовательского кластера в Керчи.

Безусловно, описать весь масштаб работы, который сейчас ведёт музей-заповедник для сохранения объектов культурного наследия, не возможно, это сложно, но с полным правом можно сказать, что Восточно-Крымский заповедник выполняет задачу — соединения научных исследований и современного музейного продукта, решает задачи функционального управления музейной деятельностью, обеспечивает устойчивые результаты долгосрочного развития, формирует уникальную цепочку, включающую как полевое исследование объектов культурного наследия, так и их публичное представление в рамках единой структуры.

Памятники исторического наследия должны находиться под постоянной охраной государства. Для спасения этих памятников от разрушения и грабежа проводятся охранные археологические раскопки и реставрационные работы. В последние годы в связи с возникшими экономическими трудностями практически все археологические раскопки являются охранными. Трудность охранных работ заключается в большинстве

случаев в том, что они осуществляются только на объектах, которые попадают в зоны строительства или прокладки газопроводов и нефтепроводов.

Кроме природных условий и строительных работ на сохранность археологических памятников влияют грабительские «раскопки». Законодательная база в этом отношении весьма несовершенна, законы зачастую принимаются, но не выполняются. Однако, в последнее время ситуация во многих регионах стала меняться к лучшему благодаря деятельности правоохранительных органов.

Несмотря на то, что объекты культурного наследия являются ценным источником по истории регионов, они зачастую находятся в более плачевном состоянии, чем памятники федерального значения. Это чаще всего объясняется недостатками средств в региональных бюджетах.

Что касается объектов культурного наследия регионального значения, находящихся на территории Республики Крым, то наблюдается следующая тенденция. Многие региональные памятники со временем пострадали. Наблюдается также нехватка средств, выделяемых на развитие культуры в бюджете республики. Многие памятники находятся в труднодоступных районах республики. Все вышеперечисленные причины затрудняют развитие объектов культурного наследия регионального значения республики Крым.

Несмотря на существующие трудности, продолжается работа по выявлению, сохранению и подготовке к культурному показу объектов культурного наследия республики Крым. Руководство республики проявляет постоянную заботу об объектах культурного наследия регионального значения Крыма.

Анализ различных аспектов сохранения объектов культурного наследия регионального значения республики Крым, позволяет сделать следующие выводы.

Сотрудники Государственного комитета по охране памятников респу-

блики Крым постоянно проводят работы по выявлению и охране объектов культурного наследия на территории полуострова. В настоящее время на территории республики число исторических памятников исчисляется тысячами объектов культурного наследия регионального характера. Все эти памятники были внесены в единый государственный реестр. Они подразделяются на памятники культуры, памятники археологии, памятники истории и памятники архитектуры. Сотрудниками Комитета постоянно проводится мониторинг памятников регионального значения Республики Крым.

После занесения объекта культурного наследия в единый государственный каталог устанавливаются границы охранной зоны памятника. На территории, ограниченной этой охранной зоной запрещается любая хозяйственная деятельность. Запрещено любое возведение строительных объектов и прокладка на этой территории дорог. Для информации о памятнике и границах объекта должны быть размещены информационные таблички. При необходимости проводятся реставрационные и восстановительные работы. При выявлении объектов археологического наследия необходимо провести охранные раскопки на территории памятника. Сотрудниками Госкомитета также проводятся мероприятия по надзору за объектами культурного наследия.

Средства на охрану объектов культурного наследия регионального значения Республики Крым поступают из различных источников. Прежде всего, деньги выделяются из бюджета республики. Также инвестиции из частных организаций и от частных лиц. Тем не менее, существуют определённые трудности в сфере охраны объектов культурного наследия регионального значения Республики Крым.

Рассмотрев, проблемы культурного представления объектов культурного наследия Республики Крым можно сделать определённые выводы.

Мероприятия, проводимые по охране и реставрации памятников культурного наследия, должны способствовать их дальнейшей музеефикации и культурному показу. В настоящее время в республике Крым ведётся постоянная работа в этом направлении.

На территории Восточного Крыма имеется множество памятников регионального значения, которые срочно нуждаются в музеефикации и использовании в качестве объекта культурного показа. Следует отметить, что возникают определённые трудности.

Прежде всего, наблюдается недостаток средств для реставрации объектов культурного наследия. Многие памятники недоступны для показа из-за нахождения в труднодоступных гор-

ных районах. Многие археологические памятники ещё не раскапывались или раскапывались давно. Подобная ситуация наблюдается также в других регионах Южного Федерального округа, а также в других регионах Российской Федерации.

Тем не менее, несмотря на вышеперечисленные трудности, всё новые объекты культурного наследия республики Крым выявляются, заносятся в единый государственный реестр, реставрируются, восстанавливаются и могут быть объектами туристической деятельности и культурного показа. В результате этого будет пополняться республиканский бюджет и пополняться знания об историческом прошлом Крымского полуострова.

1. Археологические памятники России: охрана и мониторинг. СПб., 2012.
2. Беда А. М. Охрана культурного наследия. М., 1999.
3. Булатов Н. М. Проблемы музеефикации археологических памятников // Археологический фактор в планировочной организации территории. М., 1997.
4. Великанов Ю. С. Сохранение наследия России. СПб., 2001. С. 375
5. Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990.
6. Защита и сохранность культурных ценностей. СПб., 1994.
7. Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия. М., 1994.
8. Лавров В. В. Некоторые проблемы правовой охраны объектов археологического наследия // Криминалист № 2 (15). 2014.
9. Михайлова Н. В. Историко-культурное наследие России: проблемы охраны. М., 1999.
10. Охрана и использование памятников культуры: сборник нормативных актов и положений. М., 2004.
11. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России. М., 2005.
12. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73 — ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

The article is devoted to the process of preserving the cultural heritage in the Eastern Crimea in connection with the returning of the Republic of Crimea to Russia. Using the long-term experience of the Eastern Crimean Museum-Reserve, the author demonstrates the key problems of creating an effective system for the protection of monuments in the region, as well as the algorithms for overcoming them. Attention is focused on the need for wide coordination of efforts to preserve the cultural heritage at the federal level and the flagship role of the Crimean museums in the implementation of legal protection mechanisms.

Keywords: Republic of Crimea, the Eastern Crimea, Eastern Crimean Museum-Reserve, an object of cultural heritage, protection of monuments, federal legislation.

О. В. Шаров

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ СКЛЕПА ДЕМЕТРЫ: К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ С МОМЕНТА ЕГО ОТКРЫТИЯ

Склеп Деметры в Керчи — один из наиболее известных расписных склепов Боспора первых веков н. э. Несмотря на блестящие труды М. И. Ростовцева и В. Ф. Гайдукевича, остались до сих пор неясными ряд вопросов: состав купленного у Ивана Зайцева погребального инвентаря, возможность вторичного захоронения в склепе, точный план склепа и т. д. Исходя из неизвестных ранее данных, полученных в Научных архивах ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа удалось выяснить состав купленных в 1895 году Эрмитажем находок, уточнить, исходя из этого хронологию комплекса и выявить ряд предметов, относящихся к вторичному захоронению в склепе.

Ключевые слова: Склеп Деметры, Боспор, погребение, саркофаг, хронология, Керченский музей, Эрмитаж, Императорская Археологическая Комиссия.

Склеп Деметры в Керчи — уникальный памятник погребальной архитектуры и декоративной фресковой живописи Боспора, оставленный нам классической культурой Северного Причерноморья. Важное значение этого археологического комплекса неоспоримо, так как это единственный расписной склеп, сохранивший до наших дней свою живопись, хотя многие мифологические сцены можно воссоздать теперь только по архивным иллюстративным материалам. Снимки керченского фотографа Е. Ф. Кеппеля 1910 г., рисунки талантливого художника М. В. Фармаковского 1908 г. были опубликованы М. И. Ростовцевым в 1913 г.¹ и неоднократно затем переиз-

¹ [1, Табл. XVI-XIX].

даны. вместе с тем более ранние копии фресок, сделанные еще в 1896 г., всего лишь в 2016-2017 гг. были частично введены в широкий научный оборот². Находки, происходящие из склепа, до сих пор не изданы целиком, остаются открытыми вопросы о количестве погребенных, о хронологии комплексов и составе погребального инвентаря.

Погребальный инвентарь

Склеп Деметры в момент его открытия «счастливчиками», как очень немногие из склепов Боспора, был не ограблен и все вещи больше года держал у себя сын хозяйки Иван Зайцев. Первым осмотреть склеп с фресками Иван Зайцев 3 марта 1896 года пригласил директора Мелек-Чесменского музея В. В. Шкор-

² [2; 3].

пила. В сообщении от 3 марта 1896 года, написанном сразу после посещения склепа, и заслушанном 15 марта на заседании № 294 Одесского общества истории и древностей, В. В. Шкорпил сделал первое предварительное описание склепа, его фресок, их семантики, и со слов И. М. Зайцева, составил первую опись находок³: два золотых кольца, два стеклянных сосуда зеленого и синего цвета, бронзовый канделябр на трех львиных ножках [4, с. 58]. Далее В. В. Шкорпил пишет: «Но куда все эти вещи девались, кому они были проданы, нельзя было никоим образом узнать [4, с. 58]. Уже через месяц, К. Е. Думберг в рапорте № 42 от 3 апреля 1896 года в Императорскую археологическую комиссию доложил, что «как в последнее время выяснилось, оказался склеп при открытии нетронутым, и в нем найдены следующие вещи: деревянный гроб, пара золотых перстней с резными камнями, большой бронзовый канделябр на трех ножках, сосуд синего стекла, разбитый стеклянный сосуд. Судя по всем признакам, предметы находятся в руках сына владелицы склепа Ивана Зайцева, который их никому не показывал, опасаясь конфискации»⁴ [5, л. 7 об.]. Уже через 2 недели, К. Е. Думберг узнает о судьбе вещей и в рапорте № 86 от 18 апреля пишет, что вещи уже проданы господину Кизерицкому, но какие именно и сколько их, не указывает [5, л. 18]. Эти вещи были проданы Иваном Зайцевым напрямую, минуя Археологическую комиссию, в Императорский Эрмитаж, в котором Гангольф Егорович Кизерицкий с 1886 года по

³ «по словам хозяина, которым, впрочем, нельзя много верить...» [4, с. 58].

⁴ К. Е. Думберг в «Отчете об археологических разысканиях, произведенных Заведующим Керченским музеем в 1896 году» сделал по поводу фиксации вещей странное примечание: «Более точные данные о положении вещей в склепе, к сожалению, нельзя было получить, благодаря крайне непонятному поведению владелицы двора» [7, л. 155, прим 4]. При этом, ни в одном из его рапортов никогда не было указано положения каких-либо вещей в погребениях склепа. Все данные о положении находок были почерпнуты позднее М. И. Ростовцевым от одного из находчиков — через 10 лет после открытия склепа [8, с. 206].

1903 год служил старшим или главным хранителем отделения Древностей или 1-го Отделения музея [6, с. 427, 435].

Какие же вещи и когда поступили в Эрмитаж? Те ли это вещи, которые упомянули В. В. Шкорпил и К. Е. Думберг или другие, которые позднее были изданы М. И. Ростовцевым, как принадлежащие к данному комплексу. Рассмотрим данные, приведенные М. И. Ростовцевым.

Автор уникального издания «Античная декоративная живопись на юге России» приводит наиболее внушительный список находок из этого склепа по данным, полученным им из отделения Древностей Императорского Эрмитажа [1, с. 206]⁵.

К вещам из склепа М. И. Ростовцев отнес следующие предметы

1. Бронзовый канделябр [8, с. 207-208, рис. 39; 1, Табл. LX];

2. Бронзовые ножки в виде ступни [8, с. 208; 1, Табл. LXI, 12];

3. Фрагменты бронзовой патеры с ручкой [8, с. 209; 1, Табл. LXI, 14];

4. Фрагменты бронзовой обивки деревянного ящика и ключа от замка [8, с. 209; 1, Табл. LXI, 15];

5. Серебряная раковина [8, с. 209; 1, Табл. LXI, 4];

6. Бронзовая пряжка с серебряным язычком [8, с. 209; 1, Табл. LXI, 13]⁶;

7. Большое количество листьев золотого лаврового венка;

8. Три золотые круглые бляшки, украшенные стилизованными разводами и пунктиром по краю [8, с. 209; 1, Табл. LXI, 9-11];

9. Пятнадцать золотых дутых бус;

10. Две золотых круглых бляшки с изображением герм, одна с монограммой [8, с. 209; 1, Табл. LXI, 7, 8];

⁵ М. И. Ростовцев пишет: «Так как вещи, найденные в склепе, не были изданы, а, между тем, имеют решающее значение для датировки склепа, то **я вынужден** (авт. — О.Ш.) дать здесь точное описание и сделать попытку определить их время» [8, с. 207].

⁶ Такой пряжки не существует в природе, есть отдельно два предмета: серебряная пряжка в виде сфинкса и железный распределитель ремней конской упряжи, указанный М. И. Ростовцевым как «бронзовая пряжка с серебряным язычком» [9, с. 120-121].

11. Ойнохоя из синего стекла с белыми пятнами [8, с. 210-211; 1, Табл. LXI, 1];

12. Ойнохоя из бледно-зеленого стекла [8, с. 210-211; 1, Табл. LXI, 2];

13. Золотое кольцо с рубином с изображением Тихи [8, с. 211; 1, Табл. LXI, 5];

14. Золотой кольцо с зеленым камнем с изображением Ареса [8, с. 211; 1, Табл. LXI, 6];

15. Каменное навершие меча;

16. Маленькая цилиндрическая костяная пиксида;

17. 8 фрагментов деревянного саркофага [8, с. 211-215, рис. 39-42];

Как можно видеть из приведенного списка, ряд вещей только описан, но нет их изображений. К ним относятся: листья золотого венка, золотые дутые бусы, каменное навершие меча, костяная пиксида, бронзовые детали шкатулки. Снимки этих предметов, кроме золотых бус, сохранились в Научном архиве ИИМК РАН; есть фотография патеры с ручкой (рис. 1), каменного навершия меча и костяной пиксиды (рис. 2), трилистников золотого венка, деталей шкатулки и замка с ключом (рис. 3) [10, №№ Q 614/21, 23; Q 638/2; Q 828/5].

М. И. Ростовцев сомневался по поводу происхождения находок некоторых типов вещей из склепа Деметры: «Не исключено, однако и то, что продавцы присоединили к вещам, найденным в склепе, другие, чтобы сбыть все вместе по более дорогой цене» [8, с. 206, прим. 2].

Размышления М. И. Ростовцева повлияли и на мнение Е. А. Зинько, которая написала по поводу достоверности комплекса следующее: «Из сопоставления данных В. В. Шкорпила, К. Е. Думберга и М. И. Ростовцева следует, что лишь пять предметов (бронзовый канделябр, две стеклянные ойнохои, два кольца с резными камнями) можно, предположительно, отнести к погребальному инвентарю склепа Деметры. Все остальные находки, вероятнее всего, были найдены в других погребениях и приложены И. Зайцевым для увеличения суммы, по-

Рис. 1. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. Бронзовая патера. [10, № Q 828. 5].

Рис. 2. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. 1 — предмет неизвестного назначения; 2 — каменное навершие мечкинжала; 3 — костяная пиксида с крышкой. [10, № Q 614.23]

лученной при их продаже в Императорский Эрмитаж. Это была обычная практика для керченских «счастливиц» того времени» [11, с. 27].

Такое, конечно, могло случиться, но тогда уж, к увеличивающим цену покупки предметам стоит, скорее, отнести значительное количество золотых предметов, а именно — листочков золотых лавровых венков, 2 малые золотые бляшки с гермами, 3 больших золотых диска с тисненым орнаментом и золотые дутые бусы, не упомянутых в списке «достоверных находок» Е. А. Зинько. Сильно корродированная железная пряжка, 2 простых бронзовых фалара, фрагменты бронзовых украшений от шкатулки, фрагменты

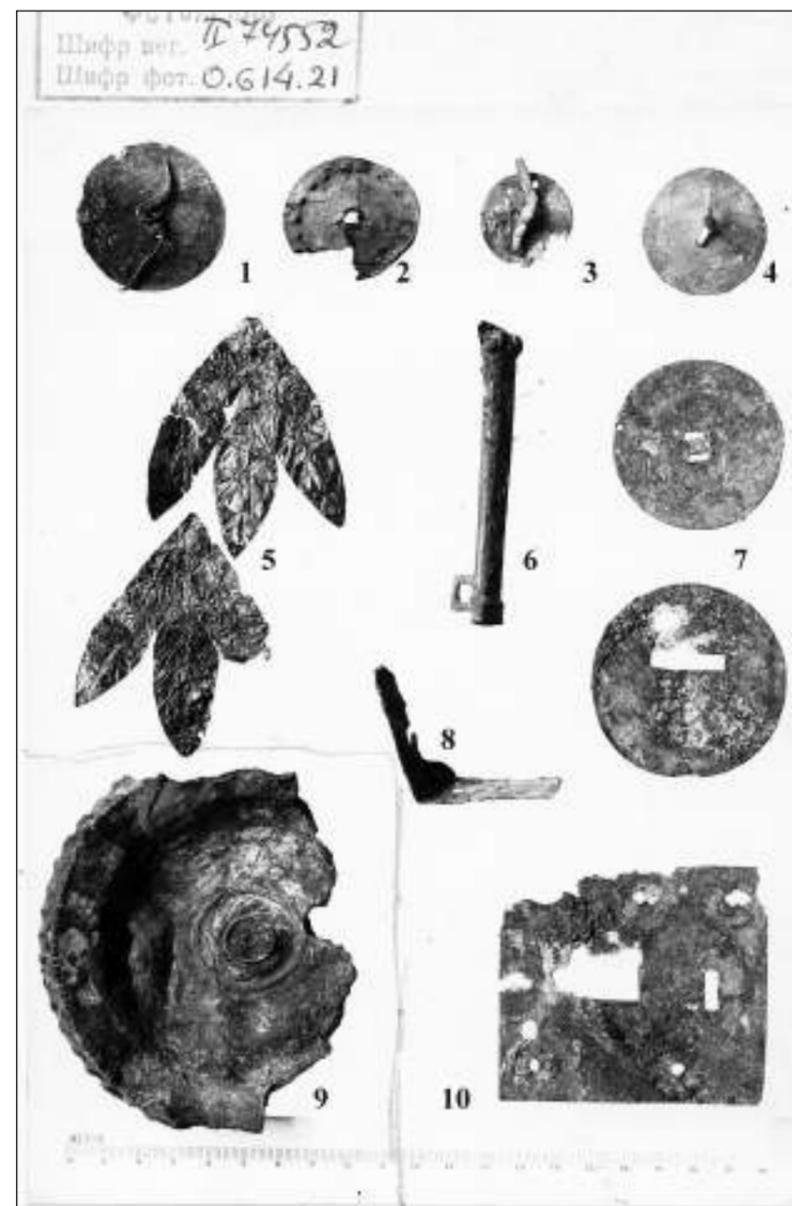

Рис. 3. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. 1-4, 7-8, 10 — детали бронзовой обивки и декора шкатулки; 5 — листья золотого венка; 6 — бронзовый ключ; 9 — деталь канделябра; [10, № Q 614.21]

костяной пиксиды, фрагменты патеры и ручку от нее вряд ли могли способствовать повышению стоимости; их имело смысл продавать вместе с золотыми вещами лишь тогда, когда они входили в данный комплекс.

Подтверждение о принадлежности этих находок комплексу из склепа Деметры мы находим в материалах архива Эрмитажа, не введенных ранее в науч-

ный оборот [12, л. 75-79]⁷. Документы были обнаружены среди счетов, переводов, расписок за 1896 год, хранящихся в канцелярии Императорского Эрмитажа, которые проходили по параграфу №3: «Приобретение ценных предметов для пополнения Эрмитажа, покупка картин

⁷ Моя глубокая благодарность Ю. М. Лесману (†) за помощь в работе с документами в Научном архиве Эрмитажа.

и проч. художественных произведений по всем отделениям Эрмитажа». В их числе там хранится расписка И. М. Зайцева от 8 июня 1896 года (вход. № 462) о продаже вещей из склепа Г. Е. Кизерицкому: «Продано мной Отделению Древностей Императорского Эрмитажа за четыреста рублей пять золотых бляшек, два золотых кольца с разными камнями, золотые листья от погребального венка, два стеклянных сосуда, бронзовый канделябр, четыре бронзовых ножки, одна бронзовая ручка от сосуда, серебряная раковина и серебряная пряжка. Все вышеупомянутые предметы найдены мной на Глинище, в Керчи, в 1896 году. Деньги четыреста рублей прошу покорнейше выслать мне переводом в Керченское Казначейство. Санкт-Петербург, 8 июня 1896 г.» Ниже стоит подпись «Иван Михайлович Зайцев», а еще ниже: «Вещи приняты и внесены в приход. Ст. хр. Кизерицкий» [12, л. 77].

Таким образом, список «достоверных» вещей из комплекса значительно увеличивается. Помимо бронзового канделябра, двух золотых перстней и двух стеклянных сосудов, сюда можно отнести также: 5 золотых бляшек, описанных М. И. Ростовцевым [1, Табл. LXI, 7-8, 9-11], золотые листья от погребального венка, четыре бронзовых ножки [1, Табл. LXI, 12], серебряную раковину [1, Табл. LXI, 4] и серебряную пряжку.

К сожалению, остается неясной происхождения остальных предметов, приведенных у М. И. Ростовцева. Среди них: фрагменты бронзовой обивки шкатулки и ключ к замку, 15 золотых дутых бус, бронзовые фалары, каменное навершие меча и костяная пиксида. Относятся ли они к комплексу склепа Деметры или происходят из других комплексов?

В инвентарной книге № 1893 античного отдела Государственного Эрмитажа записаны все покупки, сделанные в 1892 — 1900 гг. «Склеп Деметры» назван в книге как «Керчь, Глинище, 4-я Продольная ул. Усадьба Зайцевой. Каменный склеп 1896 г.». В графе «Время и способ поступления» написано

«через Археологическую Комиссию», год поступления не указан. Согласно этому инвентарю в хранении Эрмитажа находятся следующие предметы:

1. Перстень золотой с резным камнем с изображением Фортуны — П 1896.22
2. Перстень золотой с резным камнем с изображением Афины — П 1896.23
3. Золотая индикация с изображением гермы — П 1896.24
4. Золотая индикация с изображением гермы и монограммы «BA...» — П 1896.25
5. Золотая бляха круглая штампованная — П 1896.26
6. Две золотые бляшки, круглые, штампованные, выпуклые — П 1896.27
7. Листья золотого венка — П 1896.28
8. 14 золотых обкладок головок шпилек — П 1896.29
9. Серебряная раковина с рельефными ребрами — П 1896.30
10. Стакан стеклянный с цилиндрическим туловом — П 1896.31
11. Стеклянный кувшин — П 1896.32
12. Стеклянный кувшин — П. 1896.33
13. Канделябр П 1896.34
14. Часть бронзовой палеры с ручкой — П 1896.35
15. Бронзовые подставки в виде ноги — П 1896.36
16. Серебряная пряжка со сфинксом — П 1896.37
16. Железная прямоугольная пряжка — П 1896.38
17. Часть бронзовой обивки от ящика — П 1896.39
18. Бронзовая круглая пластина — П 1896.40
19. Бронзовая круглая пластина — П 1896.41

Исходя из этой описи, все предметы, описанные М. И. Ростовцевым, с очень большой долей вероятности, можно предположить, что все они, действительно, происходят из погребального инвентаря склепа Деметры. Часть предметов была куплена напрямую Эрмитажем через Г. Е. Кизерицкого (14 инв. номеров (№№ 1-7, 9, 11-16), остальные 5 предметов ([№№ 8, 10, 17-19) были

приобретены Эрмитажем, судя по записи, через Императорскую Археологическую Комиссию. Остается надеяться, что документ, подтверждающий, когда и кем была совершена вторая покупка, будет найден в архивных собраниях.

Местонахождение погребального инвентаря в склепе

Коснемся еще одного вопроса: местонахождения погребального инвентаря в склепе. Как уже отмечалось выше, никаких сведений о составе и положении вещей в склепе от хозяйки Анны Зайцевой и ее сына Ивана Зайцева ни В. В. Шкорпила, ни К. Е. Думбергу, получить не удалось. Все данные были получены М. И. Ростовцевым от одного из находчиков, который открыл катакомбу в 1895 году. «Склеп, как сказано, найден был не разграбленным, но все же, по всей вероятности, был потревожен вторым погребением. На это, по крайней мере, указывает порядок, в котором находились вещи в склепе в момент его открытия. Порядок этот сделался мне известным, со слов лица, открывшего склеп, дававшего мне, правда, об этом сведения

почти десять лет после открытия — в 1905 году. В делах Комиссии и Керченского музея никаких данных о распределении вещей в момент открытия склепа не имеется» [8, с. 206]. Автор не исключал того, что часть вещей могла быть присоединена к комплексу находок из склепа, чтобы продать все вместе дороже, но как было показано выше, такая вероятность была минимальна, потому как добавление железного корродированного распределителя ремней, помятых бронзовых фаларов или фрагментов шкатулки и костяной пиксиды вряд ли могло как-то повысить общую цену покупки. Поэтому, скорее всего, это единый, хотя и одновременный археологический комплекс, что дает нам возможность предположить, что гробница использовалась несколько раз, а погребальные действия совершались, по крайней мере, дважды, а может быть, и трижды.

М. И. Ростовцев пишет, что вдоль длинных стен склепа стояли деревянные саркофаги, у каждого камня, на которых они стояли, лежали по две бронзовых ноги (рис. 4,1). Над нишей стены против входа висела уздечка с бронзовым набором⁸. (рис. 4, 5) Остальные предметы были обнаружены в беспорядке в разных местах склепа. Однако известно и точное положение целого ряда вещей в склепе:

1. В северном углу, у восточного саркофага, стоял бронзовый канделябр высотой 138 см (рис. 5, 6) Рядом с ним лежала серебряная раковина (рис. 4-4). Золотые перстни лежали под этим саркофагом (рис. 7-1, 3), один у ног, другой у головы. В южном углу восточной стены, у этого же саркофага, стояла стеклянная ойнохоя синего цвета (рис. 8,3).

⁸ Южная стена склепа.

Рис. 4. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. 1 — бронзовые ножки шкатулки (?); 2 — железный распределитель ремней конской упряжи; 3 — ручка бронзовой палеры; 4 — серебряная раковина; 5 — бронзовый фалар (оборотная часть); [10, № Q 828. 4].

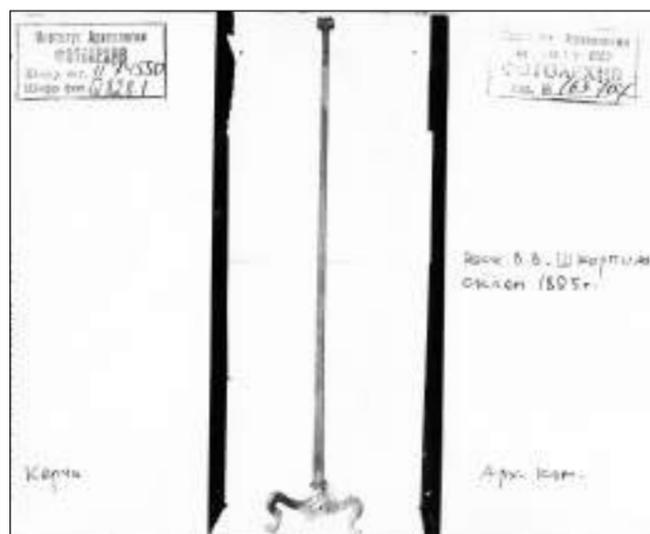

Рис. 5. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. Бронзовый канделябр. [10, № Q 828. 1]

Рис. 6. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. Кратер-деталь канделябра. [10, № Q 828. 2]

2. В северном углу, у западного саркофага, лежала куча разбитых стеклянных сосудов и стояла ойнохоя, но бледно-зеленого цвета с рельефными украшениями (рис. 8, 1). Здесь же были найдены золотой лавровый венок (рис. 3, 5), дутые золотые бусы, две золотые бляшки, с оттисками монет первого века н. э. и «остальное мелкое золото» (рис. 7, 2, 4-7).

У входа, с наружной стороны, в западном углу, лежали два праха, сброшенные в беспорядке в кучу [8, с. 206; 13, с. 407-408].

«Все это показывает, что покой склепа был потревожен уже в античное время, но не с целью ограбления, а с целью нового погребения. Новые самозванные претен-

денты на склеп, вероятно, удовольствовались тем, что наскоро выгребли два старых праха, может быть, взяли попав-

Рис. 7. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. 1 — золотой перстень с гранатом с изображением Фортуны; 2, 4 — золотые гермы; 3 — золотой перстень с вставкой зеленого камня с изображением Афины; 5 — деталь золотого венка; 6-7 — золотые нагрудники; [10, Q 828.7]

Рис. 8. Склеп Деметры. Погребальный инвентарь. 1 — стеклянный кувшин синего/голубого стекла; 2 — стеклянный стакан; 3 — стеклянный кувшин зеленоватого стекла; [10, № Q 828.6]

шие им в руки наиболее ценные вещи, при хозяйничании в склепе перебили много стеклянной посуды, но, в общем, оставили склеп нетронутым и только заменили в саркофагах старые трупы новыми. Второе погребение было, по всей вероятности, очень бедным, к нему вряд ли относится хотя бы одна из найденных в склепе вещей» [8, с. 206].

Хронология погребений

Восточный саркофаг. Погребение 1. К этому погребению можно отнести бронзовый канделябр, серебряную раковину, два золотых перстня и стеклянный сосуд синего/голубого стекла.

По заключению Д. С. Герцигер, бронзовый канделябр (рис. 5-6) относится ко времени Августа и датируется концом I века до н. э. — началом I века н. э. [14, с. 97].

На ручке стеклянной ойнохои синего стекла имеется выступ над венчиком (рис. 8, 1), а тулово отделено от горла двойным валиком, что, по всей видимости, является подражанием декору серебряных и бронзовых кувшинов эпохи позднего эллинизма — раннеримского

времени [15, Taf. 14, 17; 16, Pl. 34]. М. И. Ростовцев полагал, что обе ойнохои (рис. 8, 1, 3) принадлежат мастерской Энниона в Сидоне, и датировал стеклянные сосуды первой половиной I века н. э. [8, с. 210-211]. С этим выводом полностью согласилась Н. З. Кунина, которая оба сосуда также отнесла к производству мастерской Энниона из Сидона в Сирии и датировала их также первой половиной I в. н. э. [17, с. 273, № 110, 111; 18, с. 60-62].

Золотые перстни с геммами, по своим стилистическим особенностям, также относятся к I веку н. э. [19, с. 114, № 53, Таб. III, 53]. Золотому кольцу с гранатовой геммой с изображением Фортуны (П. 1896. 22) О. Я. Неверов приводит аналогии из собрания Эрмитажа (инв. № П. 1863. 23. 2) и из Аквилеи (Национальный музей. — Sena Chiesa, N. 575, 609). М. И. Максимова считала перстень с Фортуной (рис. 7, 1) привозным изделием ввиду целого ряда признаков: значительно более плотный золотой лист, поверхность ровная без швов, более тяжелый и массивный (вес

14. 5 г.), резьба на камне с высоким рельефом и т. д. [33, с. 78, 81, рис. 46]

В итоге, можно согласиться с выводами М. И. Ростовцева, что погребение может относиться к первым десятилетиям I в. н. э., не позднее середины этого столетия [20, с. 216]. Большая площадь, которую занимало это погребение в восточной части склепа, скорее всего, объясняется высоким статусом покойного, размерами саркофага, а также наличием канделябра на трех львиных ножках. В таком случае, возможно, верно и предположение А. В. Буйских [21, с. 43], что изначально склеп предназначался *только для этого — основного погребения*.

Западный саркофаг. Погребение 2. Инвентарь этого погребения включает второй стеклянный сосуд бледно-зеленого цвета (рис. 8, 3), фрагменты золотых венков (рис. 3, 5), две малые золотые бляшки с изображением герм (рис. 7, 2, 4), одна с монограммой «ВА...», три больших золотых диска с тисненым орнаментом (рис. 7,5-7) и золотые бусы, которые записаны в карточках античного отдела Эрмитажа как «золотые обкладки головок шпилек». Дата комплекса вновь определяется по стеклянному сосуду, который также относится к мастерской Энниона и датируется первой половиной I в. н. э. [17, с. 273, № 110, 111; 18, с. 60-62]. Золотую бляшку с оттиском гермы и монограммой М. И. Ростовцев датировал первоначально эпохой Митридата Евпатора [8, с. 209], позднее считал, что оттиски с монограммой «ВАЕ» — это чекан меди Динамии, но, главным образом, уже чекан ее сына Аспурга [20, с. 227, прим. 1].

Эти золотые бляшки с гермами, а также чуть более крупная золотая бляха с рубчатым тиснением по краю (рис. 7, 2, 4-5), могли быть частями погребальных золотых венков [22, с. 55-56]. Многочисленные трилистники, указанные М. И. Ростовцевым, а также несколько центральных элементов (золотых дисков с гермами) говорят о наличии здесь нескольких венков, что может свидетельствовать о нескольких погребениях, совершенных в западном саркофа-

ге. Известная по фотографиям форма трилистников с плавно закругленными краями (рис. 3, 5), принадлежащая одному из венков, характерна, по мнению М. Ю. Трейстера, уже для II в. н. э. [22, с. 58-59, рис. 3]. Золотые шпильки, золотые нагрудники [1, Табл. LXI, 10-11], вероятно, говорят о принадлежности золотых украшений к женскому костюму.

Таким образом, погребения в деревянных саркофагах (предположительно, в восточном саркофаге — *основное мужское погребение*; в западном — *женское*) археологически синхронны и относятся оба к первой половине I в. н. э.⁹ О вторичных погребениях можно судить лишь по трилистникам одного из золотых венков. Новые владельцы были похоронены с вещами первых владельцев склепа, как и считал М. И. Ростовцев. Тем не менее, среди остальных вещей, найденных в склепе — висящих на стене (уздечка) и лежащих в беспорядке на полу склепа, есть предметы более позднего времени, позволяющие выделить и более поздние комплексы погребений.

Деревянные саркофаги, погребения 3,4

Как полагал М. И. Ростовцев, в склепе были совершены и вторичные погребения. К ним относится конская узда, подвешенная на стене, от которой сохранилось четыре бронзовых фалара (рис. 4, 5) [1, Табл. LXI, 15]. Фалары не были покрыты золотой фольгой с тисненым узором, имитирующим орнамент в виде филигрании и зерни и стеклянную/каменную вставку в центре, они совершенно различного диаметра¹⁰ [1, Табл. LXI, 10-11, 15]. Украшение коня бронзовыми фаларами характерно как для предыдущего — среднесарматского периода, так и для позднесарматской эпохи. Одним

⁹ Мы не можем уловить, исходя из современных разработок хронологии римской эпохи, временные различия между комплексами менее 50 лет, поэтому погребения № 1 и № 2 условно синхронны, а в реальной жизни между кончиной одного и кончиной другого могла быть разница от 1 дня до 49 лет. Не исключено, что погребение в западном саркофаге было совершено позднее, но тоже в пределах 50 лет и склеп изначально строился только для одного — основного погребения в восточном саркофаге.

¹⁰ См.: [32, с. 438-439].

из ярких примеров этому является знаменитая бронзовая конная статуя Марка Аврелия в Риме, конь которого отлит именно с таким оголовьем.

Среди находок на фотографиях имеется также «бронзовая прямоугольная пряжка» (рис. 4, 2; 9, 2), у которой, как писал М. И. Ростовцев, бронзовый язычок позднее был заменен на серебряный, выполненный в виде сфинкса с львиным туловищем [8, с. 209]. При работе с материалами из склепа Деметры в фондах античного отдела Государственного Эрмитажа выяснилось, что на самом деле бронзовая пряжка с серебряным язычком — это два отдельных предмета — серебряная пряжка в виде сфинкса [П. 1896. 37] с несохранившейся частью передней рамки (рис. 9-1) и железный распределитель ремней конского оголовья (П. 1896. 38) (рис. 9, 2). Аналогии железному распределителю ремней с тремя прорезями уведят нас в мир сарматских древностей Подонья II в. н. э. Прежде всего, это распределительная бляха удлинненно-овальной формы из кургана 1, погребения 2 могильника Кировский 1, изготовленная из железа и плакированная с лицевой стороны золотой фольгой с точечным орнаментом [23, с. 103, рис 6, 8]¹¹. Из некрополя Кобяково, из курганов № 5 и № 10, происходят также распределительные бляхи с закругленными концами и с тремя прорезями, плакированные также золотой фольгой с точечным чеканом. Эти комплексы датируются концом I — первой половиной II в. н. э. [24, с. 142-143]. Но наиболее близок морфологически к предмету из склепа Деметры прямоугольный распределитель ремней с двумя продольными и одной поперечной прорезью, плакированный золотой фольгой, из погребения 1 кургана 25 могильника Валовый, входящий в группу всаднических комплексов второй половины II — первой пол. III в. н. э. [25, с. 63, рис. 73 ж]. Судя по повторяющимся в погребениях первой половины

¹¹ Моя глубокая благодарность В. Ю. Малашеву и Б. А. Раеву за помощь в подборе аналогий к данному предмету.

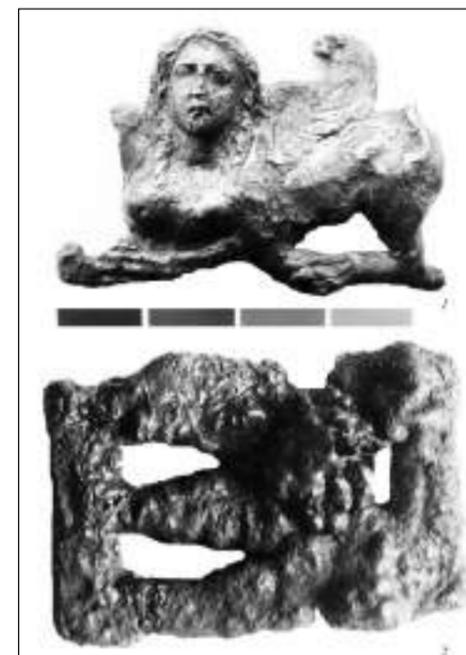

Рис. 9. Склеп Деметры.

Погребальный инвентарь.

- 1 — серебряная пряжка в виде сфинкса;
2 — железный распределитель ремней конской упряжи

II в. н. э. распределителей ремней с закругленными концами, плакированных золотой фольгой (Кировский 1-1-2, Кобяково, к. 10, Танаис, к. 1-22), прямоугольные распределители появляются не ранее середины II в. н. э. К этому времени и можно отнести данную деталь конского снаряжения из склепа Деметры, к которому относятся также 4 бронзовых фалара. Не исключено, что в древности распределитель ремней из склепа Деметры мог быть покрыт золотой фольгой. Подобное сочетание деталей конского убора вполне типично для сарматских древностей нижнего Подонья II в. н. э., хотя конское оголовье представлено в склепе Деметры лишь частично.

К инвентарю поздних погребений можно отнести также некоторые из вещей, которые в беспорядке лежали на полу склепа: стеклянный стакан [см. 26, рис. 6], каменное навершие меча [8, с. 209-211] и бронзовую патеру. Патеры с ручкой с окончанием в виде головы барана (рис. 1, 4,3) относятся к

типу Эггерс 155 или к типу «Е»-типу «Millingen» по Г. Нуберу. Они датируются в римских провинциях периодом В1 [27, S. 91], также их датировали А. В. Симоненко [28, S. 20], И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис [29, S. 288-290]. Г. Нубер датировал бытование типа «Е» или типа «Миллинген» более широко: второй половиной I в. н. э. — первой половиной — серединой II в. н. э. [30, S. 45]. По мнению Б. А. Раева, в «Сарматии» патеры типа «Эггерс — 155» появляются достаточно поздно, главным образом, уже в конце I — первой половине II в. н. э. Р. Петровский определял основное время их бытования между 40/50 — 150 гг. н. э., при этом, он отметил их длительное бытование в европейском Барбарикуме, вплоть до конца II в. н. э. [31, Abb. 17]. Таким образом, патера также связана с поздними захоронениями №№ 3, 4, совершенными в середине — второй половине II в. н. э.

Стекланный стакан (Инв. № П. 1896. 31) (рис. 8, 2) Н. З. Кунина относил, следуя Дж. Хейсу, к производству мастерских Сирии, как и стеклянные кувшины, и датировала их на основании совместных находок первой половиной I в. н. э., при этом, она привела и иные даты для таких стеклянных сосудов: от 40-70 гг. I в. н. э. до начала II в. н. э. [18, с. 62]. Н. П. Сорокина подобные стаканы относил к типу II своей классификации стеклянных сосудов некрополя Кеп и также датировала их всем I в. н. э., но при этом она отметила, что данный тип «продолжает развитие вплоть до позднеантичного времени, претерпевая изменения в некоторых деталях, как, например, устройстве дна, другой обработке края сосудов, цвете стекла» [26, с. 136-138, Рис. 6, 3-5]. В типологии К. Айсингс представлены морфологически близкие керченскому стакану формы: типы более приземистых стеклянных стаканов на поддоне (форма 108) и более вытянутых стаканов (форма 109с), характерные уже только для IV в. н. э. [34, р. 134-136]. Стекланный стакан на поддоне из склепа Деметры по типологии римских импортов Г. Ю. Эггерса может быть соотнесен

с типами Эггерс-190, 194, которые бывают как украшенные накладными нитями, так и неукрашенные. Автор датирует их фазой C₁ центрально-европейской хронологической шкалы (170/180 — 250/260 гг. н. э.) [35, S. 178, Taf. 14]. Эту дату для Скандинавии уточнила У. Лунд-Хансен, которые привела целый ряд комплексов с неукрашенными накладными нитями стеклянными сосудами типа Эггерс-190, которые датируются только фазой C_{1b} (210/220-250/260 гг.) [27, S. 202-203]. Таким образом, данный тип стеклянного сосуда имеет широкую дату (I-IV вв. н. э.) и не может узко датироваться лишь на основании даты двух других стеклянных сосудов, как это было предложено Н. З. Куниной. [17, с. 273, № 110, 111; 18, с. 60-62].

Каменное навершие меча/кинжала (рис. 2, 2) также может относиться только к более поздним погребениям. Такого рода навершия характерны для позднеримскому времени, начиная с середины II в. н. э. Мечи с каменными навершиями в большинстве своем относятся к типу 3 по А. М. Хазанову (длинные мечи, основание которых образует прямой угол с рукоятью, без металлических перекрестий и наверший) и характерны, в основном, уже для III-IV вв. н. э., но, по мнению М. В. Кривошеева, они известны как в нижнем Поволжье, так и на нижнем Дону уже с середины II в. н. э. [36, с. 67, рис. 1, 6-7].

На основании проведенного анализа хронологии целого ряда типов вещей, происходящих из склепа Деметры, можно говорить о погребальном инвентаре, который относится к другой эпохе: к середине — второй половине II в. н. э. Это обстоятельство объясняет и находки инвентаря первоначальных погребений в полном беспорядке и несовместимость стиля вещей ранних погребений (№ 1 и 2) со стилем вещей вторичных погребений (№ 3, 4).

Таким образом, ранние погребения в склепе были совершены еще в первой половине I в. н. э. в деревянных саркофагах в форме храма с двускатной крышей [8, с. 212], возможно, погребение

в западном саркофаге совершено позднее основного погребения в восточном саркофаге, но также в пределах первой половины I в. н. э. Затем, в середине-второй половине II в. н. э. склеп был вскрыт¹², прах погребенных был вынут и сложен при входе в погребальную камеру, самые ценные вещи из ранних погребений были изъяты, а какая-то часть раннего погребального инвентаря была вторично использована при новом погребении. В те же саркофаги были помещены новые покойники, при которых в склепе была повешена «на стену над нишей против входа» конская узда [8, с. 206; 13, с. 408; 18, с. 58].

¹² Возможно, вскрыт уже в третий раз, если допустить, что погребение в западном саркофаге было совершено позднее, отсюда и расколотая входная плита.

Заключение

Подводя предварительные итоги хронологического исследования, можно отметить, что недавно введенные в научный оборот ряд предметов (железный распределитель ремней, стеклянный стакан, бронзовые фалары, золотые венки, каменное навершие меча/кинжала) позволили по-новому взглянуть как на определение состава погребального инвентаря, так и на хронологию погребенных в нем. Обработка всех материалов, хранящихся в Эрмитаже (№№ П 1896. 22-41), подготовка их к полноценному научному изданию — каталогу, будут являться темой будущих исследований коллектива авторов и их скорейшая публикация станет самым достойным вкладом в подготовке к чествованию юбилейной даты — 125 — летия со дня открытия склепа Деметры.

1. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. I. Атлас. СПб: Изд-во Императорской археологической комиссии, 1913. 112 с.
2. Шаров О. В. Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // *Stratum plus. Археология и культурная антропология. «Круг земной». Рим и варвары.* 2016, № 4. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 319-334.
3. Медведева М. В., Шаров О. В. Склеп Деметры в Керчи (по материалам Научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // *Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора: коллективная монография / Отв. ред. В. А. Го — рончаровский.* — СПб.: Издательство РХГА, 2017, с. 96-124.
4. Шкорпил В. В. Сообщение от 3 марта 1896 года, заслушанное 15 марта на заседании № 294 Одесского общества истории и древностей // *ЗООИД, Т. XIX.* С. 56-58.
5. НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1896 г., д. 32.
6. Тихонов И. Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий // *МНЕМОН, вып. 11, СПб, 2012, С. 419-438.*
7. НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1896 г., д. 58.
8. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. II. Текст. СПб: Изд-во Императорской археологической комиссии, 1914. 537 с.
9. Шаров О. В. О дате «бронзовой пряжки» из склепа Деметры в Керчи // *Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов.* СПб, 2011. С. 120-121.
10. НА ИИМК РАН, альбомы Q 305, Q 518, Q 614, Q 638, Q 646, Q 828, O. 28, O. 1230.
11. Зинько Е. А. История открытия памятника и изучения склепа Деметры // *Зинько Е. А., Буйских А. В., Русяева А. С., Савостина Е. А., Стриленко Ю. Н., Ягги О. Склеп Деметры.* Киев, 2009, 182 с.
12. НА ГЭ, д. 8, 1896 г.
13. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, 624 с.
14. Герцигер Д. С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа. // *Труды Государственного Эрмитажа, 24, 1984, с. 83-99.*
15. Raev B. A. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. — *Ber. RGK, № 58, 1977, S. 605-642.*
16. Strong D. Greek and Roman Gold and Silver Plate. Glasgow, 235 p.
17. Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб, 1997, 360 с.

18. Кунина Н. З. Стелянные сосуды из керченского склепа Деметры. // EUCARISTHRION. Антикведческо — историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004). СПб, 2007. С. 57-62.

19. Неверов О. Я. Итальяские геммы в некрополях северопонтийских городов (к вопросу об итальяском импорте в Северное Причерноморье) // Из истории Северного Причерноморья в Античную эпоху. Сборник статей — Ленинград: Аврора, 1979, с. 104-115.

20. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. 621 с.

21. Буйских А. В. Архитектура склепа Деметры // Зинько Е. А., Буйских А. В., Русяева А. С., Савостина Е. А., Стриленко Ю. Н., Ягги О. Склеп Деметры. Киев, 2009.

22. Трейстер М. Ю. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н. э. — V в. н. э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященные 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914-1998). СПб, 2014. С. 54-65.

23. Ильюков Л. С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Р-н-Д. 2000, с. 100-140.

24. Гугуев Ю. К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону, Р-н-Д. 2000. с. 141-155.

25. Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник "Валовый 1". Р-н-Д. 2007. 186 с.

26. Сорокина Н. П. Античные стеклянные сосуды из раскопок из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове. // Античный мир и археология. Саратов, выпуск 3. 1977. С. 114-142.

27. Lund-Hansen U. Römischen Import im Norden. Kopenhagen, 1987, 487 S.

28. Simonenko A. V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern Schwarzmeersgebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Bd. 23. Mainz, 2008, S. 3— 94; 168 Taf.

29. Marcenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Bd. 23. Mainz, 2008, S. 265-400, 222 Taf.

30. Nuber H. U. Kanne und Griffshale. Ihr Gebrauch in täglichen Leben. // Bericht der RGK. 1972.

31. Petrovski R. Studien zu römischen Bronzegefassen mit Meisterstempel // Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. 1. Köln, 1993, 415 S.

32. Шаров О. В. К вопросу о «сарматской» знати на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Сборник статей. Выпуск 3. Ростов-на-Дону, 2011, С. 426-453.

33. Максимова М. И. Боспорская камнерезная мастерская // СА, 1957, №4, с. 75-82.

34. Isings C. Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta: Wolters, 1957. 185 p.

35. Eggers H. J. Römische Import in freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Band I. Museum für Volkerkunde und Vorgeschichte, Hamburg, 1951. pp. 212.

36. Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» Челябинск, 2007. С. 65-70.

Crypt of Demeter in Kerch — one of the most famous painted crypts of Bosphorus the first centuries AD. Despite the brilliant works of M. I. Rostovtseff and V. F. Gaidukevich, were still unclear number of issues: part of Ivan Zaitsev purchased burial items, the possibility of a secondary burial in the crypt, the exact plan of the crypt, etc. On the basis of previously unknown data obtained in the scientific archives of Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Hermitage was able to find out the composition of purchased in 1895 of State Hermitage, findings clarify the basis of the history of this complex and identify a number of objects related to the secondary burial in the crypt.

Keywords: *Crypt of Demeter, the Bosphorus, burial, coffin, chronology, the Kerch Museum, the Hermitage, the Imperial Archaeological Commission.*

УДК 9; 94(3); 930.27

Ф. В. Шелов-Коведяев

ДРЕВНЕЙШАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ПАНТИКАПЕЯ

В статье публикуется фрагмент мрамора, чьи остатки не позволяют видеть в нём декрет раннелевконовского времени (из-за нестыковки, в этом случае, количества букв в строках), но позволяют восстанавливать её как самую раннюю строительную надпись Боспора. Речь в ней идёт о важной пропагандистской акции начала правления Левкона I — возведении, по-видимому, от лица наследника престола, в Пантикапее агоры со стоей. Это позволяет говорить о возможности появления первого в боспорской эпиграфике артефакта, связанного со Спартоком II.

Ключевые слова: *Левкон, Спарток, Боспор, строительная надпись, шрифт, палеография, буквы, строки.*

Наши пролив. И небо — на опорах.

Трон грифонов в вышине парит.

У мозучих древних скал Боспора

Свято стража тишину хранит.

2018

Августом 2018 года на горе Митридат в Керчи в раскопках Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина на раскопе Новый Верхний Митридатский в мешаном слое был обнаружен фрагмент белого мелкозернистого мрамора, сохранившего обрывки трёх строк текста (см. рис. 1)¹. Артефакт хранится в Керченском лапидарии.

Структура камня плотная. Его размеры: высота — 83 мм, максимальная

¹ Благодарю руководителя экспедиции В. П. Толстикова за предоставленное мне право публикации, директора ВКИКМЗ Т. В. Умрихину и директора Керченского лапидария Н. Л. Кучеревскую за возможность подробно изучить памятник.

ширина — 82 мм, толщина по верхнему краю — 34 мм, по нижнему — 38,5 мм, по правому сколу — 35 мм. Обломан справа и слева. Лицевая сторона тщательно заглажена, верхняя и нижняя обтёсаны почти столь же аккуратно, тыльная — обработана суммарно, что говорит о том, что камень был вделан в стену.

Надпись нанесена по линейкам. Расстояние между ними для сткк. 1–2 — 8 мм, для сткк. 2–3 — от 7,8 до 8 мм. Отступ от верхней плоскости до первой линейки составляет 12–13 мм. Буквы ровные, аккуратные, немного апицированные, тщательно вырезаны, вершины альф увенчаны вертикальными чёрточками. Литеры хорошо сохранились, за исключением первой альфы в стк. 1, от которой дошли только завершающий её отвесный штришок, да читающаяся по сколу нижняя половина её правого ска-

та. Высота знаков в сткк. 1–2 (в стк. 3 они внизу обломаны, что не позволяет делать однозначные выводы) — 14 мм. Одно место буквы (м. б.) занимает в стк. 1 — 13,33 мм, в стк. 2 — 17,14 мм, в стк. 3 — 11,66 мм.

Дополнение документов, сохранившихся лишь в средней своей части, всегда затруднительно. Так и тут — на первый взгляд может показаться, что мы имеем дело с обрывком декрета, судя по его общему облику — левконовского времени [ср.: 1, с. 65–66].

Однако, попытка реконструкции исходящего из такой гипотезы связного текста, например —

- [Λεύκων καὶ παῖδες]
 2 [τῶν δαίμωνι τοῦ δαίμονος]
 [ethnicum (8–9) ἔδωκαν]
 4 [προξενί] ἀν² καὶ ἀ[τέλειαν]
 [πάντων] ὑ[χη]μάτων
 6 [ἐν πα]ντι Βοσ[πόρου]

— приводит к тому, что сткк. 4 на 5–6 букв оказывается длиннее соседних, что для боспорских эдиктов I пол. IV в. до Р. X. совсем нехарактерно. Намного более тревожным симптомом, к тому же, является то, что размеры лакун в началах и концах строк при этом драматически разнятся. Например, чтобы пропажа в сткк. 6 примерно совпала с таковой в сткк. 5, она должна была бы включить в себя и литеры ΝΠ, которые, на самом деле, сохранились. Предположение, что памятник мог быть написан «архаизирующим» шрифтом [см. 1, с. 66 и прим. 17; 2; 3; 4] в правление Перисада I, даёт результат ещё плачевнее — разброс до 7–8 м. б. в следующих друг за другом строках.

Кроме того, конструктивные особенности памятника: гладкие верхний и нижний края; отсутствие сверху разлиновки и отступ перед верхней стро-

² Курсивом отмечены неполностью сохранившиеся литеры.

Рис. 1. Строительная надпись из раскопок Пантикапея в 2018 году. 80-е гг. IV в. до Р. X

кой, в полтора раза превышающий фиксируемое здесь расстояние между линейками; спокойное написание сткк. 1, размашистое — сткк. 2 и убористое — сткк. 3 — свидетельствуют о том, что документ был изначально нанесён в три располагаемые ныне строки. Особенно показательным, что, начав в сткк. 1 свободно, резчик, содержательно выделив крупным шрифтом сткк. 2, затем стал явно ужиматься в сткк. 3, опасаясь не уместиться в диктуемое ему эпиграфическим полем пространство.

Притом в трёхстрочный лимит ни в какой редакции не удаётся втиснуть декретный текст так, чтобы как общая длина строк, так и размеры лакун в их началах и концах гармонировали между собой. Наконец, полностью исключают вариант декрета и следы того, что мрамор монтировался в кладку: все подобные документы имеют, в таком случае, толщину, как минимум, на 6 мм меньше, чем наш.

Столь неутешительный итог шаблонного подхода заставляет искать иного решения проблемы. Но прежде — ещё одна важная техническая деталь.

Линейки в боспорских реалиях, начиная с Перисада I, до сих пор попада-

ются лишь в надписях, состоящих из 24 и более букв (см. CIRB, Album, 9–11). В целом эта закономерность сохраняется и позднее (CIRB, Album, 32, 35, 39, 79, 117, 126, 138). При небольшом количестве знаков разлиновка массово распространяется с римского времени (CIRB, Album, 51, 80, 82–83, 85, 90, 92, 95–98, 100–102, 104, 109). А её применение в надгробиях, начиная с эпохи эллинизма (CIRB, Album, 245, 255, 266, 308, 314), походит на модное поветрие, характерное лишь для погребальных стел. Имеющиеся ранние исключения из означенной тенденции все, без изъятия, не корреспондируют с изучаемым памятником. Они возникают, когда: 1) материал — ракушечник (CIRB, Album, 154); 2) есть необходимость соблюдать псевдостойхедон, когда первые несколько литер стоят, строка за строкой, строго друг под другом (CIRB, Album, 160, 162–163, 170, 173, 178, 188; ср.: нет псевдостойхедона — нет и линейк — CIRB, Album, 165, 166, 168 etc.); 3) текст исполнен крайне небрежно — у явно неумелого резчика ползут в разные стороны не то, что строчки, — даже сама разлиновка (CIRB, Album, 200, 203, 204).

Полученные результаты убеждают, что строки, в данном случае, были относительно длинными, а понимание их содержания следует искать вне принятого на Боспоре формуляра декретов. Это позволяет предложить следующее чтение:

[ἀνήγειρε τὴν τε στο]ἶν καὶ ἀ[γορὰν ταύτην ὁ δαί]-

[να τοῦ δαίμονος ἐκ τῶ] ὑ[χη]μάτων (τῶν) ἰδίῳν τῇ πόλει]

[ἐπὶ Λεύκωνι ἄρχο]ντι Βοσ[πόρου καὶ Θεοδοσίης]

Дополнение отвечает всем требованиям эпиграфической реконструкции. Общая протяжённость строк с учётом того, что *iota* традиционно занимает половину места обычной буквы, составляет 37–38 м. б., или 52–53 см, что весьма приемлемо. Величина лакун (в среднем) в начале строк — 14–15 м. б., в конце — 17–19. Небольшая, на 2 м. б.,

укороченность сткк. 3 объясняется тем, что она — последняя (ср. КБН 6, 9 и проч.). Последовательность клаузул: объект + на свои средства + городу давно известна (напр., КБН 1245, 1247, 1249, 1252). То же относится и к очередности: построил + на свои средства (КБН 62); построил + объект (КБН 66–67); построил + объект + имярек (КБН 897, 1052); объект + формы от местимения οὗτος (КБН 67, 1247). Датировочная формула — предлог ἐπὶ + dat. *pominis personae* — также боспорская обыкновенность, хотя она и встречена у Левкона впервые. Всё это вкупе подтверждает основательность избранного восстановления.

Тем самым артефакт выдвигается в разряд документов первостепенной исторической важности. Ведь доныне боспорские, в том числе пантикапейские (КБН 61–68) строительные надписи доходили исключительно от римского времени. Теперь же наука обретает — логично, что из столицы державы — древнейший для Боспора их образец. Что, само по себе, невозможно переоценить. Важно также, что впервые тут выявляется идущая в русле общеэллинических консервативных традиций данного типа эпиграфических памятников [см. 5, *passim*] преемственность формулировок на протяжении без малого тысячи лет.

Судя по датировочной формуле, речь должна идти о начале правления Левкона I, что находится в полном концерте и с данными палеографии. Возведение агоры со стоей требовало больших материальных, временных, организационных и физических расходов всегда, но особенно в ситуации, когда новая династия и её государство ещё только утверждались и набирали силу. Очевидно, что подобные траты на таком этапе были по плечу лишь представителям высшей знати. Скорее всего — прямо правящему дому.

В этой связи знаменательно, что лакуны в конце сткк. 1 и начале сткк. 2 идеально заполняются именем Спартока II, сына Левкона — Σπάρτο/κος

Λεῦκωνος. Отец Левкона Сатир правил 44 года, и тот принял от него власть, будучи уже зрелым человеком. Следовательно, старший сын и соправитель последнего, Спарток II, в начале правления своего отца должен был быть вполне взрослым. Недаром же, после того как и Левкон провластвовал целых четыре десятилетия, Спарток, в отличие от своих братьев, предстаёт на барельефе, венчающем декрет афинян 347/6 г. до Р. Х. в честь сыновей Левкона (IG II² 212 = Syll. ³ 206) человеком сильно в возрасте.

Значит, не было бы ничего необычного в том, чтобы пропагандистская полисная акция боспорских тиранов вскоре после присоединения Феодосии заодно была бы призвана популяризировать в столичном обществе наследника — тем самым находит себе объяснение и более крупный шрифт стк. 2, где должно было стоять его имя, — трона. А это ещё более поднимает историческое значение находки 2018 года, позволяя говорить о первом в *боспорском* наследии документе, связанном со Спартоком II.

1. Белова Н. С. Новая надпись из Гермонассы // Вестник древней истории. 1967. № 1. С. 60-69.
2. Болтунова А. И. Надписи Боспора (заметки и публикации) // Вестник древней истории. 1959. №4. С. 92-110.
3. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. Т. III. 1962. С. 3-31.
4. Белова Н. С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н. э. // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 78-86.
5. Maier F. G. Griechische Mauerbauinschriften. 2 Bde. Heidelberg: Quelle & Maier. 1959-1961.

The Paper publishes the new founded Fragment of inscribed Marble from Panticapaeum. Following the Discrepancy of Letter's Number in the adjacent Lines, this Artefact does not be the Decree from the Leucon's Beginning of Rule. But he permits understand him as the oldest building Inscription on Cimmerian Bosphorus. This refer us to the important Spartocids Propaganda Action, the Construction in Panticapaeum of agora with stoa on behalf of the Throne's Successor. So this epigraphical Text can be the first Document from Bosphorus related to young Spartocus II.

Keywords: *Leucon, Spartocus, Cimmerian Bosphorus, building Inscription, Script, Paleography, Letters, Lines.*

УДК 94 “1949”; 902

В. Ю. Юрочкин

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ В КЕРЧИ И СЕКТОР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ КНИБ АН СССР В 1949 ГОДУ

В статье рассматриваются проблемы охраны памятников древнего и средневекового периодов на Керченском полуострове. Они были подняты на заседании, организованном крымскими археологами в 1949 г. при участии руководства Керченского музея. Вмешательство учёных во многом способствовало их разрешению.

Ключевые слова: *Керчь, охрана памятников, археология, 1949 г.*

Мы справедливо гордимся своими традициями. Но традиционными зачастую бывают и проблемы. Проблемы с сохранением археологического наследия Крыма, ещё в недалёком прошлом ярко выраженные, во многом активно устраняются. При этом небезынтересно обратить внимание на эти вопросы в том виде, в котором они существовали более семидесяти лет тому назад, и какую роль в их разрешении играли представители академической науки.

Ситуацию помогает прояснить «Протокол заседания Сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской Базы АН СССР от 5-го октября 1949 года», хранящийся в научном архиве Института археологии Крыма РАН [7, л. 91-97]. На заседании поднимались вопросы состояния и меры по обеспечению сохранности памятников археологии древнего и средневекового периодов на Керченском полуострове, а поводом послужил доклад директора Керченского Государ-

ственного музея Виталия Ивановича Юдина [10, с. 129-138].

Академическая археология в нашей стране никогда не оставалась в стороне от дела сохранения памятников. До эпохи революционных потрясений Херсонесский и Керченский музеи входили в структуру ИАК [3, с. 33; 9, с. 163], а их руководители сочетали функции исследователей и хранителей археологического наследия. Позднее это двуединство было нарушено. Хотя в штатах музеев и присутствовали профессиональные археологи, основную часть научно-исследовательской и полевой работы брали на себя экспедиции из столичных НИИ и крупных музеев. После Великой Отечественной войны повлиять на ситуацию в Крыму пытался начальник Тавро-Скифской экспедиции ГМИИ и ИИМК П. Н. Шульц в 1947 г., уполномоченный Президиумом АН СССР подготовить основу для создания в Крыму научно-исследовательской Базы

АН СССР. Разрабатывая её проект, он планировал, что в состав историко-археологического сектора войдут: заповедники «Неаполь Скифский» (руководство он брал на себя), Херсонесский (под руководством Г. Д. Белова), а также станции — Бахчисарайская и Керченская [11, с. 42-43]. Что касается последней, то в её штате предполагалось 5 научных сотрудников и технический персонал. По задумке П. Н. Шульца вышеуказанные структуры и были призваны аккумулировать научно-исследовательскую деятельность по изучению важнейших памятников полуострова. В роли руководителя Керченской станции П. Н. Шульц видел известного краснодарского археолога Н. В. Анфимова и даже сделал ему официально предложение на этот счёт [6, л. 12]. Но тот по неизвестным причинам от него воздержался. В итоге удалось организовать лишь Бахчисарайскую станцию, которую долгие годы возглавлял сотрудник Сектора истории и археологии (далее — СИА) Крымской научно-исследовательской базы АН СССР (далее КНИБ АН СССР) Е. В. Веймарн [11, с. 43], работавший в теснейшем контакте с Музеем пещерных городов в Бахчисарае. Благодаря их сплочённой позиции в 1948 г. удалось спасти от разрушения теперь уже широко известный могильник позднеримского времени в Инкермане [12].

Хотя первоначальные планы и не удалось воплотить в жизнь, СИА под руководством П. Н. Шульца не оставлял внимания крымские музеи, в частности Керченский Государственный музей (далее — Музей). Традиционно археологические экспедиции СИА в Керчи не работали, а археологи из ведущих столичных учреждений свои исследования вели только в пределах полевого сезона. Не секрет, что Керчь достаточно удалена от областного центра и это создавало дополнительные трудности для контактов, особенно в послевоенные годы. Поэтому в межсезонье сотрудники

Музея вновь оставались один на один с проблемами сохранения культурного наследия. Руководство СИА, пользовавшееся определённым влиянием в областных партийных и советских органах, оказывало помощь в спасении археологических объектов в Керчи и её окрестностях. Показательна история с Мирмекием, произошедшая в мае 1948 г., когда «Керчьметаллургстрой» с разрешения Керченского горисполкома начал взрывные работы для добычи камня на Акропольской скале городища. Вмешательство Музея не возымело действия. В. И. Юдин срочно телеграфировал П. Н. Шульцу, находившемуся тогда в Москве. П. Н. Шульц связался с влиятельнейшим историком Б. Д. Грековым, попросив его на уровне Верховного Совета СССР срочно решить данный вопрос. В течение трёх дней проблему удалось разрешить, и взрывные работы были остановлены [7, л. 42-43].

Однако успешный исход этой частной проблемы, конечно же, не спасал общей ситуации. Для её оценки и выработки совместной позиции осенью 1949 г. в Симферополе КНИБ АН СССР было организовано совещание, в котором приняли участие сотрудники СИА, представители государственной власти, ответственные охрану памятников, и директор Керченского Государственного музея В. И. Юдин. Следует также обратить внимание: за год до этого СМ СССР принял Постановление №3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» за подписью И. В. Сталина, в котором отмечались серьёзные недостатки в этой области, и устанавливался порядок деятельности в данной сфере. Основная работа в деле учёта и сохранения памятников, в том числе и археологических, возлагалась на государственные органы. Но предусматривалось и активное участие АН СССР в лице научно-методического совета при Президиуме АН СССР, который возглавил академик И. Э. Грабарь. Так что проведение указанного мероприятия

обуславливалось не только личной инициативой СИА, но и шло в русле государственной политики.

В своём докладе и ответах на вопросы участников совещания В. И. Юдин признавал, что состояние памятников на Керченском полуострове и их охрана находятся в очень плачевном состоянии, поскольку отсутствует необходимая для этого материальная база. Выяснилось, что проблемы во многом обусловлены «бесхозностью» памятников археологии, которые не были официально закреплены за Музеем. Следовательно, отсутствовала возможность, прежде всего материальная, для организации непосредственной охраны в лице штатных сторожей, проведения ремонтно-восстановительных работ, составления охранных обязательств. По традиции все памятники Керченского полуострова «приписывались» Музею, который вроде бы должен отвечать за их сохранность. Однако никогда — ни до революции, ни до Великой Отечественной войны, ни после её окончания Музей так и не получал никаких средств на их содержание. Не был решён вопрос о проверке состояния склепов со стенной живописью, в годы войны использовавшихся в качестве бомбоубежищ и временных жилищ, а после законсервированных грунтом. К этому времени пострадали и насыпи многих курганов, включая Царский и Мелек-Чесменский, но не от деятельности «черных копателей», а банально — от выборки грунта и глины. И ещё обозначилась одна проблема: не определены критерии для дифференциации памятников археологии и памятников архитектуры. По мнению В. И. Юдина, не в лучшем состоянии пребывала и охрана историко-революционных памятников, находящихся в ведении Культотдела Горисполкома, не было даже мемориальных досок. Он отмечал, что фактически все, что предпринимает Керченский музей для сохранения памятников Керчи, формально происходит по неофициальной

линии, на средства, самостоятельно изыскиваемые музеем. Он фактически в нарушение финансовой дисциплины содержит 6 сторожей и уже неоднократно ходатайствовал об увеличении их числа для охраны памятников, но традиционно получал отказ. По словам докладчика к 1949 г. музейные сторожа были только на склепе Деметры, Царском кургане, Мелек-Чесменском кургане, склепе 1891 г., на городищах Мирмекий, Тиритака, Илурат. Контрольно-ревизионные органы пока на это закрывали глаза: в акте обследования Музея в 1948 г. эта мера была признана «временной». Но не секрет, что такая, пусть и благородная самодеятельность, в те годы могла обернуться для руководства далеко идущими и отнюдь не лучшими последствиями. В итоге все, что предпринималось органами охраны памятников по линии отделов архитектуры и культпросветработы не увенчалось успехом. По словам докладчика, Музей неоднократно ставил перед Керченским Горисполкомом вопрос об охране памятников [10, с. 131]. Как водится формально принималось соответствующее решение, но на деле ситуация так и не сдвигалась с места. Поэтому, предлагал В. И. Юдин, «необходимо срочно закрепить памятники за определёнными ведомствами, с функциями охраны и вытекающими отсюда обязанностями по финансированию и обеспечению мероприятий по охране памятников культуры» [7, л. 91, 91 об.].

Из доклада и прений следовало, что одной из проблем, основополагающей с точки зрения государственной политики в деле охраны памятников, оставалась паспортизация. В приоритете, естественно, оказались историко-революционные объекты, паспортизацию которых Музей проводил совместно с Отделом культпросветработы, и архитектурные объекты. Документация на них была проще и здесь ситуация была достаточно благополучной. А вот паспорта на археологические памятники,

предусматривающие не только фотографиями, но и обмеры, Музею пришлось выполнять самостоятельно, а это оказалось ему не под силу. В итоге 13 изготовленных паспортов Отделом культпросветработы были «забракованы» [7, л. 92 об.]. Но о каком закреплении памятников за Музеем могла идти речь, если нет соответствующей документации? Получался замкнутый круг.

Обрисовалась и ещё одна неожиданная проблема, как результат деятельности столичных экспедиций. Археологические раскопки производились ежегодно, но руководители раскопок после их окончания не принимали абсолютно никаких мер по охране раскопанной территории, хотя это и предусматривалось Постановлением СМ №3898, и, по словам В. И. Юдина, даже закладывалось в смету экспедиций. При этом все наиболее ценные находки поступали в музеи Москвы и Ленинграда, а Керченскому музею в межсезонье доставались лишь проблемы [7, л. 91 об.].

Особенно участников совещания волновал вопрос о состоянии храма Иоанна Предтечи. Комиссия, направленная в Керчь по указанию академика И. Э. Грабаря по инициативе Секретаря Крымского обкома ВКП(б) П. И. Титова и заведующего СИА П. Н. Шульца [7, л. 88, 89] под руководством известного архитектора, знатока древнерусской архитектуры П. Д. Барановского, пришла к неутешительным выводам. Они касались, прежде всего, склепа Деметры, где от сырости страдали фрески, и храма Иоанна Предтечи. И. Э. Грабарь подверг критике не только руководство Музея, самоустранившегося от охраны археологических памятников и переключившихся на краеведческую работу, но и СИА КНИБ. Последняя, как он полагал, не оказывает должной помощи, в частности так и не реализовала идею создания Керченской научно-исследовательской станции, хотя штатные единицы были для этого предусмотре-

ны. Академик высказывал пожелание, чтобы КНИБ «обсудила вопрос о целесообразности учреждения заповедника общесоюзного значения в г. Керчи с тем, чтобы этот заповедник был передан в её ведение в качестве филиала научно-исследовательской станции» [7, л. 114-115].

Надо отметить, что для СИА вопрос о храме Иоанна Предтечи стоял гораздо глубже. В эти годы одной из важнейших (а точнее основополагающих) научных тем СИА КНИБ был сбор доказательств в пользу древнейших связей Крыма с Россией [14, с. 175-176]. Гипотезу о раннеславянских древностях в Крыму поддерживал и В. И. Юдин [10, с. 135]. Поскольку сооружение церкви было близко по одной из версий времени Тмутарканского древнерусского княжества, невольно возникал соблазн объявить её одним из древнейших, наряду с киевскими храмами, памятником древнерусской архитектуры. Здесь надо напомнить, что идея византийского происхождения храма и вообще какого-либо влияния Византии на Крым и Русь, в эти годы, мягко говоря, не приветствовалась [13]. К тому же на Коктебельском городище (Тепсень), а его культура, по мнению сотрудника СИА В. П. Бабенчикова являлась славянской [14, с. 194-197], было обнаружено основание трехапсидного храма [1, 2; 5, с. 255-267], конструктивно сходного с керченской церковью. Это же мнение разделял и сотрудник Академии архитектуры УССР Ю. С. Асеев [8, л. 84-86]. Так, что вопрос сохранения данного уникального памятника «древнерусской» архитектуры был принципиальным, особенно для СИА.

Здание храма Иоанна Предтечи (церковный приход был упразднён ещё в 1930-х г.), сильно пострадало во время Великой Отечественной войны, а в 1947 г. было закреплено решением Горисполкома за Музеем. Но в 1948 г. отдано организации «Заготзерно», правда — временно, несмотря на Ре-

шение Исполкома Крымского Облсовета №64 от 23 января 1948 г. [7, л. 1.].

Но Музей так и не включился в борьбу за скорейшее его возвращение. В связи с этим на заседании сотрудница СИА О. Я. Ковалева предложила: раз Музей нуждается в дополнительных помещениях, в частности для размещения лапидария, не стоит ли использовать для этих целей именно храм Иоанна Предтечи? Её поддержал П. Н. Шульц, назвав продолжение эксплуатации выдающегося памятника средневекового зодчества «Заготзерно» безобразным, недопустимым фактом [7, л. 95, 95 об.].

В прениях особо эмоциональным было выступление сотрудника СИА Е. В. Веймарна. Он в частности сказал: «Состояние дела с охраной памятников на Керченском полуострове находится в плохом положении. Организаций ведущих наблюдения за памятниками очень много, но нет существующих результатов. Сектор должен высказаться по этому поводу достаточно ясно. Решение Правительства по вопросам охраны пока не выполнено. Ответственности за состояние памятников не чувствуется ни по одной линии охраны. За состояние и охрану памятников отвечают, согласно Постановлению СМ СССР от 14/Х-48 г. районные и городские Исполнительные комитеты. Между тем упомянутое Постановление не доведено до мест. Сектор должен поставить вопрос об организациях, ведущих раскопки, но не принимающих мер к охране территории раскопок. Акты и протоколы о состоянии памятников не приносят результатов. Необходимо переходить от слов и бумажной переписки к делу.... Виновных должна была бы знать вся область. Мероприятия по охране памятников должны доводиться до конца» [7, л. 93]. Ему вторил сотрудник СИА В. И. Бобин: «Пока никто конкретно не отвечает за состояние и охрану памятников. В этом виноваты, в первую очередь, органы архитектуры, культпросветучреждения,

музеи и все мы. Необходимо добиться быстрой реакции на все неполадки в области охраны памятников, доводить их до сведения широкой общественности, писать в газету. Необходимо поручить кому-либо из представителей охраны памятников сделать доклад о состоянии памятников по всему Крыму с планом мероприятий и предложениями по организации их охраны. Доклад об этом следовало бы довести до сведения Президиума Академии наук СССР» [7, л. 93, 93 об.].

Вопрос о состоянии памятников эпиграфики подняла сотрудник ИИ АН СССР А. И. Болтунова. Она отметила, что поскольку у Музея нет специального лапидария, эпиграфическими артефактами забит дромос Царского кургана, где они покрываются мхом и скоро многие из них «перестанут быть эпиграфическими» [7, л. 93 об.]. По её мнению, Керченский музей традиционно рассматривался как историко-археологический, но теперь ему вменяют в обязанности краеведческие функции, а на эти двойные функции не хватает ни сил, ни средств. А поэтому: «Учёные должны высказаться за создание в Керчи Краеведческого музея и о сохранении Керченского историко-археологического музея. Необходимо подумать об организационных формах музея, в каком ведомстве должен находиться музей. Может быть, музей следует передать в систему АН СССР.» [7, л. 94]. Нечто подобное предлагал в своё время П. Н. Шульц, а затем и И. Э. Грабарь.

Из тональности выступлений следует, что отношения между Отделом культпросветработы Крымского Облисполкома и Музеем оставляли желать лучшего. Инспектор по охране памятников О. Д. Кондратенко обвиняла во всех грехах сам Музей, который, по её мнению, «оторвался от общественности» и не ставит вопросы охраны памятников ни перед Облисполкомом, ни перед Горисполкомом Керчи, а самое главное — «сорвал дело паспортизации», не привлёк к вы-

полнению этого правительственного задания студентов-практикантов экспедиций, работавших на полуострове. По её словам, В. Ю. Юдину дан последний срок — 17 октября, иначе он должен понести ответственность. Что же касается вопросов экспозиции, то здесь надо почаще обращаться к научному персоналу экспедиций и представителям СИА. Областной Отдел культурпросветработы не стоит упрекать в «голом администрировании», а начальник отдела М. М. Максименко «два раза (! — В. Ю.) был в Керчи, дважды говорили по телефону — но дело не сдвинулось» [7, л. 94 об., 95].

Упрёки в бездеятельности в сторону В. И. Юдина были не вполне обоснованы. Востоковед по образованию, он не только зарекомендовал себя успешней дипломатической деятельностью в Монголии в 20-30-е гг. XX в., но и был участником научных экспедиций в регионе, автором публикаций [10, с. 130]. После его назначения на должность директора весной 1945 г. ему достался фактически разрушенный музей с разорённым коллекцией уничтоженным архивом. За эти годы он не только наладил работу учреждения, развернул экспозицию, но и всецело способствовал научной работе, сделав возможным использование керченских артефактов в исследованиях ведущих археологов Москвы и Ленинграда [10, с. 133]. В эти годы заместитель по научной части А. П. Иванова готовила докторскую, а главный хранитель Б. А. Жеребцов и Л. И. Чуистова — кандидатские диссертации, был возвращён на работу в музей Ю. Ю. Марти. Планировалось создание научно-популярных очерков «Прошлое Керчи» и других изданий. Организована практика для студентов столичных ВУЗов [10, 133-136]. В условиях послевоенной действительности это уже было большим достижением, хотя, конечно, и не решало всех объективных проблем.

Подводя итоги заседания, П. Н. Шульц также назвал положение с охраной памят-

ников в Керчи неблагополучным. Но, по его мнению, виноваты в этом многие, а не только Музей. Это и областной Отдел культурпросветработы, удостоивший Музей только требований по телефону, и областной Отдел архитектуры, и Главный архитектор города, и работающие на полуострове археологические экспедиции, оставившие Музей наедине со всеми проблемами. А ведь сообща могли сделать многое. В пример он ставил Тавро-Скифскую экспедицию, которая добилась закрепления городища Неаполя Скифского за областным Краеведческим музеем, сразу получившим три единицы сторожевой охраны и установившим проволочное ограждение раскопок. При этом он подчеркнул — Музей ни в коем разе не игнорирует СИА, в частности по вопросу создания в Керчи историко-археологической станции. В тоже время между Керченским музеем и областным Отделом культурпросветработы, как выясняется, контакта нет, а «административными окриками работу в Керчи не поставишь» [7, л. 96 об.]. Конечно, это не снимает ответственности с Музея за срыв паспортизации, ведь это важнейшее условие для налаживания их охраны. Учитывая все эти трудности, по мнению П. Н. Шульца, «нужно поставить вопрос о создании в Керчи Краеведческого музея и о создании на базе историко-археологического Музея — заповедника всесоюзного значения. Если не в 1950 г., то в 1951 году керченские памятники, как и херсонесские, должны быть объединены в заповедниках, научное руководство которыми должно осуществляться по линии АН СССР» [7, л. 96, 96 об.]. В заключение П. Н. Шульц попросил В. И. Юдина предоставить докладную записку по рассматриваемому вопросу, которая с соответствующим заключением СИА и конкретными предложениями будет направлена в вышестоящие организации и учреждения.

К концу октября 1949 г. В. И. Юдиным была составлена докладная запи-

ска в адрес КНИБ АН СССР. Помимо вопроса о сторожах и состоянии склепа Деметры, она касалась и храма Иоанна Предтечи, причём в необычном ракурсе. Автор предлагал не только провести ремонтно-восстановительные работы, но и снести часть храма, пристроенную в XIX в. Позиция весьма странная, учитывая нехватку площадей у Музея. Кроме того, предлагалось территорию горы Митридат, городища Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Илурат, Китей, Киммерик и Порфмий объявить заповедниками [7, л. 121-123]. В октябре-ноябре того же года по заданию СИА его сотрудник О. И. Домбровский и лаборант П. А. Шохин провели детальное обследование склепа Деметры, составив об этом подробный отчёт [7, л. 127-135], который стал большим подспорьем для будущих работ на памятнике. Доклад о состоянии памятников Керчи и Крымской области в целом был представлен П. Н. Шульцем в ноябре 1949 г. на заседании Научно-методического совета по охране памятников при Президиуме Академии наук СССР под председательством И. Э. Грабаря [7, л. 137].

В конечном итоге приложенные совместные усилия возымели определённое действие. 7 декабря 1949 г. Исполком Керченского Горсовета принял решение №557 «О мерах улучшения охраны памятников культуры в г. Керчи». В нем запрещалось всем юридическим и физическим лицам использовать памятники и охраняемые зоны для какой-либо деятельности без согласования с Главным архитектором города и дирекцией Керченского музея. Начальнику Керченского отделения милиции вменялось в обязанность обеспечить охрану наиболее выдающихся памятников: Царского и Меллек-Чесменского курганов, склепов, включая склеп Деметры, археологических раскопок античных городищ. Исполком ходатайствовал о выделении на 1950 г. 8 штатных единиц сторожей для Керченского музея и даже пред-

лагал ввести должность техника-архитектора для организации контроля за состоянием памятников города при Управлении Главного архитектора города. Также было решено установить охраняемые зоны памятников, согласно выкопировок из плана города. Предлагалось выделить Керченскому музею в 1950 г. 250 тысяч руб. на ремонтно-восстановительные работы. Что касается храма Иоанна Предтечи, то в целях его сохранности и проведения реставрационных работ было решено освободить охраняемую зону памятника от жильцов и разместить в освобожденном здании Управление Главного архитектора города [7, л. 141, 141 об.].

Конечно, все накопившиеся проблемы нельзя было решить в одночасье, особенно в суровый послевоенный период. Не удалось реализовать и планы включения Керченского музея в структуру АН СССР и создания здесь заповедника всесоюзного значения. К 1950 г. КНИБ была преобразована в Крымский филиал АН СССР, а СИА предполагалось поднять до статуса Института истории и археологии. В состав Института в качестве заповедников планировалось включить Херсонесский и Керченский музеи, Музей пещерных городов, а также Судакскую крепость, создав на её базе историко-археологическую станцию. Научная работа этих структур должна была подчиняться планам Крымского филиала АН СССР. Но проект так и остался на бумаге. По всей видимости, не хватало ни средств, ни, вероятно, научных кадров [4, с. 7, 9].

В заключение хочется отметить, что это конечно лишь малый эпизод из истории охраны культурного наследия Керчи. Но он в очередной раз показывает, что совместные усилия учёных, музейных работников и представителей государственной власти при наличии взаимопонимания могут способствовать решению, казалось бы, нерешаемых вопросов. И о таких примерах стоит знать и помнить.

1. Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949-1951 гг.) // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX. С. 104-116.
2. Бабенчиков В. П. Итоги исследований средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 88-146.
3. Виноградов Ю. А. Страницы истории Боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859-1917) // Боспорские исследования. 2012. Вып. XXVII. 365 с.
4. Емельянова Н. С. Институт истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР: нереализованный проект // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А (Античность и средневековье). 2018. №26 (VIII). С. 6-18.
5. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-восточном Крыму. Киев, 2004. 315 с.
6. Научный архив Института археологии Крыма РАН (далее НА ИАК РАН). 1948. Д. 3.
7. НА ИАК РАН. 1949. Д. 3.
8. НА ИАК РАН 1951. Д. 6.
9. Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. №1. С. 154-178.
10. Шестакова Н. Д. В. И. Юдин — директор Керченского музея // XII Таврические научные чтения. Ч. 2. Симферополь, 2012. С. 129-138.
11. Юрочкин В. Ю. Создание Сектора истории и археологии Крымской базы АН СССР // Материалы IV научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». Симферополь, 2016. С. 41-44.
12. Юрочкин В. Ю. «Инкерман-48» или первые спасательные раскопки в послевоенном Крыму // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай, 2017. С. 30-31.
13. Юрочкин В. Ю. Византия и Крым в контексте политических компаний послевоенного периода // X Международный Византийский семинар «Χερσωνος θεματα: империя и полис». Материалы научной конференции. Вып. X. Севастополь, 2018. С. 179-182.
14. Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8) // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до гнузцев (коллективная монография, отв. ред. Л. Б. Вишняцкий). СПб., 2017. С. 157-231.

The article deals with the problems of protection of monuments of the ancient and medieval periods on the Kerch Peninsula. They were raised at a meeting that was organized by Crimean archaeologists in 1949 with the participation of the leadership of the Kerch Museum. The intervention of scientists largely contributed to their resolution.

Keywords: Kerch, protection of monuments, archeology, 1949

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА» (11-14 АВГУСТА 2019)

Учредители и организаторы конференции: Министерство культуры Республики Крым, ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусства и туризма», ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет».

В адрес конференции и руководства музея-заповедника были получены приветственные адреса от Главы Республики Крым Аксенова С. В., министра культуры РК Новосельской А. В., директора ГМИИ им А. С. Пушкина Лошак М. Д.

В конференции приняли участие более 80 человек — музейные работники, археологи, историки, краеведы, представители Государственной Думы Российской Федерации, Министерства культуры Крыма, Государственного комитета по охране культурного наследия РК, органов самоуправления г. Керчи, преподаватели и учащиеся средних и высших учебных заведений.

На пленарном заседании и в ходе работы двух секционных заседаний было заслушано 30 докладов и сообщений, объединенных темой «К 100-летию российской академической археологии и 80-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа». В ходе конференции участники уделили внимание развитию академической археологии России и достигнутым результатам археологических работ за последнее столетие, итогам исследования античного комплекса Нимфей и задачам по его дальнейшему изучению, вкладу Керченского музея древностей в зарождение и развитие академической археологии России, обсудили актуальные вопросы сохранения исторического и культурного наследия Крыма и Российской Федерации в целом. Доклады участников конференции будут опубликованы в сборнике «Таврические студии», включенном в систему РИНЦ.

По представлению комиссии по наградам Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника ряд ученых были награждены памятными знаками «За верность делу» и «Золотой олень», учрежденными в честь 190-летия Керченского музея древностей.

Участники конференции провели выездное заседание и познакомились с результатами раскопок на городище «Нимфей» (руководитель Н. Новоселова).

Участники конференции выражают благодарность Государственному бюджетному учреждению Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», Министерству культуры Республики Крым, Федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего образования «Керченский государственный морской

технологический университет» за проведение конференции на высоком организационном уровне.

Участники конференции констатировали, что:

— Международная научно-практическая конференция «Археология и история Боспора» прошла на высоком научном и организационном уровне и подтвердила свой статус одной из ведущих научно-практических конференций по истории, археологии и охране культурного наследия юга России и одного из самых значительных научных форумов, посвященных археологическим исследованиям Боспорского царства.

— Классическая археологическая наука России подошла к своему 100-летию с большим багажом достижений, новыми методиками археологических исследований, основанных на достижениях научно-технического прогресса, законодательной регламентации и повысившейся в последние годы интенсивности исследований, иногда меняющих многовековые представления об истории исследуемых территорий.

— Памятники Керченского полуострова и их изучение Керченским музеем сыграли основополагающую роль в возникновении и становлении российской классической археологии.

— Все наиболее масштабные и важные народно-хозяйственные проекты, особенно на территориях, насыщенных сложными, разновременными и исторически значимыми археологическими памятниками должны проходить обязательную предварительную археологическую экспертизу и сопровождаться соответствующими изысканиями профессионалов из числа работников государственных академических специализированных, ведущих музейных и учебных учреждений Российской Федерации.

— Принятый ранее регламент РАН в области проведения археологических исследований предоставляет возможность ужесточения требований при выполнении таких работ с целью исключения сознательной фальсификации итоговых результатов отдельными лицами, их допустивших, и при необходимости лишения их пожизненного права на проведение археологических исследований.

— Принятые в последнее десятилетие ряд федеральных законов в области археологии и охраны культурного наследия должны дополняться ввиду изменяющихся социально-экономических условий. Многократно повторяющиеся нарушения ФЗ №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в разных регионах РФ недопустимы.

— Керчь как древнейший город Российской Федерации, ставший «воротами» и «лицом» Крыма и имеющий на своей территории огромное количество памятников истории и культуры, природно-заповедных зон, нуждается в реконструкции и модернизации функциональных зон, реализации градостроительной концепции, которая поможет Керчи стать городом, соответствующим её новому статусу. Эта задача может быть решена только с помощью национального проекта — отдельной программы по сохранению уникального города Керчи и прилегающих территорий Керченского полуострова.

— Восточно-Крымский ИКМЗ предпринимает все возможные действия для сохранения исторического и археологического наследия Керчи и Восточного Крыма, однако усилия администрации и его сотрудников нуждаются в государственной поддержке, активном участии научной общественности, представителей разных сфер деятельности — археологов, геологов, историков, архитекторов и т. д.

Участники конференции приняли следующие решения:

— поддержать усилия ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» в деле защиты памятников истории и культуры Восточного Крыма,

— потребовать от Госкомитета по охране культурного наследия РК в полной мере использовать законодательную базу РФ для предотвращения любой несанкционированной деятельности, угрожающей сохранению объектов и памятников архитектурного и археологического наследия; обеспечить обязательные археологические исследования, предваряющие любую хозяйственную или поисковую деятельность,

— подготовить обращение в комитет по культуре Государственной Думы РФ о внесении изменений и дополнений в законодательство РФ в плане согласования ФЗ №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» с другими законами и нормативными актами, регламентирующими археологические раскопки и другие поисково-земельные работы,

— подготовить обращение в Госкомитет по охране культурного наследия РК, Генеральную прокуратуру РФ, Администрацию Президента РФ о запрете застройки горы Митридат, исторического центра города и других территорий, прилегающих к историческим объектам Керчи и Восточного Крыма, а также о регулярных нарушениях ФЗ №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»,

— подготовить обращение в Правительство РФ о подготовке проекта музеефикации археологических памятников как основы концепции развития Керчи и Восточного Крыма в качестве археологического парка (кластера) в рамках отдельного национального проекта,

— обратиться в Министерство культуры РФ, к депутатам Государственной Думы с требованием инициировать выполнение поручения Президента о музеефикации объекта культурного наследия федерального значения — античного городища Пантикапей,

— обратиться в Госкомитет по охране культурного наследия РК с ходатайством о выделении Восточно-Крымскому ИКМЗ средств на охранные и плановые археологические исследования и раскопки,

— обратиться в Госкомитет по охране культурного наследия РК об ускорении и оптимизации работ по определению предмета охраны и границ территории ОКН «крепость «Керчь»,

— обратиться в Госкомитет по охране культурного наследия РК о придании статуса выявленного ОКН — объекту «Аллея склепов некрополя городища Нимфей» и подготовить все необходимые для него документы, включая определение предмета охраны и границы территории,

— обратиться в Госкомитет по охране культурного наследия РК о корректировке границ территории ОКН «античное городище Нимфей» и «Некрополь городища Нимфей», подготовив все документы,

— обратиться в Госкомитет по охране культурного наследия РК о включении выявленных ОКН: «Аллея склепов», «Некрополь городища Нимфей», «античное городище Нимфей» в состав объектов Восточно-Крымского ИКМЗ,

— обратиться в Госкомитет по охране культурного наследия РК о срочном выполнении работ по определению предмета охраны и границ территории ОКН «Поселение Манитра»,

— обратиться в МИЗО РК с просьбой провести необходимые кадастровые работы по выделению земельного участка, на котором расположено

ОКН «Поселение Манитра», согласно установленным границам территории ОКН,

— обратиться в МИЗО РК с просьбой провести необходимые кадастровые работы по выделению земельного участка, на котором расположено ОКН «Городище и некрополь Артезиан», согласно установленным границам территории ОКН работами 2017-2018 гг., а также утверждённой Совмином РК АПЗ ОКН «Городище и некрополь Артезиан»,

— обратиться в Госкомитет по охране культурного наследия РК об определении охранной зоны храма Иоанна Предтечи в центре г Керчи,

— обратиться в Российскую академию наук и ФГБУН «Институт археологии РАН» о внесении уточнений в методики археологических исследований и проведения раскопок, ужесточение личной ответственности за выдаваемые сфальсифицированные археологические заключения вплоть до пожизненных запретов на право занятия такими работами,

— разработать мероприятия по продвижению создания музейно-археологического кластера в г. Керчи и градостроительной концепции,

— подготовить документы и обратиться в комиссию администрации г. Керчь о возвращении ул. В. И. Ленина исторического имени «ул. Воронцовская»,

— подготовить и направить пакет документов в Министерство культуры РФ по склепу Деметра для включения в ФЦП РФ по его сохранению,

— подготовить план мероприятий по празднованию 125-летия открытия склепа Деметры,

— одно из направлений конференции «Археология и история Боспора» 2020 г. посвятить 125-летию юбилею открытия склепа Деметры,

— внести корректировки в регламент работы конференции:

- задавать вопросы докладчику сразу после выступления,
- доклады некоторых участников конференции представлять в постерном виде,
- оборудовать зал заседаний радиомикрофонами для удобства обмена мнениями участников конференции,
- оборудовать кафедру докладчиков отдельным ноутбуком или монитором.

Список сокращений

- ААЭ — Артезианская археологическая экспедиция МПГУ
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб
БИ — Боспорские исследования
БИ — Боспорские исследования. Симферополь, Керчь
БС — Боспорский сборник
ВДИ — Вестник древней истории
ГБУ РК ВКИКМЗ — Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ДБ — Древности Боспора
ЗООИД — Записки одесского общества истории древностей
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИАКр — История и археология Крыма
ИИ АН СССР — Институт истории АН СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА — Краткие сообщения Института Археологии АН. М.
КНИБ АН СССР — Крымская научно-исследовательская база АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛИМК — Лексикон Иконографический Мифологии Классической
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МПГУ — Московский Педагогический Государственный Университет
НА ИАК РАН — Научный архив Института археологии Крыма РАН
ОАС ГЭ — Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. СПб.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
РАН — Российская академия наук
Р. Х. — Рождество Христово
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., Спб.
СИА — Сектор истории и археологии КНИБ АН СССР
СМ — Совет Министров СССР
Т — том
ТАГМ — Труды Абхазского государственного музея. Сухум.
ТВ — траншея выборки
ТД — Тезисы докладов
ТезКОА — Тезаурус Культур и Обрядов Античных
ТОАМ — Труды Отдела Античного мира. Л.
ТС — Таврические студии
ХА — Хазарский альманах
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden — Boston
CIRB — Corpus inscriptionum Regni Bosporani
LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
ThesCRA — Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum

Сведения об авторах

Бейлин Денис Владиславович, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии Крыма» РАН (Россия, г. Керчь)

Белик Юрий Леонидович, кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом «Крепость Керчь» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории ФГКВБОУ ВО «Военный университет» МО РФ (Россия, г. Москва)

Винокуров Николай Игоревич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Россия, г. Москва)

Власова Елена Валерьевна, научный сотрудник ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Джопуа Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, ст. научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия (Республика Абхазия, г. Сухум)

Жантелиева Нурзада Гарибовна, старший преподаватель кафедры регионоведения и кыргызоведения факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек.)

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула)

Камышев Константин Дмитриевич, преподаватель ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», колледж профессионального образования ФГБОУ ВО ПГНИУ (Россия, г. Пермь)

Кучеревская Алла Васильевна, старший научный сотрудник отдела охраны памятников и охранно-археологических исследований ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Кучеревская Нина Львовна, кандидат культурологии, заведующий отдела «Лапидарий» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Лютов Евгений Евгеньевич, научный сотрудник научно-исследовательского отдела «Крепость Керчь» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (Россия, г. Симферополь)

Меньшиков Максим Юрьевич, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва)

Нюшков Валентин Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Абхазского государственного музея, Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия (Республика Абхазия, г. Сухум)

Рукавишникова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии ФГБУН «Институт Археологии РАН» (Россия, г. Москва),

Смекалов Сергей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Учебно-практической лаборатории «Палата древностей» ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула)

Соколова Ольга Юрьевна, старший научный сотрудник ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Супренков Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия ФГБУН Институт археологии РАН (Россия, г. Москва)

Терещенко Андрей Евгеньевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов ФГБУК «Государственный русский музей» (г. Санкт-Петербург)

Умрихина Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, генеральный директор ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Шаров Олег Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт Археологии РАН» (Россия, г. Москва)

Шелов-Коведяев Федор Вадимович, кандидат исторических наук, эпиграфист, историк, филолог (Россия, г. Москва)

Юрочкин Владислав Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт археологии Крыма РАН (Россия, г. Симферополь)

Ярцев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула),

Authors

Belik Yury Leonidovich, Candidate of Historical Sciences, Head of a department of SBI CR "Eastern-Crimean Historical and Cultural Reserve» (Russia, Kerch)

Berlov Arthur Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Department of History, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Military University» of the RF Ministry of Defense (Russia, Moscow)

Beylin Denis Vladislavovich, Researcher of the FSBSI «Institute of Archeology of the Crimea», (Simferopol), Researcher of the SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve», (Russia, Kerch)

Dzhopua Arkady Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Director of the Abkhaz State Museum, Senior Researcher of Abkhaz Institute for Humanitarian Studies named after D. I. Gulia (Republic of Abkhazia, Sukhum)

Kamyshev Konstantin Dmitrievich, Lecturer, Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Perm State National Research University», College of Professional Education, Federal State Budget Educational Establishment of Higher Education, Perm State Scientific Research University (Russia, Perm)

Kucherevskaya Alla Vasilievna, Senior Researcher, Monument Protection and Archaeological Research Department of the SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve» (Russia, Kerch)

Kucherevskaya Nina Lvovna, PhD, Head of the Department «Lapidarium», SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve (Russia, Kerch);

Lyutov Evgeny Evgenievich, Researcher, Research Department «Krepost Kerch» SBI RC «Eastern— Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve» (Russia, Kerch)

Maiko Vadim Vladislavovich, Doctor of Historical Sciences, Director of FSBSI «Institute of Archaeology of Crimea of RAS" (Russia, Simferopol)

Menshikov Maxim Yuryevich, Researcher, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Nyushkov Valentin Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Abkhaz State Museum, Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D.I. Gulia (Republic of Abkhazia, Sukhum)

Rukavishnikova Irina Victorovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Scythian and Sarmatian Archaeology Department, FSBSI «Institute of Archaeology of the RAS» (Russia, Moscow).

Sharov Oleg Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Shelov-Kovedyaev Fyodor Vadimovich, PhD in Historical Sciences, Epigrapher, Historian, Philologist (Russia, Moscow)

Smekalov Sergey Lvovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Educational and Scientific Laboratory "The Chamber of Antiquities" Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Russia, Tula)

Souprenkov Alexandre, collaborateur scientifique de la Section d'archéologie préventive de l'Institut d'archéologie de l'Académie des sciences russe (Moscou)

Tereshchenko Andrey Evgenievich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department for the Study of the History of Palaces of the State Russian Museum (Russia, St. Petersburg)

Umrikhina Tatiana Viktorovna, Candidate of Philosophy, General Director of SBI RC «Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve» (Russia, Kerch)

Vinokurov Nikolai Igorevich, Ph.D, Professor Head of Department of Ancient History and the Middle Ages Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Vlasova Elena Valerievna, research scientist, State Hermitage (Russia, St. Petersburg)

Yartsev Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Russia, Tula)

Yurochkin Vladislav Yur'evich, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Medieval Archeology FSBSI «Institute of Archaeology of Crimea of RAS» (Simferopol)

Zhantelieva Nurzada Garibovna, Senior Lecturer, Department of Regional Studies and Kyrgyz Studies, Department of History and Regional Studies, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Kyrgyzstan, Bishkek.)

Zubarev Viktor Gennad'evich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Russia, Tula)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белик Ю. Л., Лютов Е. Е.</i> Некоторые особенности использования боеприпасов к стрелковому оружию XVIII-XX вв., выявленные на территории Ак-Бурунских укреплений Керченской крепости	6
<i>Берлов А. В.</i> Источниковая база истории Боспорского государства в период поздней античности	15
<i>Винокуров В. Н.</i> Новые колодцы в центральной части городища Артезиан	19
<i>Власова Е. В.</i> Фанагорийские фигурные сосуды с кроталами	41
<i>Джопуа А. И., Ньюшков В. А.</i> Материалы греческого импорта на некоторых памятниках в Абхазии (холм Верещагина, Эшерское городище и ГЮЭНОС)	45
<i>Жантелиева Н. Г.</i> «Бартольдский этап» в трудах А. Н. Бернштама	52
<i>Зубарев В. Г., Ярцев С. В., Смекалов С. Л.</i> Магниторазведка на археологическом памятнике Аджиэль 2 (Восточный Крым) в 2019 г.	56
<i>Камышев К. Д.</i> Династические связи Боспорского царства с правителями буферных государств римско-иранского пограничья сер. I в. до н. э. — нач. II в. н. э.	62
<i>Кучеревская Н. Л.</i> Надгробные памятники в греческом некрополе: смысл и назначение	67
<i>Кучеревская А. В.</i> К вопросу о музеефикации боспорской эллинистической загородной усадьбы	72
<i>Майко В. В.</i> Изучение памятников хазарского времени на территории Керченского полуострова в XXI веке	75
<i>Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Меньшиков М. Ю.</i> Погребальные памятники Керченского полуострова, исследованные в ходе работ при строительстве трассы «Таврида» в 2017 г.	82
<i>Соколова О. Ю.</i> О некоторых результатах раскопок на южном склоне Нимфейского плато (1972-2018)	93
<i>Супренков А. А.</i> Узунларский вал: к хронологии сооружения по результатам работ 2015-2017 гг.	103
<i>Терещенко А. Е.</i> Херсонес-Пантикапей: нумизматические параллели	111
<i>Умрихина Т. В.</i> Охрана культурного наследия Восточного Крыма: достижения и проблемы	119
<i>Шаров О. В.</i> Хронология погребений склепа Деметры: к 125-летию юбилею с момента его открытия	128
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> Древнейшая строительная надпись Пантикапея	141
<i>Юрочкин В. Ю.</i> Охрана памятников в Керчи и Сектор истории и археологии КНИБ АН СССР в 1949 году	145
РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА» (11-14 АВГУСТА 2019)	153
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	157
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	158

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 19 (2019)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. В. Климашинок*

Подписано к печати ...11.2019
Формат 189x283, Усл. печ. л. 19,07.
Гарнитура Times New Roman
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел.: +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908